

КРИМИНАЛИСТИКА. ПОЛНЫЙ КУРС

Том 2

МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА,
СПЕЦИАЛИТЕТА И МАГИСТРАТУРЫ

Под общей редакцией *И. В. Александрова*

Ответственный редактор *В. Я. Колдин*

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по юридическим направлениям*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2018

Ответственные редакторы:

Александров Игорь Викторович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Колдин Валентин Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Профессор юридического факультета кафедры криминалистики МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Криминалистика. Полный курс. В 5 т. Том 2. Методология криминалистики и криминалистический анализ : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И. В. Александров, В. Я. Колдин, О. А. Крестовников, С. А. Смирнова ; под ред. В. Я. Колдина ; под общ. ред. И. В. Александрова. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 167 с. — Серия : Бакалавр. Специалист. Магистр.

ISBN 978-5-534-08439-9 (т. 2)

ISBN 978-5-534-08437-5

В настоящем издании тома 2 «Методология криминалистики и криминалистический анализ» рассматриваются вопросы и проблемы оптимизации криминалистической деятельности в самом широком ее понимании и применении. Авторами проанализированы важнейшие средства и методы, посредством которых методология осуществляет функцию оптимизации криминалистической деятельности. Особое внимание уделено криминалистическому анализу как основному инструменту анализа содержательной (мыслительной) стороны криминалистической деятельности и его главному инструменту — понятию криминалистической информации как системе любых релевантных фактических данных, независимо от формы их получения.

Учебник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов юридических вузов и факультетов, а также практических работников правоприменительных органов.

УДК
ББК



Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

Оглавление

Авторский коллектив	5
Предисловие	6
Глава 1. Понятие, структура, система и функции криминалистической методологии	8
1.1. Концептуальные положения	8
1.2. Теория и методология криминалистики	22
1.3. Особенности использования в криминалистике методов философского и общенаучного уровня	25
1.4. Специальные методы криминалистики	32
1.5. Базовые закономерности и этапы развития криминалистических знаний	34
1.6. Криминалистическая характеристика преступления: понятие и концепция	38
1.7. Типовая информационная модель преступления как инструмент формирования криминалистической методики расследования	44
Глава 2. Структура, задачи и инструменты криминалистического анализа	56
2.1. Структура методологического комплекса	56
2.2. Структура информационного канала	57
2.3. Понятие информационного поля	59
2.4. Классификация информационных полей и методология их исследования	61
2.5. Понятие и система вещественных источников фактологической информации	62
2.6. Процессуально-технические принципы исследования источников	80
2.7. Технологии декодирования сигнальной информации	92
2.8. Проблемы общей методики	100
Глава 3. Специальная методология криминалистики	125
3.1. Развитие представлений о специальных методах	125
3.2. Теоретизация криминалистики как тенденция ее развития	127
3.3. Понятие, содержание, структура	129
Глава 4. Криминалистический анализ в системе доказывания и правоприменения	140
4.1. Функция криминалистики в системе правоприменения	140

4.2. Криминалистическая информация и доказательства	140
4.3. Доказательственные факты в структуре доказывания	147
Термины	163
Список литературы	166

Авторский коллектив

Александров Игорь Викторович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Колдин Валентин Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ Профессор юридического факультета кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Крестовников Олег Анатольевич — кандидат юридических наук.

Смирнова Светлана Аркадьевна — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор. Директор Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, г. Москва.

Предисловие

Приступая к изучению курса университетской криминалистики, юристу необходимо уяснить, зачем ему необходимо знать эту науку и что он может почерпнуть из этого курса для своей будущей профессиональной деятельности.

Современная криминалистика представляет обширную, глубоко специализированную систему знаний, обслуживающую оперативно-разыскную, следственную, судебную, адвокатскую, экспертную, регистрационную, организационно-управленческую, учебную профессиональную деятельность.

В системе одной только судебно-экспертной деятельности в настоящее время существуют сотни профессиональных специализаций в зависимости от объектов, задач и методов исследований. Так в рамках одного только рода материаловедческих экспертиз существует свыше сотни различных специализаций.

Понятно, что в рамках университетского курса криминалистики профессионально овладеть всей этой системой знаний невозможно.

Поэтому юристу общего профиля надо получить ключ к этому лабиринту знаний, чтобы найти то, что необходимо ему для решения своих собственных профессиональных задач.

Без этого изучение криминалистики будет поверхностным и малоэффективным.

Таким ключом в системе науки является методология криминалистической деятельности и ее технологический инструментарий — криминалистический анализ мышледеятельности криминалиста.

Особое значение имеет то обстоятельство, что этот инструментарий является универсальным и используется в любой профессиональной деятельности криминалиста, направленной на установление обстоятельств расследуемого события.

Алгоритмы и технологии декодирования источников информации, технологии версионного анализа, моделирования и систематизации информации не зависят от того, в какой сфере правоприменения они реализуются.

Так дактилоскопическая и ДНК идентификация как технологии инвариантны при использовании в уголовном, гражданском процессе, таможенном деле или международных конфликтах.

Эти обстоятельства и определяют круг тех криминалистических знаний, умений и навыков, которые должен приобрести юрист при изучении методологии криминалистики.

К числу таких знаний относятся:

- знание структуры науки криминалистики и структуры криминалистической деятельности;
- знание базовых технологий, используемых на техническом, тактическом и стратегическом уровне криминалистической деятельности.

К числу таких умений и навыков относятся:

- умения и навыки обнаружения носителей и источников криминалистической информации;
- умения и навыки декодирования, в том числе с использованием специальных познаний, источников криминалистической информации;
- умения и навыки версионного анализа и моделирования механизма расследуемого события и принятия криминалистических решений.

Редакционный совет Курса криминалистики

Главный (ответственный) редактор — Александров И. В.

Члены редакционного совета:

Егоров Н. Н. (отв. ред. т. 3); Колдин В. Я. (отв. ред. т. 2); Комаров И. М. (отв. ред. т. 4), Лушечкина М. А.; Махтаев М. Ш.; Ткачев А. В.; Яблоков Н. П. (отв. ред. т. 1).

Глава 1

ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, СИСТЕМА И ФУНКЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

1.1. Концептуальные положения

Новая эпоха в развитии государства и права РФ, связанная со сменой идеологических, политических и экономических вех и ориентиров, потребовала обновления и модернизации инструментов решения государственно-правовых задач.

Особую актуальность в связи с этим приобрел пересмотр статуса и функций таких традиционных инструментов правосудия как судебная экспертиза и криминалистика.

Принятые в этих науках традиционный теоретико-догматический и науковедческий подходы не отвечают новым возможностям науки и технологии.

Модернизация статуса и научного аппарата прикладных наук должна начинаться с их методологии, непосредственно связанной с технологическими функциями научного знания.

Ведущим вектором современного развития промышленного производства и общественных отношений является глобальная информатизация и технологизация.

Показательно при этом, что многие информационные технологии внедряются в практику и получают «права гражданства» стихийно без их апробации и научного обоснования.

Это случилось со многими технологиями распознавания и идентификации личности в системах коммуникаций и безопасности, кодах подлинности в промышленном производстве и торговле, здравоохранении и др.

Эти факты свидетельствуют о методологическом отставании науки, которая обязана прогнозировать потребности практики и обеспечивать ее развитие внедрением соответствующих технологий.

В триаде категорий «Теория — Методология — Технология» ведущую роль в прикладных науках играет методология.

Именно она, опираясь на закономерности объекта (теория), выстраивает алгоритмы действия, снабженные современными информационными и научно-техническими средствами, на основе чего создаются современные технологии общественного производства.

Рассматривая методологию как инструмент оптимизации криминалистической деятельности в самом широком ее понимании и применении, существенно обратить внимание на важнейшие средства и методы, посредством которых методология осуществляет функцию оптимизации криминалистической деятельности.

К их числу относятся, в первую очередь, следующие:

- 1) инструментарий системно-деятельностного, информационного, функционального и иных общенаучных подходов, анализов и методов;
- 2) структуризация познавательных, процессуальных и производственных процессов, как средство их алгоритмизации и технологизации.

Терминология, язык науки, как инструменты решения ее задач. Рассмотрим в качестве примера методологическую функцию структуризации и терминологического анализа.

Инструментом анализа содержательной (мыслительной) стороны криминалистической деятельности является криминалистический анализ.

Базовыми уровнями познавательной структуры криминалистического анализа являются уровни непосредственного и опосредствованного исследования. На этих уровнях осуществляется формирование систем исходных фактических данных (доказательств). При этом на уровне опосредствованного логического исследования формируется системы доказательственных и искомых фактов, служащих основанием принятия процессуальных решений.

По принципу процессуальной компетенции субъектов принятия решений выделяется преддоказательственный уровень, уровень процессуального доказывания и уровень принятия процессуальных решений.

На преддоказательственном уровне формируется значительный потенциал криминалистической информации, инициирующий и обеспечивающий процесс доказывания.

На доказательственном уровне формируются правовые и фактические основания принятия правовых решений.

Уровень принятия правовых решений как фаза правоприменительной деятельности является одновременно итоговым уровнем криминалистического анализа и доказательственной деятельности.

Стадии криминалистического анализа следует различать в зависимости от характера информационно-технологических и процессуальных задач, разрешаемых на том или другом этапе доказывания.

К их числу относятся обнаружение материальных носителей информации, обнаружение источников, декодирование сигналов, анализ и систематизация информационных полей, установление доказательственных фактов, формирование общих доказательственных систем, установление главного факта, верификация.

Стадии доказывания осуществляются в рамках судебного процесса, но не сливаются с его стадиями.

Процесс доказывания, осуществляемый данным субъектом доказывания, на протяжении всех промежуточных стадий судебного процесса и обосновывающий его итоговые решения по делу, представляет цикл процессуального доказывания. Цикл процессуального доказывания осуществляется в рамках процессуальных отношений, объединяемых деятельностью одного субъекта доказывания.

В цикле процессуального доказывания реализуются все его уровни и стадии. В процессе криминалистического анализа в качестве единиц информации используются понятия признака и знака, представляющие «кванты» информации, а также понятия информационных криминалистических систем разного уровня: систем исходных фактических данных (информационных потоков), систем доказательственных фактов, систем главного факта.

Исходной при исследовании и доказывании является материальная воспринимающая система, свойства которой выступают как сигналы релевантной информации. Выделенные в этой системе признаки представляют кванты информации, а само их выделение исследователем характеризует первый аналитический уровень, связанный с формированием исходных фактических данных.

Выделение признаков вещей и знаков сообщений как элементарных квантов криминалистической информации имеет двойное значение. С одной стороны, оно характеризует пределы анализа, мысленного проникновения в структуру объекта, а с другой — создает возможности количественной и качественной оценки исходной информации (вариационности признаков, частоты встречаемости свойств, координат движений, констант состояний и т. п.). Системы признаков и знаков образуют информационные потоки, составляющие содержание исходных фактических данных («доказательств» на уровне процессуального доказывания).

Понятие информационного поля как информации о доказательственном факте, содержащейся в отдельном источнике, не совпадает с «единым понятием доказательства». Один источник может содержать ряд различных информационных полей. С другой стороны, различные источники могут содержать аутентичные потоки информации. Система связанных по содержанию информационных полей образует информационную криминалистическую систему, основное назначение которой состоит в установлении доказательственного факта. Соответственно различаются частные или общие информационные системы.

К числу функций информационных криминалистических систем относятся выявление и объяснение противоречий в информационных потоках, относящихся к доказываемому факту, опровержение ложных утверждений и достоверное установление (доказывание) факта. Таким образом, осуществляется логико-познавательная интерпретация исходных фактических данных с точки зрения их непротиворечивости и достаточности для вывода о доказываемом факте.

В зависимости от информационной природы исходных фактических данных различаются типы информационных криминалистических систем: *системы сигналов информации, системы информационных полей и системы фактов.*

На этой основе формируются и типовые технологии криминалистического исследования: аналитические, информационные и логические.

Аналитические технологии используются для декодирования содержания источников фактических данных; информационные — для анализа информационных потоков, составляющих содержание доказательственных фактов. В свою очередь, для исследования взаимосвязи достоверно установленных фактов используются логические методы.

Уровни и стадии криминалистического анализа существенно различаются не только с точки зрения характера исходных фактических данных и степени приближения выводов к конечной цели исследования. Существенно различны методы и технологии анализа. Так, декодирование сигналов по правилам естественного или искусственного кода на аналитическом уровне, а также технологии информационного, системно-структурного, деятельностного и логического анализов представляют глубоко специализированные профессиональные виды деятельности.

Возможность достоверного установления событий и явлений по их отображениям в связи с понятием истины в судебном процессе обосновывается отношением изоморфизма отображаемого и отображения, причины и следствия в каузальных системах.

Криминалистический анализ как метод целостной познавательной системы использует в качестве главного инструмента понятие криминалистической информации как любых релевантных фактических данных, полученных в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств.

Это определение охватывает любую релевантную информацию, полученную на любых стадиях раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел, в любой организационно-правовой форме.

Методологическая функция этого понятия состоит также в том, что она позволяет абстрагироваться от процессуальной формы источника и исследовать информацию в чистом виде, т. е. ее собственные свойства: относимость, полноту, адекватность и др. Открывается, в связи с этим возможность ее использования в аналитических технологиях распознавания и идентификации, технологиях информационного моделирования, поисковых, регистрационных и справочно-информационных системах.

Понятие *криминалистической информации* как наиболее широкой категории фактических данных, независимо от формы их получения, следует отграничивать от понятий, характеризующих различные организационно-правовые формы ее получения: агентурная, оперативно-разыскная, заключение специалиста, консультация, беседа, ревизия, доследственная проверка, доказательства и др. Любая из перечислен-

ных форм может содержать или не содержать релевантные фактические данные и, соответственно, представлять или не представлять криминалистическую информацию.

В судебном процессе может использоваться не любая криминалистическая информация, относящаяся к делу, а только та, которая соответствует требованиям допустимости, т. е. получена в специальной предусмотренной законом форме.

С учетом уровня актуализации и возможностей использования в доказывании рассматриваются следующие категории криминалистической информации: «мертвая», латентная, потенциальная, актуальная и доказательственная информация, к которой относятся доказательства, доказательственные факты и главный факт.

Каждая из указанных категорий криминалистической информации обнаруживает свои свойства на различных стадиях анализа и доказывания и требует специальных приемов ее обнаружения, оценки и использования.

Типовой ошибкой практического оперирования информацией на всех стадиях оперативно-следственной и судебной работы является недифференцированное использование различной по своим свойствам криминалистической информации.

Доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей поиска, актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками.

Понятие криминалистической информационной системы шире понятия системы доказательств, представляющей лишь один ее уровень. Понятие криминалистической информационной системы охватывает любую используемую в целях раскрытия и расследования преступлений информацию независимо от ее уровня и процессуального оформления. В такую систему включаются как сигналы информации, в том числе циркулирующие в машинных системах, так и установленные в процессе расследования доказательственные и искомые факты, а также оперативно-разыскная информация. Это обеспечивает наиболее мощный информационно-познавательный потенциал, недостижимый в рамках процессуального доказывания.

Вместе с тем, анализ криминалистических информационных систем позволяет уточнить некоторые традиционные представления теории судебных доказательств. К числу ключевых системных понятий криминалистического анализа относится *понятие источника криминалистической информации как система свойств материального носителя, отображающая релевантную информацию.*

Это понятие выделено в результате системного анализа традиционного понятия судебного доказательства. При этом выделены элементы, имеющие самостоятельное функциональное, процессуальное и информационно-технологическое содержание и значение. К их числу относится понятие материального носителя информации, понятие отобра-

жения, понятие информации. Каждый из этих элементов представляет относительно самостоятельную подсистему, имеющую самостоятельное содержание и требующую специального анализа. Так, с понятием материального объекта-носителя информации, связываются задачи обнаружения, фиксации и индивидуализации, без чего невозможно обеспечение его подлинности; с понятием источника — задача прочтения, декодирования содержащихся в нем сведений; с понятием информации — задача определения ее относимости, т. е. определения ее соответствия общей модели расследуемого события.

Методический смысл и значение выделения указанных задач состоит в том, что каждая из этих задач требует разработки самостоятельных методик и современных технических средств, обеспечивающих их реализацию. Не будет преувеличением утверждение о том, что основной научно-технический потенциал оперативной спецтехники, криминалистики и судебной экспертизы сфокусирован именно на решении указанных задач.

В связи с этим юридический, информационно-доказательственный анализ этих задач, адаптация высоких научных технологий к решению задач расследования и судопроизводства весьма актуальны не только для науки, но и для юридической практики. Так, задача индивидуализации и идентификации источника, как удостоверительной процедуры обеспечения подлинности, несмотря на ее практическую актуальность и значение, ранее специально не исследовалась ни в процессуальной, ни в криминалистической литературе.

В современном законодательстве и литературе нет однозначного понимания вещественных и письменных доказательств, а также понятия документа. Между тем, разграничение этих понятий представляет не абстрактную классификацию, а является методической основой выбора методики исследования источников, определения профиля привлекаемых специалистов, постановки перед ними экспертных задач, организации взаимодействия и т. д.

Выделение и анализ сигнальной и знаковой форм отражения информации позволил дать более четкое определение вещественных и личных источников, а также сформировать основы методик их криминалистического исследования. Разграничение указанных форм имеет особое методическое значение при исследовании смешанных источников с многоступенчатой сигнально-знаковой формой отражения информации (фоно-видео-электронно-цифровые носители информации). Здесь разграничение указанных форм отражения является необходимым условием правильной организации работы экспертов разного профиля в процессе комплексного исследования источников.

Необходимым условием формирования алгоритмов и технологий исследования источников криминалистической информации является их функциональная классификация.

Наиболее значимым в теоретическом и методическом отношении является деления источников информации на непосредственные

и опосредствованные. Оно позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

В непосредственном источнике информации доказательственное значение имеют свойства самого источника. Задача исследования состоит в обнаружении и фиксации этих свойств. Она может быть решена путем непосредственного восприятия и исследования источника информации.

Специфика опосредствованного изучения источника информации состоит в необходимости исследования механизма отражения содержащейся в нем информации. Отображение одного объекта в другом всегда связано с преобразованием отображаемых свойств. Вся информация передается в отображении в преобразованном виде, в форме естественного (сигнал) или искусственного (знак) кода. Установление их требует специального исследования, дешифровки содержащихся в отображении данных. В следах такое исследование осуществляется путем изучения механизма образования отображения. Выяснив механизм образования отображения или значение знака, мы получаем ключ к дешифровке содержащихся в нем фактических данных.

Поскольку отнесение источника информации к числу непосредственных или опосредствованных прямо связано с определением технологии его исследования, рассматриваемое деление имеет прямое практическое приложение в отраслевых методиках. Так, в области идентификации оно реализуется через деление объектов на идентифицируемые и идентифицирующие, в трасологии — в делении объектов на образующие и воспринимающие, в психологии — в разграничении объекта и образа и т. д.

Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно.

Деление источников информации на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников на первоначальные и производные. Последнее имеет в основе не способ отражения факта источником информации, а способ формирования источника и его удаленность от первоисточника сведений о факте.

При этом, однако, деление источников на первоначальные и производные не учитывает существенного различия возможностей и методов исследования предметов и следов-отображений, которые могут быть как первоначальными, так и производными источниками. Непосредственное предметно-чувственное исследование предметов, осуществляемое при их осмотрах и других судебно-следственных действиях, существенно отличается от изучения следов-отображений, следовых копий, электронных носителей и других подобных источников инфор-

мации, требующих, как правило, привлечения специалистов и экспертов. Между тем, и те, и другие могут быть как первоначальными, так и производными источниками информации.

В целях правильной организации и проведения специальных исследований существующая классификация источников должна быть дополнена самостоятельным делением на непосредственные и опосредствованные.

В составе опосредствованных источников должна быть выделена категория смешанных источников, возникающих в ситуациях использования универсальных средств фиксации и многоступенчатого преобразования сигнала.

Указанное требование еще не нашло отражения в действующем процессуальном законодательстве, и, как показывает опыт авторских наблюдений, не учитывается в практике использования опосредствованных источников информации в судебном процессе.

Системный анализ отображений особенно важен в случаях, когда источники содержат различные информационные поля, требующие применения специальных методов исследования в составе комплексных экспертиз, например, акустическое, лингвистическое, трасологическое информационное поле при исследовании видеофонограмм.

Работа с искусственно получаемыми в процессе расследования опосредствованными источниками расширяет его информационную базу и требует соблюдения определенных процессуально-технических требований (принципов).

Поскольку выбор источника и способа его воспроизведения исходит как из анализа относимости фактических данных, так и из физической природы сигнала информации, приемы, используемые для получения отображения, имеют смешанную юридическую и техническую природу.

В качестве общих принципов получения опосредствованных источников должны быть названы принципы простого воспроизведения (фиксации фактических данных), содержательного преобразования (воспроизведение, связанное с получением новых фактических данных), относимости, информативности и адекватности отображения.

Значение указанных принципов состоит в том, что они, с одной стороны, представляют гарантию объективности, используемых в процессе криминалистического анализа по раскрытию и расследованию преступления фактических данных, а с другой — являются методической основой технических приемов получения опосредствованных источников информации.

Анализ отображения с точки зрения механизма его образования и подобия оригиналу осуществляется с помощью метода декодирования отображения, частными проявлениями которого являются *метод восстановления (частичная обратная механическая трансформация, расчетный метод, оценочный метод), метод контрольных средств (эталонов) и метод сравнения (сравнение с оригиналом, с однородным объектом или с другими отображениями того же объекта).*

Относительно любого опосредствованного источника информации должен быть решен вопрос, возможно ли исследование отображения самим следователем и судьей в форме осмотра, освидетельствования, допроса и иных процессуальных действий или требуется привлечение специалистов и назначение экспертизы.

Принципы простого воспроизведения, как правило, делают возможным исследование отображения на базе обычных представлений об исследуемых объектах, путем его сопоставления с данными обычного восприятия. При соблюдении правил получения и процессуального оформления таких источников информации механизм их образования может быть установлен без привлечения специалистов и экспертов.

Исключение представляют случаи, когда в процессе следственного или судебного осмотра возникают специальные вопросы, касающиеся механизма образования отображений, например, установление факта монтажа при исследовании фотоснимка или фонограммы, выяснение происхождения отдельных особенностей отображения, выявление признаков психического заболевания при оценке свидетельских показаний и т. д.

Иное положение имеет место при воспроизведении с целью выявления недоступных для обычного восприятия свойств оригинала. Обычные представления об исследуемых объектах оказываются в этих случаях недостаточными. Прочтение, дешифровка отображения, объяснение его признаков основаны в этих случаях на теоретических и специальных эмпирических представлениях эксперта о механизме образования таких отображений, т. е. требуют специальных знаний.

Центральной задачей криминалистического анализа является задача установления доказательственных фактов. Она требует для своего разрешения специального методологического и технологического обеспечения, и ее решение нуждается в выделении самостоятельной стадии информационно-логического анализа, специфика которой состоит в переходе от информационного анализа сигналов в источнике к комплексному анализу системной информации о доказательственном факте в частной системе доказательств.

В числе методов криминалистического анализа наибольшее практическое значение имеют индуктивно-эвристические и традиционные методы, не получившие должной оценки в юридических исследованиях. Такие методы как моделирование, аналогия, версия, идентификация, традиция рассмотрены в учебнике как инструменты криминалистического анализа.

Формирование доказательственных систем осуществляется на основе принципов и методов системно-структурного, системно-деятельностного и комплексного подходов.

В криминалистическом анализе *комплексный подход* характеризуется следующими существенными чертами:

- 1) единой задачей исследования, связанной с предметом доказывания по уголовному делу;

2) различными видами информационных полей используемых, для разрешения поставленной перед экспертизой задачи;

3) использованием методов исследования, относящихся к различным специальным познаниям;

4) участием в экспертизе специалистов разного профиля;

5) интегральной оценкой, полученной в результате анализов информации на основе общей для данного исследования теории и методологии.

Обобщение практики позволяет выделить три основных процессуально-организационных формы комплексных исследований:

1) типовая предметная методика комплексного исследования (так называемая моноэкспертиза);

2) комплекс экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого факта;

3) комплексная экспертиза.

В последнем случае в зависимости от формы экспертного синтеза выделяется *коллегальная экспертиза, интегративная экспертиза; ситуалогическая экспертиза*. По мере возрастания сложности исследования при переходе к каждой последующей форме возрастает уровень активности использования научных возможностей экспертизы для разрешения задач раскрытия и расследования преступлений. Комплексные исследования являются наиболее эффективной и незаменимой формой использования специальных познаний при исследовании доказательств по уголовному делу.

Комплексные исследования дают следователю и суду ряд новых возможностей в установлении доказательственных фактов и в то же время характеризуются рядом специфических особенностей организации деятельности следователя, специалиста и эксперта, согласованное *взаимодействие* которых необходимо для наиболее эффективного разрешения задач доказывания по уголовному делу.

Организационно-тактические основы такого взаимодействия характеризуются следующими особенностями:

1) активным участием экспертов в анализе механизма расследуемого события;

2) ознакомлением эксперта со всеми обстоятельствами уголовного дела, которые существенны с точки зрения задач экспертного исследования;

3) непосредственным участием эксперта в подготовке и назначении экспертизы;

4) обменом информацией между следователем и экспертом при производстве экспертизы с целью конкретизации и фокусирования исследовательских действий, выделения необходимых информационных полей, формулирования вопросов и оценки результатов проведенного исследования;

5) формированием следователем и судом подсистемы доказательств, обеспечивающей установление искомого доказательственного факта;

б) формированием следователем и судом доказательственных подсистем связи искомого факта с расследуемым событием.

В структуре правоприменительной деятельности принятие решения как волевой акт представляет доминанту, определяющую эффективность всей системы данной деятельности, а следовательно, и эффективность всей системы права.

Методологическая недостаточность научного анализа структуры правоприменения и принятия правовых решений проявляется в отсутствии определения их задач, видов, уровней, оснований, т. е. главных инструментов формирования современных технологий этой деятельности. Так, взаимосвязанные задачи правоприменения: задачи установления фактов (криминалистика), задачи доказывания (доказательственное право, процессуальное право), задачи квалификации (материальное право), *взятые вне системы правоприменения и принятия решений* и рассмотренные в различных науках, не могут обеспечить разработки целостной системы и методологии принятия правовых решений.

Следует признать, поэтому, что формирование такой системы и разработка эффективных механизмов принятия правовых решений представляет самостоятельную актуальную *междисциплинарную* проблему юридической науки. Такую разработку, как нам представляется, следует вести в рамках создания *теории принятия правовых решений* как методологической основы правоприменительной деятельности.

В монографической и учебной литературе принятие правового решения почти исключительно сводится к процедуре вынесения приговора. Между тем, правовые решения как действия, порождающие юридические факты, принимаются всеми участниками процесса и не только в завершающей стадии вынесения приговора или принятия решения судом, но и на всех других его стадиях. Более того, принятие правового решения — важнейшая функция *любого* правоприменителя, в любой сфере профессиональной деятельности: управление, финансы, бизнес, культура и др., поскольку этот акт связан с изменением существующей структуры правоотношений.

В связи с этим проблема принятия правовых решений приобретает общее методологическое значение и требует разработки и теоретико-методологического обоснования как самостоятельная комплексная проблема правоприменительной деятельности.

Под правовым решением в его общем определении следует, по нашему мнению, понимать правовой акт надлежащим образом уполномоченного лица, порождающий в соответствии с установленной процедурой правоприменения юридический факт, влекущий изменение существующей правовой ситуации.

К числу теоретико-методологических основ принятия правовых решений относится общая теория принятия решений и ее отрасли по видам правоприменительной деятельности.

Механизм принятия решений в своей основе является общим для всех видов целенаправленной профессиональной деятельности. В связи

с этим для разработки методологии принятия правовых решений могут быть использованы как общая теория и методология принятия решений, так и апробированные в науке и практике инструменты принятия решений в специальных отраслях науки и смежных областях деятельности, по которым уже имеется обширная литература.

В механизме обоснования правового решения наиболее актуальным является *формирование фактических оснований процессуальных решений*.

Наиболее детально инструменты и процедуры формирования фактических оснований процессуальных решений рассмотрены в теории улик и процессуальном учении о связях доказательственных фактов.

Говоря о совокупности улик, обосновывающей вывод о предмете доказывания, обычно имеют в виду систему доказательственных фактов, каждый из которых, в свою очередь, устанавливается системой исходных фактических данных, полученных из определенных законом источников¹.

Система доказательственных фактов всегда, таким образом, предполагает систему устанавливающих эти факты доказательств, и наоборот, система доказательств подразумевает систему устанавливаемых ими доказательственных фактов. В целом можно говорить о единой системе фактических данных, находящихся в связи с предметом доказывания, но по-разному удаленных от него, находящихся на различных уровнях. Центральной проблемой теории улик с момента ее возникновения и до наших дней является проблема связи доказательственных фактов между собой и с предметом доказывания.

Наряду с аналитическим исследованием элементов, образующих систему доказательств, и их структуры значительный интерес представляет общая характеристика системы доказательств.

Для общей характеристики систем доказательств существенно выяснить их функции в системе доказывания, определить их виды, принципы и динамику формирования. Под общей системой доказательств, как это видно из сказанного, следует понимать совокупность установленных расследованием взаимосвязанных фактических данных, являющуюся основанием для принятия процессуальных решений.

Процесс познания в ходе доказывания развивается по спирали. От исходных фактических данных, указывающих на признаки преступления, он поднимается к обоснованным предположениям по основным обстоятельствам расследуемого события. На их основе исследуется более широкий круг фактических данных и обстоятельств.

Система следственных версий редуцируется и постепенно заменяется системой фактических данных. В заключительной стадии расследования наступает момент, когда все предположения следователя проверены и заменены достоверно установленными фактами. Этот момент завершает формирование замкнутой системы доказательств, являющейся основанием для установления объективной истины по делу.

¹ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М., 1944. С. 117—118.

Система фактических данных выступает, таким образом, в виде динамической системы, тесно взаимодействующей с системой следственных версий и существенно меняющей в ходе этого взаимного действия свой объем и функции.

Наряду с выделением исходной и окончательной систем доказательств в данной стадии уголовного процесса, например стадии предварительного следствия, обоснованно выделение промежуточных систем доказательств.

Необходимость выделения промежуточных систем доказательств обуславливается тем, что в процессе доказывания следователю или суду приходится принимать ряд промежуточных процессуальных решений, связанных с движением дела.

В соответствии с принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) и правом обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ) версии обвинения и обосновывающей ее системе доказательств должна быть противопоставлена версия защиты, и соответствующая ей система доказательств.

Наличие в деле конкурирующих систем доказательств, отражающих результаты деятельности по доказыванию каждого из участников процесса, создает наиболее благоприятные условия для объективного рассмотрения позиций каждого из участников процессов, анализа собранных по делу доказательств и обнаружения истины по делу.

Таким образом, закрепленный в законе порядок формирования системы доказательств, положенной в основу окончательного решения суда, предусматривает многократные промежуточные и контрольные итоговые оценки этой системы, ее дополнения, развитие, устранение противоречий, совершенствование. Это обеспечивает максимальные процессуальные гарантии законности и обоснованности принимаемых решений суда.

Построение и развитие общей системы доказательств является не только средством организации, формального упорядочения информации. Систематизация доказательств является формой их интеллектуального освоения, средством исследования, получения новой доказательственной информации.

При этом может обнаружиться такая связь включенных в систему доказательственных фактов, которая с необходимостью ведет к выводу о существовании других доказательственных фактов, в свою очередь ведущих к установлению других доказательственных и искомых фактов и предмета доказывания.

С другой стороны, могут обнаружиться провалы, пробелы в системе фактических данных, а также пути и способы их восполнения. Есть все основания говорить об эвристической роли общей системы доказательств, ее возможности использования как инструмента доказывания.

В учебнике рассматриваются следующие *принципы построения замкнутой системы доказательств*, представляющей основу для разрешения дела по существу:

- 1) в замкнутую систему могут включаться только относящиеся и допустимые фактические данные;
- 2) в замкнутую систему фактических данных могут включаться только факты, признанные субъектом достоверно установленными;
- 3) гармоничность системы;
- 4) замкнутость системы доказательств.

В процессе формирования замкнутых систем существенно разграничивать понятия предмета доказывания и главного факта.

Первое представляет нормативную модель задач доказывания, второе — систему фактов, установленных по конкретному делу как основание принятия правового решения.

В качестве базовых технологий принятия правовых решений в учебнике рассматриваются *информационное моделирование и верификация*.

Понятие верификации, употребляется в логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений на основе их эмпирической проверки. Исторические корни верификации восходят к философии позитивизма, сводящего любое научное знание к сумме непосредственных протокольных наблюдений.

Поскольку процесс судебного исследования и доказывания базируется именно на данных непосредственного исследования (следственные и судебные действия и их протоколы), а их конечные выводы по предмету доказывания должны быть сведены к этим данным и обоснованы ими, методология, принципы и инструменты верификации разработанные в методологии науки, должны рассматриваться как общенаучная методологическая основа верификации правовых решений.

В структуре верификации рассматриваются следующие основные стадии формирования правового решения:

- 1) обнаружение признаков материально-правового состава в структуре конкретного правоотношения;
- 2) получение дополнительной информации и сужение круга возможных альтернатив;
- 3) установление существенных элементов фактической структуры конкретного материально-правового состава, соответствующее построению информационной модели исследуемого события:
 - реализация потенциала следственных процедур,
 - верификация криминалистической матрицы,
 - принятие правового решения.

Необходимость верификации как особой формы правоприменительной деятельности состоящей в исследовании самого процесса исследования и доказывания, произведенного субъектами доказывания на предшествующих стадиях, подтверждается рядом руководящих указаний Верховного Суда, касающихся обоснования приговора.

Информационно-логическая структура верификации включает:

- 1) оценку информации, полученной из источников (технологии декодирования источников);

2) оценку выводов о доказательственных фактах (частных систем доказательств);

3) оценку криминалистической матрицы (замкнутой системы фактических данных, положенных в основу правового решения);

4) аутентификацию фактологической и правовой модели исследуемого правоотношения;

5) волевой акт принятия решения.

В последующих разделах данного тома функциональный аппарат методологии криминалистики получит дальнейшее развитие и обоснование.

1.2. Теория и методология криминалистики

Под методом в науке понимается форма практического и теоретического освоения действительности, исходящая из закономерностей движения изучаемого объекта. В учении о методе для прикладной науки на первом месте находится вопрос о *соотношении теоретического и методологического знания*.

Будучи прикладной наукой, криминалистика изучает закономерности объективной действительности не в качестве самоцели, а исключительно в интересах решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Соответственно, в криминалистике не может быть чистых, абстрактных теорий, принципов и концепций, и всякое теоретическое построение должно иметь практический выход, обслуживать решение тех или иных практических задач. Поэтому все апробированные практикой криминалистические теории, например теория криминалистической идентификации, имеют методологическое значение. В прикладной науке именно методологическим значением определяется значимость, цена любой теории, любого теоретического построения или концепции.

Тесная связь криминалистической теории и методологии не является основанием для их смешения или отождествления. Теория представляет результат научного познания объекта действительности и выражается в установленных наукой закономерностях развития, движения объекта. Методология же исследует основанную на ранее установленных наукой закономерностях систему приемов познания и практического освоения действительности. Таким образом, методология основывается на теории, а теория обслуживает методологию, их различие имеет функциональный характер.

В методологии криминалистики существенно различать методологию научной и методологию практической деятельности. В первом случае имеется в виду система методов научного познания закономерностей преступной деятельности и выработки на этой основе методик и алгоритмов решения криминалистических задач. Это сфера деятель-

ности ученых-криминалистов, а также специальных исследовательских центров, изучающих и обобщающих практику раскрытия и расследования преступлений. Во втором — система приемов, способов и операций раскрытия и расследования конкретного преступления или приемов установления любого другого юридического факта. Это сфера деятельности следователей, сотрудников оперативно-разыскных служб, судебных экспертов, прокуроров, судей и других лиц, участвующих в осуществлении функции раскрытия и расследования преступлений.

Задачи и результаты этих видов деятельности различны. В первом случае — это закономерности преступной деятельности, представленные в ее типовых информационных моделях и типовые методики их раскрытия и расследования. Во втором — это истина конкретного факта, представленная в форме материалов раскрытого и расследованного уголовного дела. Закономерности, являющиеся предметом криминалистики, представлены в массовых событиях и явлениях. Для их изучения используют с методы массовых наблюдений, построения гипотез, статистических обобщений с применением методов корреляционного, кластерного и иных методов вероятностно-статистического анализа. При этом широко используются специально приспособленные методы социологии, психологии, кибернетики, физики, химии, биологии и др. наук. В ходе практического расследования методы науки приспособляются к задаче установления конкретных фактических данных. Так, методом научного анализа причинности является гипотеза, которая в практическом расследовании трансформируется в метод следственных версий. Он сочетается с планированием и производством соответствующих процессуальных действий: следственных осмотров, экспериментов, проверки показаний на месте и др. Наука криминалистики разрабатывает алгоритмы следственных и экспертных действий применительно к типовым ситуациям расследования и экспертизы. Практическая криминалистика, используя созданный наукой банк алгоритмов, выбирает тот алгоритм или ту комбинацию алгоритмов, которая в максимальной степени способствует условиям и обстоятельствам данного конкретного расследования. В случаях, когда существующие методики не позволяют решить практическую задачу, следователь или эксперт решают ее эвристическими методами. Используемая в ходе такого исследования методика в случае повторения соответствующих следственных или экспертных ситуаций может послужить основой для выработки новой типовой методики. Эта задача решается на основе обобщения следственной и экспертной практики.

Методы практической криминалистики не следует смешивать с методами собственно следственной и экспертной деятельности. Эти последние по своему содержанию значительно шире, так как в них реализуются приемы и рекомендации не только криминалистики, но и многих других наук: судебной медицины, психологии, бухгалтерии и других естественных и технических наук.

В системе криминалистического знания методология выделилась на сравнительно поздних стадиях его развития и явилась важнейшим показателем зрелости этой науки.

На первоначальном эмпирическом этапе развития криминалистики осуществлялось формирование систем методов практической деятельности. Приемы работы сыщиков, детективов, полицейских, судебных следователей с самого начала должны были использоваться с учетом структуры и закономерностей преступной деятельности и поведения преступников. Развитие и совершенствование этих приемов достигались посредством все более глубокого изучения и учета указанных закономерностей. Так, на смену приемам опознавания преступников по случайным признакам (так называемые идентификационные парады) пришли системы регистрации и идентификации, основанные на установленных антропометрией, гистологией и остеологией устойчивых и индивидуальных свойствах человека.

Наиболее эффективные приемы, проверенные практикой, закреплялись, анализировались и систематизировались учеными и переходили в разряд научных рекомендаций и методов. Образцом такой систематизации явился труд австрийского судебного следователя Ганса Гросса.

Собственно, учение о методе, характеризующее теоретический этап развития криминалистики, формируется на более поздних стадиях. Инструментарий познавательной деятельности криминалиста выступает на этой стадии в качестве самостоятельного предмета научного исследования. При этом эффективность метода оценивается не в контексте результатов расследования конкретного преступления, а в контексте решения типовой криминалистической задачи, например, эффективность лазерного микроспектрального анализа при исследовании изымаемых с мест преступлений микроколичеств вещества; эффективность полиграфа для диагностики виновной осведомленности и т. п. Это обязывает методологов криминалистики произвести инвентаризацию методов, сопоставив их с методами большой науки дать их классификацию, исследовать их законность, эффективность, экономичность. Если ранее криминалистика в основном регистрировала, описывала используемые на практике методы следователей и экспертов, то на методологическом уровне развития науки возникла задача прогнозирования и проектирования новых методов, в том числе, с использованием самых современных средств формализации, моделирования, математических и компьютерных технологий.

Классификации методов криминалистики осуществляются по различным основаниям и обслуживают решение различных задач науки и практики. Так, для решения задач работы с криминалистической информацией выделяют методы обнаружения, фиксации, декодирования (прочтения) информации, формирования частных и общих информационных систем. Применительно к задачам анализа процесса исследования конкретного источника криминалистической информации выделяют методы, реализуемые на различных стадиях исследования:

аналитической сравнительной, синтезирующей (оценочной). Применительно к субъекту и сфере профессионального применения методов различают экспертные, следственные, оперативно-разыскные, методы, реализуемые в других сферах профессиональной деятельности, в том числе за рамками судебного процесса.

Применительно к задачам выбора метода и оценки его результатов существенное значение имеет их деление на органолептические и инструментальные, непосредственные и опосредствованные, качественные и количественные, однозначно-детерминистские и вероятностно-статистические.

Дальнейшая систематизация методов будет осуществлена по уровням методологии криминалистики, в которой различают философский, общенаучный и специальный уровни. Они образуют строгую иерархическую структуру. В этой структуре методы высшего уровня действуют на низших методологических уровнях, обеспечивая их общую стратегическую и организационную направленность. В свою очередь, низшие методологические уровни обеспечивают адаптацию методов высшего уровня к особенностям структуры изучаемых объектов и условий их исследования.

Переходя к рассмотрению отдельных методологических уровней криминалистики, следует подчеркнуть, что их изолированное рассмотрение вызвано только удобствами теоретического анализа и изложения. Практически ни один из методов любого уровня не используется изолированно в отрыве от других. Их практическая реализация возможна только в системах криминалистических методик, адаптированных к особенностям задач, объектов и условий криминалистического исследования.

1.3. Особенности использования в криминалистике методов философского и общенаучного уровня

Материалистическая диалектика обуславливает не только мировоззренческие принципы и подходы криминалистического исследования, но определяет общее направление исследования, содержание методологического аппарата, критерии выбора криминалистических средств и оценки результатов их применения. Материалистический детерминизм надежно защищает методологический аппарат криминалистики от псевдонаучных приемов, основанных на суевериях, мистике и оккультизме. Материалистическая гносеология освобождает криминалиста от субъективизма при исследовании и оценке фактов, обязывает исследователя выявлять объективные связи действительности и исходить при принятии решений только из достоверных научно установленных фактов. Диалектика представляет реальную логику содержательного криминалистического мышления, формулирует наиболее общие законы познавательного процесса, отражающие объективную

диалектику самой действительности. Диалектика обязывает рассматривать объекты криминалистического познания в развитии и сложной системе взаимодействия элементов его структуры и инфраструктуры. Так, без учета закономерностей развития и изменения объекта был бы невозможен экспертный вывод о тождестве в отношении предметов и лиц, претерпевших значительные изменения во времени в силу их эксплуатации или умышленного изменения.

В структуре информационно-познавательной деятельности криминалиста значительная роль принадлежит общенаучным методам, т. е. методам, используемым в логике, психологии и др. науках естественного, технического и гуманитарного цикла. При этом специальные задачи и объекты криминалистического исследования требуют их приспособления и обуславливают специфику и формы их реализации в криминалистических исследованиях.

Поскольку основным объектом криминалистики является человеческая деятельность, определяющее значение в ее методологии приобретает деятельностный, системно-структурный и вероятностно-статистический подходы.

В практической деятельности криминалиста указанные подходы облегчают построение интегральных, общих и частных версий и информационных моделей расследуемого события, а также построение и корректировку планов расследования по конкретному уголовному делу.

Большое значение в познавательной деятельности криминалиста имеют такие общенаучные методы, как индукция, дедукция, традукция, аналогия, анализ и синтез.

Дедуктивный путь расследования преобладает в случаях, когда криминалист отправляется от известных ему закономерностей движения объекта, а фактические данные конкретного дела, установленные расследованием, использует как малую посылку силлогизма. Этот путь реализуется при использовании любых типовых методик решения криминалистических задач, поскольку все они основаны на знании закономерных связей объекта. Особенно эффективен этот подход при расследовании преступлений, совершенных типовыми, повторяющимися способами. Так, при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупов, типовая схема расследования исходит из особо тесных отношений жертвы с преступником. Они логически вытекают из условий и обстоятельств, необходимых для расчленения трупов. Отсюда следует, что ключом к раскрытию преступления является идентификация личности потерпевшего. На этих посылках и строится вся методика расследования данной категории преступлений.

Индуктивный путь расследования преобладает в случаях, когда информация об обстоятельствах дела отсутствует или весьма ограничена. Криминалист в этих случаях выстраивает версии и модели события по его отдельным фрагментам в условиях неопределенности и многозначности установленных фактов. Такие наиболее сложные для расследования случаи требуют применения эвристических методов,

опирающихся на индивидуальный опыт, эрудицию и интуицию следователя, использование обобщений практики, аналогов-прецедентов, разработанных в криминалистике приемов моделирования и методов исследования причинности. Примером использования указанных методов может служить распространенное в розыскной практике построение информационного портрета («генотипа») преступника. Он строится на основе изучения способа преступного действия, поведения преступника и всей совокупности оставленных им следов. Особое значение для реализации этой методики имеет комплексное использование розыскных, следственных и научно-технических методов, позволяющих решить указанную задачу.

Традукция и аналогия в отличие от индукции и дедукции представляет путь мышления от частного к частному. Соединенные со **сравнением и отождествлением**, эти типы умозаключений занимают заметное место в познавательной деятельности криминалиста.

Все системы уголовной регистрации и криминалистических учетов строятся по принципу объединения в одни группы сходных или однородных по какой-либо системе свойств объектов. Так, например, система регистрации и система расследования по признакам способа преступного действия строятся по принципу сравнения расследуемого преступления с ранее совершенными преступлениями, аналогичными по способу действия («почерку преступника»). При этом в определенных условиях может быть сделан вывод об их совершении одним лицом или одной группой лиц. Типовой случай криминалистической идентификации представляет сравнение неизвестного объекта, связанного с расследуемым событием (искомого) и известного следователю (суду) объекта, предполагаемого искомым. Если посредством идентификации удастся достоверно доказать факт тождества этих объектов, то в соответствии с правилами традукции возникает логическое основание для перенесения всех свойств, определений и связей объекта искомого на объект проверяемый, т. е., например, доказательство того, что задержанный является преступником.

В силу сказанного любой случай оперативно-розыскной деятельности должен завершаться достоверной идентификацией обнаруженного или задержанного объекта, без чего нельзя быть уверенным в достоверности результатов оперативно-розыскной деятельности.

Анализ и синтез являются фундаментальными приемами исследования любого теоретического или практического объекта, будь то человек, предмет, сложный материальный комплекс или система деятельности. Анализ состоит в том, что объект мысленно расчленяется на составные элементы, каждый из которых затем исследуется в отдельности для того, чтобы затем соединить их посредством синтеза в целое, выявив, таким образом, новое знание об их связях и зависимостях. Анализ обеспечивает полноту и всесторонность исследования. В структуре любого криминалистического исследования выделяется аналитическая стадия, состоящая в движении мысли от общих к част-

ным свойствам объекта. При этом полнота анализа достигается путем достижения такого уровня детализации признаков исследуемого объекта, на котором каждый из них представляет элементарный, т. е. неразложимый на другие более частные элементы квант информации о свойствах изучаемого объекта. Реализация этого требования особенно важна при исследовании микрочастиц, микрообъектов, кратких текстов, подписей и иных малоинформативных объектов, а также при общем дефиците криминалистической информации.

Синтезирующая стадия криминалистического исследования состоит в общей оценке информации, выявленной на различных стадиях анализа, с позиции конечной задачи исследования. Например, при идентификации: является ли выявленная совокупность совпадающих свойств неповторимой, а выявленные различия — исключаящими тождество.

Инструментами анализа и синтеза, а также системно-структурного подхода являются общенаучные и криминалистические **классификации**. Так, криминалистические классификации сложных объектов: почерка, письма, внешности человека, огнестрельного и холодного оружия, транспортных средств и др. успешно используются в целях анализа, описания и оценки свойств указанных объектов в целях их распознавания, классификации, диагностики и идентификации.

Анализ и синтез являются фундаментальными приемами построения криминалистических информационных и доказательственных систем. Установление отдельного свойства объекта есть результат обобщения (синтеза) отражающих его признаков. Установление доказательственного факта (обстоятельства события) есть результат синтеза доказательств, содержащих информацию об этом факте. Установление главного факта и предмета доказывания является синтезом всей системы доказательственной информации, собранной по уголовному или гражданскому делу.

При криминалистическом исследовании материальных объектов существенную роль играет система общенаучных методов **наблюдения, измерения, описания и эксперимента**, которой соответствует адекватная система процессуально-следственных действий и криминалистических методов. Так, общенаучному методу наблюдения соответствует комплекс процессуально-следственных действий: следственный, судебный и экспертный осмотр, предварительное исследование вещественных доказательств и документов, освидетельствование.

Методам описания и измерения соответствуют приемы протоколирования в сочетании с техническими средствами фиксации криминалистической информации. Общенаучному методу эксперимента соответствует тактика и техника следственного, судебного и экспертного эксперимента. При этом информационно-познавательная структура процессуально-следственного действия и криминалистического приема должны соответствовать требованиям общенаучного метода.

Соответствие криминалистических приемов требованиям общенаучной методологии делает их надежным и эффективным средством полу-

чения судебных доказательств. При нарушении этих требований криминалистическая информация может потерять свое доказательственное значение. Так, если при осмотре документа-вещественного доказательства признаки непосредственного восприятия будут подменены выводами следователя о подделке документа, например, подчистке, травлении, приписке, протокол осмотра утратит свое доказательственное значение. Нарушение требований целенаправленности и планомерности при осмотре и протоколировании приводит к тому, что, с одной стороны, протоколы следственных действий перегружаются не относящейся к делу информацией, а с другой — выпадают из дела следы, предметы, документы, содержащие важную доказательственную информацию. Для обеспечения указанных методических требований следственное действие и фиксация информации должны осуществляться с учетом всех реально возможных версий расследуемого события, играющих роль фильтра при отборе релевантной информации.

Выявление латентных, невидимых и намеренно скрытых следов и микрообъектов осуществляется с учетом требований **сложного осмотра** с использованием инструментальных средств, расширяющих возможности непосредственного восприятия: луп и микроскопов, электронно-оптических преобразователей, специальных приборов освещения, детекторов металлов и др. Приборы в сложном осмотре являются как бы продолжением органов чувств человека, однако это не отменяет принципа непосредственности наблюдения. Любой прибор, используемый при осмотре, обыске, освидетельствовании, экспертизе представляет канал преобразования информации. Поэтому показания прибора должны быть непосредственно восприняты, зафиксированы и должным образом оценены.

В ходе такой оценки учитывается *физический механизм* преобразования сигнала (цветоделение, люминесценция, химическая реакция и т. п.) чувствительность прибора и специфичность пробы. Физический эффект (принцип действия) прибора должен учитываться уже в стадии выбора технического средства, например металлоискателя для обнаружения металлических предметов. Чувствительность прибора, например, степень увеличения в микроскопе, выбирается с тем расчетом, чтобы выявить полезный сигнал, например, особенности рельефа следообразующего объекта на фоне помех (структура материала следоносителя). При этом далеко не всегда оптимальной оказывается максимальная чувствительность и требуется ее минимизация. Ряд физико-химических проб и реакций, используемых при сложном осмотре, не дает однозначных результатов и должны поэтому оцениваться как предварительные. Так, различие в интенсивности люминесценции не всегда указывает на различие химического состава сравниваемых объектов, положительная реакция на перекись водорода (вспенивание) не является бесспорным доказательством наличия крови в пробе и т. п.

Важным показателем активности криминалистической деятельности является использование методов **эксперимента**, при которых объ-

екты познания исследуются в контролируемых и управляемых условиях. Это позволяет выявить существенные для расследования свойства объекта и проследить его поведение в условиях, максимально приближенных к условиям расследуемого события. Последнее весьма важно, поскольку преступление всегда представляет экстремальную ситуацию, а криминалист никогда не имеет возможности его непосредственно изучать. В связи с этим эксперимент служит эффективным средством проверки построенной криминалистом концептуальной модели расследуемого события. Практически методы эксперимента реализуются как в форме отдельного следственного и судебного действия (следственный и судебный эксперимент), так и в форме экспериментальных действий при совершении иных следственных действий, а также в форме так называемого мысленного эксперимента, когда следователь, например, сопоставляет возможные варианты действий преступника со следовой картиной и обстановкой места происшествия.

Общеизвестна значимость **сравнения** как метода научного и практического познания. Не будет преувеличением и распространение мысли И. М. Сеченова о том, что все познается в сравнении, на условия криминалистического исследования. Вместе с тем, формы использования этого приема в криминалистической научной и практической деятельности имеют выраженную специфику, обусловленную задачами исследования и непосредственной функцией метода. В ряду указанных задач следует указать на распознавание, узнавание, опознание, классификацию, идентификацию, установление соответствия установленным техническим и технологическим требованиям.

Первоначальное знакомство с неизвестным объектом или явлением в любых ситуациях состоит в распознавании его природы, происхождения и назначения. При распознавании доступные исследователю признаки объекта сопоставляются с обстоятельствами дела, ситуацией его обнаружения и функционирования. Задача распознавания состоит в ориентировании объекта в обстоятельствах дела. Определение его соответствия данной ситуации, распознавание может оказаться достаточным на определенных стадиях криминалистического исследования, например, распознавание следа лошади и повозки, распознавание следа протектора транспортного средства, распознавание оставленной на месте преступления одежды и т. п. Однако в дальнейшем может потребоваться более детальное исследование таких объектов, связанное с их классификацией и идентификацией.

Классификация представляет распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающих их от предметов других родов. При этом каждый класс занимает в полученной системе определенное, постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы. При классификации непосредственно воспринятые и установленные с помощью аналитических методов свойства объекта сопоставля-

ются со свойствами объектов определенного рода, которые заранее детально исследованы, систематизированы и сведены в таксономическую систему, облегчающую поиск классифицированных объектов. Для поиска искомого звена классификационной системы (таксона) используются натурные коллекции, картотеки, каталоги, справочники и компьютерные ИПС. Определение класса исследуемого объекта восполняет наши знания об объекте, которые не могут быть получены путем его непосредственного восприятия. С другой стороны, классификационные свойства позволяют отграничить объект от других объектов, сходных, но принадлежащих к другому роду, виду или подвиду, т. е. воспользоваться **методом исключения**. Поскольку в качестве объекта криминалистического исследования может выступать любой природный объект или продукт техногенной природы, метод классифицирования позволяет привлечь для решения криминалистических задач мощный научно-технический потенциал естественных, технических и технологических наук, выраженный в их классификационных построениях. Помимо общеизвестных классификаций ботаники, зоологии, антропологии, медицины, фармакологии, химии, в их числе классификации бумаг, красителей, клеящих веществ, огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, ядов, наркотических веществ, лакокрасочных, горюче-смазочных материалов, волокон, строительных материалов, предметов бытового обихода, продуктов питания и др.

При идентификации исследуемый объект в начале индивидуализируется посредством классификационных методов, а затем его свойства сопоставляются с образцом конкретного единичного объекта с целью выявления различий или индивидуально-неповторимой совокупности совпадающих свойств. Индивидуальное отождествление позволяет по следам искомого объекта проследить причинную связь с расследуемым событием сравниваемого проверяемого объекта.

В отличие от идентификации по материальным следам, процессы **узнавания и опознавания** осуществляются по мысленному образу, сохранившемуся в сознании лица, ранее воспринимавшего какой-либо объект. Под узнаванием понимается психический акт отождествления лица с его образом, сформировавшимся в сознании опознающего.

При синтетическом (симультанном) узнавании образ *одномоментно* отождествляется с воспринимаемым объектом. В осложненных условиях восприятия происходит аналитическое (сукцессивное) узнавание, осуществляемое посредством последовательного выявления и сравнения признаков наблюдаемого объекта.

Опознавание представляет следственное действие, в котором психический процесс узнавания осуществляется под контролем следователя в соответствии с установленными процессуальными нормами и принципами криминалистической идентификации.

Задача криминалистических приемов опознавания состоит в том, чтобы создать условия, актуализирующие латентный, невербализо-

ванный слой восприятия опознающего, повышающий достоверность сообщаемых опознающим сведений. При этом субъектом опознавания остается опознающий, а субъектом идентификации — следователь.

Важной областью применения метода сравнения в криминалистике является установление **соответствия объекта определенным нормативно-техническим и технологическим требованиям**. Это исследование осуществляется в форме лабораторных проб, товароведческой, нормативно-технической, технологической и оценочной экспертизы. Следует предостеречь от смешения этих исследований с идентификацией¹.

1.4. Специальные методы криминалистики

Проблема специальных методов криминалистики имеет не только теоретическое, но и серьезное практическое значение, так как свидетельствует об уровне овладения наукой и практикой специфическими объектами и задачами обслуживаемой наукой профессиональной деятельности. Именно на уровне специальных методов, уровне разработки специальных криминалистических методик обеспечивается адаптация всей системы общенаучных методов, приемов, способов и средств решения криминалистических задач. Существенный недостаток методологических разработок в современной криминалистике состоит в том, что разработка специальных методов криминалистики нередко подменяется описанием философских и общенаучных методов, используемых в других науках и сферах практики.

В чем же состоят особенности криминалистического подхода, способ исследования действительности? Еще в трудах основоположников криминалистики было верно отмечено, что путь исследования, идущий от механизма (способа) преступления через его признаки к методу исследования, характеризует глубинную сущность криминалистического анализа². Б. М. Шавер отмечал, что для выработки систем приемов и методов обнаружения и исследования доказательств в первую очередь необходимо изучить способы и методы совершения преступлений и что такое изучение составляет центральный элемент метода криминалистики³. Исследование способа и механизма преступления не является в криминалистике ни самоцелью, ни самостоятельным предметом исследования. Анализ способа преступного действия является методом

¹ Это произошло в ряде статей таможенного кодекса РФ, требующих идентификации товара вместо установления его соответствия определенным требованиям (ср., например, ст. 70 ТК РФ, делающую невозможной пропуск через таможенную границу товаров, определяемых родовыми признаками, или подвергшихся переработке за рубежом).

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 1908. С. VII—VIII.

³ Шавер Б. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 68—69, 77.

криминалистики, поскольку выбор средств и методов криминалистики обусловлен отраженным в следах, способом действия преступника. Только реализация данного методологического подхода способна обеспечить разработку наиболее эффективных технических и тактических приемов и специальных криминалистических методик.

Специально криминалистический (в отличие от криминологического, материально-правового и др.) подход состоит в том, что способ обнаружения и исследования информации о преступлении дедуцируется из способа и механизма его совершения. Так, если источником информации являются следы взлома, используются трасологические методы исследования, в случаях применения огнестрельного оружия — методы криминалистической баллистики. В случаях хищений с использованием фиктивных проводок — методы судебной бухгалтерии и т. д.

Существенно подчеркнуть, что методологическое значение изучения способа и механизма преступления в равной мере проявляется не только в практических, но и научных криминалистических исследованиях. Основной продукт науки криминалистики — типовые информационные модели преступной деятельности и типовые методики их расследования разрабатываются на основе систематического изучения преступлений, совершенных сходными способами.

Фундаментальные категории научной криминалистики: способ (механизм) преступления — следовая картина преступления — типовая информационная модель преступления — типовая версия — типовая методика криминалистического исследования образуют последовательную цепь и систему понятий, объединенных информационно-логической связью, при которой каждый последующий элемент вытекает из предыдущего и обусловливается им (правило логического следования). Таким образом, вся информационно-логическая структура методических приемов криминалистики базируется на структуре способа и механизма преступного действия, без изучения которых вообще невозможна разработка методологического аппарата науки криминалистики и криминалистической практики. В криминалистике предпринимались попытки построения и изучения криминалистического знания на основе внешнего описания процесса расследования и действий осуществляющих его лиц без изучения и описания способов и механизмов совершаемых преступлений. Эти попытки так же бесплодны и бесперспективны, как изучение хирургии без анатомии.

Обобщение опыта оперативно-следственной, судебной и экспертной работы также представляет важный элемент специальной методологии криминалистики.

Помимо общеметодологического значения практики для всякой, особенно прикладной науки, обобщение практики представляет *основной источник информации* о способах и механизмах совершения преступлений, а также наиболее эффективных методах, используемых в профессиональной криминалистической деятельности.

В настоящее время используется три основных формы обобщения криминалистического опыта:

1) описание частных случаев расследования и экспертных исследований, которые могут быть использованы как *аналоги* при расследовании преступлений, совершенных сходными, однотипными способами (архивы криминалистики, выпуски следственной и экспертной практики, оперативные и методические ориентировки);

2) специально обработанные по определенным признакам и систематизированные для решения каких-либо криминалистических задач *банки данных* о совершенных и расследованных преступлениях. Примером такой систематизации может служить система регистрации по способу преступного действия, позволяющая сравнить расследуемое преступление с ранее совершенными раскрытыми и нераскрытыми преступлениями и в положительных случаях объединить оперативные или следственные производства;

3) высшей формой научного обобщения опыта расследования является создание *типовых информационных моделей преступной деятельности*. Указанные модели представляют результат изучения и вероятностно-статистической обработки репрезентативного массива расследованных преступлений, совершенных определенным способом. Такие модели отражают закономерные связи между элементами способа преступного действия и детерминирующими их свойствами личности преступника и объективными условиями совершения преступлений.

При расследовании отдельного преступления типовые модели облегчают построение версий и планирование расследования. Особую роль играют эти продукты науки, как научные основы формирования современных методик расследования отдельных видов преступлений. Достоверность информации, получаемой из указанных типовых моделей, зависит от тесноты информационных связей между элементами способа преступного действия и репрезентативности использованных при формировании этих моделей эмпирических выборок. Поэтому криминалистические характеристики преступлений, построенные без учета органического единства всех элементов способа и механизма преступного действия и требований статистической обработки экспериментальных данных, не могут быть положены в основу типовой методики расследования преступления.

1.5. Базовые закономерности и этапы развития криминалистических знаний

Первые ростки криминалистических знаний, в их современном понимании, появились одновременно с возникновением специальной функции государственных органов, направленной на раскрытие и расследование преступлений. Именно эта функция государственных орга-

нов привела к целенаправленной деятельности по накоплению, фиксации и обобщению опыта расследования, на основе которого с течением времени появились первые научные рекомендации и программы расследования и возникла современная наука криминалистика.

Функциональная связь развития криминалистики с государственными программами преодоления преступности прослеживается на протяжении всей истории развития криминалистики как науки. Как правило, новые направления и отрасли криминалистики возникали в непосредственной связи с появлением новых форм способов преступности. В настоящее время все большую роль в развитии науки приобретает и собственный потенциал криминалистики, и прогностическая деятельность ученых-криминалистов.

Базовой закономерностью развития криминалистики является переход от эмпирических, основанных на индивидуальном и коллективном опыте приемов и программ расследования, к методикам и технологиям, основанным на установленных наукой законах природы, общественного развития и сознания. В разных отраслях и разделах науки этот переход происходит на протяжении различного времени, исчисляемого десятилетиями и столетиями. Так наиболее продвинутыми в силу связи с материнскими науками отраслями являются отрасли и методики криминалистической техники и экспертизы, в которых ряд криминалистических задач и решающих методик, например, методики криминалистической идентификации, находится на уровне современных мировых стандартов и технологий.

Задачи тактики и методики, являются наиболее сложными для их формализации, алгоритмизации и технологизации, поэтому обоснование тактических и методических рекомендаций основано преимущественно на обобщении следственного опыта и имеет эмпирический характер.

Следует подчеркнуть, что соотношение и взаимосвязь научного и эмпирического знания в прикладной науке является сложной и неоднозначной в различных отраслях и разделах криминалистики.

Во всех случаях следует отметить отсутствие четкой грани между научным и эмпирическим знанием в решении криминалистических задач. Так, дедуктивно-алгоритмические и индуктивно-эвристические методы при расследовании преступления тесно связаны и взаимно дополняют друг друга. И если при недостатке информации на первоначальных стадиях расследования используются индуктивно-эвристические методы, версии и эксперимент, то при наличии типовой модели события следователь использует дедуктивно-алгоритмический путь, руководствуясь развернутым планом расследования.

Рассматриваемая базовая закономерность развития криминалистического знания наглядно прослеживается на истории развития методов обобщения опыта оперативно-разыскной, судебно-следственной и экспертной деятельности в эволюции понятия «криминалистической характеристики преступления».

В практике прикладных научных исследований преступной деятельности различают уголовно-правовой, криминологический, криминалистический и ряд других аспектов, специализированных по функциональным и иным признакам. Эффективность научного анализа при этом весьма зависит от правильного определения его цели, сферы и избранной методики. Существенные недостатки криминалистических исследований зачастую обусловлены недостаточно четким определением целей, сфер, методов анализа и их отграничением от смежных исследований. Так, функция уголовно-правового анализа преступной деятельности состоит в оценке общественной опасности противоправных деяний, моделируемых в абстрактных структурах составов преступлений. Функция же криминалистического анализа состоит в расследовании событий, предполагаемых преступными, и выявлении в них реальных фактов, могущих быть сопоставленными с указанными абстрактными структурами. Методология и методика этих исследований существенно различаются, что и послужило основанием их применения в различных юридических науках.

Между тем, в практике криминалистических исследований методы и инструменты анализа в ряде случаев используются без учета их функционального назначения, что существенно снижает их эффективность. Так, криминалистический анализ структуры преступной деятельности нередко подменяется анализом уголовно-правовых признаков состава преступления. Большая часть существующих криминалистических методик начинается с уголовно-правового анализа соответствующих составов преступлений и предмета доказывания, хотя объектом расследования являются не преступления, а уголовно-релевантные события, тогда как уголовно-правовая их квалификация представляет задачу уголовного права, а не криминалистики¹.

Сама систематизация криминалистических методик расследования строится, как правило, по признакам статей уголовного кодекса, что существенно затрудняет разработку собственно криминалистической методологии расследования.

Учеными криминалистами предпринимались попытки преодолеть отмеченные методологические трудности, однако, до последнего времени они не получили успешного разрешения. Находясь в системе наук уголовно-правового цикла, криминалистика решает в этой системе свои самостоятельные задачи, для чего должен быть создан самостоятельный методологический и методический аппарат. В методологии современной науки для решения этой задачи имеются все необходимые предпосылки в виде достаточно проработанных основ системного и системно-деятельностного подхода и анализа².

¹ Руководство для следователей. Ч. 2. М., 1982, а также действующие учебники криминалистики, где этот анализ составляет основное содержание «криминалистической характеристики преступлений».

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39—52; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974; ➡

Системно-структурный подход рассматривает деятельность как систему, обеспечивает выделение элементов этой системы, прослеживает функции каждого из них и выявляет связи между ними (структуру системы). Использование принципов и методов этого подхода весьма актуально при анализе как криминальной, так и криминалистической деятельности. Плодотворность данного подхода подтверждена в процессе разработки различных форм типового информационного моделирования преступной деятельности¹.

С другой стороны, игнорирование принципов системного подхода может стать причиной многих ошибок при планировании научных исследований и формулировании основных криминалистических понятий. Представляется, что существующая в криминалистической литературе многозначность в определении таких фундаментальных понятий науки, как «криминалистическая характеристика преступления», «ситуация», «криминалистическая деятельность», «криминалистический метод», «криминалистическая задача», «распознавание», «диагностика» и ряда других является результатом изолированного рассмотрения этих понятий вне общей системы криминалистической деятельности, в отрыве от общей системы ее задач, методов и инфраструктуры.

Между тем использование системно-деятельностного подхода позволяет:

а) выделить в преступной деятельности такие важнейшие структурные элементы: установочно-мотивационный блок — программно-управленческий блок — блок внешнего оперирования — блок обратной афферентации и акцептора действия — результат деятельности;

б) проследить их взаимодействие и развитие отражательных, причинных и информационных связей;

в) выявить устойчивые и закономерные связи указанных элементов, построить на этой основе типовую информационную модель преступной деятельности;

г) разработать типовые следственные версии и рекомендации по разрешению типовых следственных ситуаций, т. е. типовую криминалистическую методику.

➤ Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. М. : Наука, 1980; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978; Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы // Избранные труды. М., 1978.

¹ Зеленковский С. П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 35. С. 21—35; Первухина Л. Ф. Об использовании методов математической статистики в методике расследования и возможности моделирования личности преступника // Вестник МГУ. 1985. Вып. 4. С. 67—73; Жбанков В. А. Способы выдвижения и проверки версий о личности преступника // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 39. С. 66—73; Жбанков В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и практической деятельности органов внутренних дел при собирании, оценке и использовании доказательств. М., 1977 и др.

В практической деятельности криминалиста указанные подходы облегчают построение интегральных, общих и частных, версий и информационных моделей расследуемого события, а также составление и корректировку планов расследования по конкретным уголовным делам.

Основы системно-деятельностного подхода в криминалистических исследованиях были заложены еще основоположниками отечественной криминалистики при формулировании ими предмета и метода науки¹.

1.6. Криминалистическая характеристика преступления: понятие и концепция

Опыт обобщений практики расследования, используемых в работе криминалистических учреждений, нуждался в научном осмыслении и обосновании, в связи с чем была предпринята попытка формирования в качестве таковой научно-методологической основы концепции *криминалистической характеристики преступлений*.

За весьма значительный период разработки этого понятия советскими и российскими криминалистами свое понимание и определение этого термина высказали почти все ведущие криминалисты, в их числе Т. В. Аверьянова, А. Н. Басалаев, В. П. Бахин, Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, В. И. Гончаренко, А. В. Дулов, Л. Я. Драпкин, В. А. Жбанков, В. Я. Колдин, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коновалова, А. М. Ларин, А. Ф. Лубин, Г. А. Матусовский, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев, М. В. Салтевский, Л. А. Сергеев, А. Г. Филиппов, Н. П. Яблоков и др.

Весьма показательно, что каждый из авторов приводил свое обоснование и определение, вследствие чего до настоящего времени не сформировано какого-либо общепринятого понимания и определения этого понятия. Весьма симптоматично также, что зарубежная криминалистика никак не восприняла этого научного продукта российской криминалистики, нам неизвестно ни одной зарубежной публикации, посвященной этой проблеме.

Впервые развернутое представление о криминалистической характеристике дал Л. А. Сергеев, включивший в это понятие способы совершения преступления, условия, в которых они совершаются, особенности обстановки, объекты, субъекта и субъективную сторону содеянного, связи преступления конкретного вида с другими деликтами и действиями, взаимосвязи между указанными группами обстоятельств².

Более общее определение этого понятия было дано Н. А. Селивановым: «Криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему способствующих расследованию данных о преступле-

¹ Подробнее об этом в гл. 3 настоящего учебника.

² Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1966. С. 4—5.

нии и связанных с ним обстоятельствах, выражающую его содержание и сущность»¹.

Другими авторами это понятие трактуется в виде «жестко связанной системы материальных и интеллектуальных следов»², как «система типичных признаков конкретного вида преступления, позволяющая выяснить механизм слеодообразования, уяснить первоочередные следственные задачи»³.

Понятие криминалистической характеристики преступлений вошло в практику преподавания в качестве одного из фундаментальных понятий науки и комментируется в большинстве современных вузовских учебников криминалистики.

В наиболее развернутом виде ее представляют как «систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающую представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности, имеющую своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»⁴.

Обобщая систему опубликованных в развитие этой концепции работ, следует констатировать, что в настоящее время нет оснований говорить о наличии целостной, непротиворечивой и научно обоснованной концепции, которая могла бы эффективно использоваться в методологии криминалистики, практической деятельности и подготовке специалистов. Об этом свидетельствуют ее существенные недостатки общенаучного, системного и функционального порядков.

Во-первых, авторами однозначно не определена гносеологическая природа понятия: является криминалистическая характеристика средством, инструментом расследования или же результатом, целью познания при расследовании?

Если криминалистическая характеристика понимается как «система описания признаков вида... преступления», то она представляет собой продукт криминалистики, т. е. категорию теоретического познания, входит в методологию науки криминалистики. Если же криминалистическая характеристика понимается как «система описания признаков отдельного преступления», то она представляет собой продукт практического познания, входит в систему познавательной деятельности следователя. В этом качестве она результат практического расследования.

Необходимость разграничения методологии теоретического и практического познания при определении понятий-инструментов позна-

¹ Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. М., 1982. С. 130.

² Басалаев А. Н., Гуняев В. А. Криминалистическая характеристика преступления (общее понятие и практическое значение) // Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 100.

³ Винокуров С. И. Там же. С. 101.

⁴ Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1999. С. 36—37.

вательной и доказательственной деятельности, представляется очевидной и бесспорной. Они направлены на решение различных задач, осуществляются разными субъектами, в различных условиях деятельности и разными познавательными средствами.

Ученый-криминалист выявляет общие закономерности в исследуемом объекте, а следователь и эксперт устанавливают истину конкретного факта. В первом случае речь идет о научном обобщении с использованием методов вероятностно-статической обработки определенного массива ранее установленных фактов (преступлений) с целью выявления существующих в этом массиве устойчивых закономерных внутрисистемных связей, во втором — имеется в виду процесс практического расследования, направленный на познание единичного неизвестного следователю факта. В первом случае преобладают абстракция, обобщение, гипотеза, вероятностно-статистическое и кибернетическое моделирование, во втором — наблюдение, версия, индуктивное исследование конкретных причинно-следственных связей и отношений.

Смешение продуктов научного и практического познания в одном понятии представляет грубую методологическую ошибку, отнюдь не безобидную в условиях судебного процесса. Практически оно равнозначно смешению правовых задач и фактических результатов расследования, подмене одного другим. К чему приводит такое смешение, к сожалению, хорошо известно из следственной и судебной практики, изобилующей случаями вынесения судебных решений и приговоров, основанных на неполных или некачественных результатах расследования.

О какой функциональности криминалистической характеристики отдельного преступления может идти речь, если она окончательно формируется в результате расследования. «Качественное расследование, — пишет Н. А. Селиванов, — заканчивается получением достаточно полной и подробной криминалистической характеристики преступления»¹.

Информационная система, сформированная в результате расследования, т. е. при установлении всех существенных обстоятельств расследуемого события и решении всех криминалистических задач, уже не может служить решению этих задач. Как средство криминалистического исследования она бесцельна, нефункциональна. В этом случае следует говорить не о какой-либо «криминалистической характеристике», а об установлении обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу.

Предмет доказывания, однако, имеет иную смысловую и функциональную нагрузку. Это не инструмент расследования, установления новых фактов, а задача юридического доказывания. Речь, таким образом, идет о различных познавательных и правовых инструментах, используемых, к тому же, различными науками².

¹ Цит. раб. С. 132; Той же позиции придерживается ряд других авторов: Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005. С. 61.

² Того же мнения придерживался Р. С. Белкин и ряд других авторов: Криминалистика: проблемы, тенденции и перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 181.

Отсутствие четкого функционального определения термина и его отграничения от смежных понятий, а также внутренняя противоречивость представляют существенные логические и методологические недостатки рассматриваемой категории.

Во-вторых, отсутствует научно обоснованное понятие криминалистической характеристики.

Понятие криминалистической характеристики страдает рядом существенных методологических недостатков, не позволяющих использовать его в качестве научной основы обобщения практики и формирования криминалистических методик. При анализе имеющихся в литературе определений криминалистической характеристики обнаруживается их логическая ущербность и недостаточность, связанная с нарушением основных логических правил формирования понятий. Так, важнейшим требованием, предъявляемым к любому понятию, является его определенность, однозначность, вытекающие из закона логического тождества. В числе правил определения понятий, общепризнанных еще со времен Аристотеля, есть требования логической непротиворечивости и определенности, вытекающие из основного закона правильного мышления — закона тождества. Согласно этому закону «каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же определенное устойчивое содержание»¹.

О какой определенности, однозначности и тождественности смысла можно говорить, когда каждый автор, используя один и тот же термин, определяет его по-своему, вкладывает в него свой смысл, приводит свой набор признаков. Так, одни авторы (Л. А. Сергеев, Н. А. Селиванов и др.) ограничивают эту систему признаками преступления (субъект, способ, механизм и др.)². Другие же считают возможным расширить перечень ее признаков, включив в эту систему результаты и условия расследования и даже «описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных действий»: подследственность, сроки расследования, классификацию преступлений, их общественную опасность и др.³

Таким образом, в состав криминалистической характеристики преступлений включаются не только характеристики деятельности преступника, но и характеристики самого расследования и, более того, его правовые, процессуальные, криминологические особенности, а также результаты научных разработок, связанных с расследованием преступлений данного вида.

Однозначно не определены критерии отбора, а следовательно, существенность самих признаков, формирующих информационную

¹ Кондаков И. Н. Логический словарь. М., 1971. С. 359, 407, 520.

² Сергеев Л. А. Указ. раб. С. 4, 5; Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 56, 57.

³ Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 6—9.

систему. Одна группа авторов полагает, что логичнее всего формировать ее по признакам состава преступления (Н. А. Селиванов), другие — по элементам предмета доказывания (Р. С. Белкин), третьи ищут «криминалистически значимые признаки» (Н. П. Яблоков).

При отсутствии определенности и однозначности понятия им в науке невозможно оперировать, поскольку нельзя установить его истинность. Нельзя пользоваться им и в обучении, поскольку и обучающемуся, и обучающему нужно иметь строгий перечень существенных признаков. Тем более непригоден этот термин для языка автоматизированных информационных систем, в которых он должен использоваться. Никакая информационная система не сможет идентифицировать термин, определяемый неоднозначно.

В-третьих, проявляется системно-функциональная недостаточность криминалистической характеристики.

Наиболее существенные пороки анализируемой концепции выявляются при ее рассмотрении в качестве функциональной информационной системы.

Подавляющее большинство определений криминалистической характеристики представляет ее как функциональную систему, в общем виде — систему данных, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Однако научная разработка при этом свелась к определению понятия и обсуждению набора составляющих его признаков, тогда как собственно системные характеристики — за редкими исключениями — не рассматривались, а системно-структурный анализ в соответствии с современными его требованиями в рамках криминалистической характеристики вообще никем не был осуществлен. Между тем, именно системно-функциональный анализ мог и должен был обеспечить решение тех прикладных задач, которые настойчиво декларировались авторами. Укажем на некоторые аспекты этого анализа.

Анализ функциональной системы предполагает исследование ее назначения, функций, системообразующих элементов и их связей, целостности, структуры и инфраструктуры. Так, анализ назначения и функций системы позволил бы избежать ошибок, связанных с неоднозначным пониманием назначения криминалистической характеристики и как типовой модели, используемой для построения версий, и как системы фактических данных, установленных в результате расследования, и как метода науковедческого анализа.

Анализ структуры неизбежно привел бы авторов к системно-деятельностному анализу таковой преступной деятельности, а структура криминалистической деятельности была бы из анализа исключена как система, требующая самостоятельного изучения. Реализация принципа целостности обеспечила бы более правильное конструирование, разработку и применение работающих информационных систем.

Так, в настоящее время каждая глава методики расследования начинается с криминалистической характеристики. Фактически же перечисляются основные уголовно-правовые признаки состава преступлений

определенного вида, предмета доказывания, в лучшем случае приводятся отдельные характеристики внутрисистемных информационных связей. Такая практика научного анализа и преподавания искажает саму идею системно-деятельностного анализа, не говоря уже о его эффективности.

Поскольку, как видно из сказанного, разработчиками концепции даже не была поставлена задача системно-деятельностного анализа преступной деятельности, концепция не содержит и технологических требований к формированию информационной системы, обеспечивающих получение эффективно работающих информационных систем.

Логическая ошибка разработчиков криминалистической характеристики состояла в перечневом определении этого понятия. Продолжающийся на протяжении ряда десятилетий спор криминалистов вокруг проблемы «Что такое криминалистическая характеристика?» сводился к обсуждению того или иного набора характеризующих ее признаков. Между тем, «простое перечисление признаков не может явиться определением понятия»¹.

Определение криминалистической характеристики в виде перечня входящих в ее состав признаков без указания критериев их отбора и существенности для уяснения рода и видового отличия не может считаться определением понятия. Таких перечней тем более недостаточно для определения функциональной информационной системы. Определение, помимо указания на системообразующие свойства, описания структуры и инфраструктуры, должно раскрывать суть функционального назначения системы.

Из сказанного вытекает и наиболее существенный недостаток рассматриваемой концепции как инструмента прикладной науки. Он состоит в том, что ее создателями не разработаны принципы и методические требования формирования рассматриваемой системы в качестве рабочего инструмента криминалистической методологии. Остается неясным, где, в каких познавательных процессах и актах должна использоваться криминалистическая характеристика, какие конкретно криминалистические задачи она должна решать, каковы правила и технологии их решения. Понятно, что без такого определения использование криминалистической характеристики как инструмента методологии весьма затруднительно, если не невозможно.

В качестве инструмента прикладной науки понятие должно иметь однозначное функциональное определение, указание на его назначение, круг и методику решаемых с его использованием специальных научных или практических задач. Из сказанного видно, что термин и само понятие криминалистической характеристики, несмотря на солидный период своего «вызревания», не получили общепризнанного однозначного определения. Отсутствие такого определения не позволило его авторам создать на его основе информационную систему для построения криминалистической методики.

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 356.

Методологические и прикладные недостатки концепции криминалистической характеристики были предметом критики со стороны ряда ведущих криминалистов. При этом высказывалось мнение не только об устранении отдельных недостатков, но и о несостоятельности и ненужности самого этого понятия. Так, Р. С. Белкин, ранее конструктивно анализировавший концепцию, пришел к выводу, что «следует отказаться от термина и понятия “криминалистическая характеристика преступления”, вернувшись к продуктивной старой практике указания в конкретной частной криминалистической методике в качестве первого ее элемента на специфические особенности предмета доказывания по данной категории уголовных дел»¹.

Конструктивная критика криминалистической характеристики с позиций формирования типовой информационной модели преступления была предпринята еще в 1989—1990 гг.² Однако ни аргументированная критика, ни категорическое неприятие концепции не привели ее сторонников к каким-либо изменениям позиции. В результате уже более полувека продолжается противостояние сообщества российских криминалистов с фундаментальными положениями большой науки: законом логического тождества, правилами формирования понятий и принципами системно-структурного анализа. Нетрудно прогнозировать, чем в итоге закончится это противостояние. Хотелось бы, однако, в интересах науки и практики борьбы с преступностью, чтобы оно закончилось как можно быстрее.

1.7. Типовая информационная модель преступления как инструмент формирования криминалистической методики расследования

Независимо от последующей судьбы криминалистической характеристики в настоящее время есть основания говорить о формировании на основе идеологии системно-структурного и деятельностного подходов, а также современных информационных технологий научного уровня обобщения криминалистической практики и формирования методик, удовлетворяющих требованиям современных информационных технологий.

¹ Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000. С. 11—12; Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001. С. 224—233.

² Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В. Я. Колдина. М. : МГУ, 1989. С. 11—12; Ищенко Е. П. Типовые информационные модели преступной деятельности и алгоритмизация первоначального этапа расследования // Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: дис. ... д-ра юр. наук. Свердловск, 1989. С. 141—168. Ищенко Е. П. Алгоритмизация расследования // Соц. законность. 1990. № 3. С. 63—65.

Понимание существенных недостатков криминалистической характеристики побуждало многих авторов устранять их, внося в нее различные дополнения и модификации. Наиболее заметный вклад здесь был сделан Л. Г. Видоновым, впервые предпринявшим исследование статистических закономерностей в системе преступной деятельности¹.

На основе анализа частот встречаемости корреляционных связей Л. Г. Видонов выявил ряд существенных для расследования устойчивых условно-однозначных и вероятностно-статистических зависимостей. Так, по всем изученным делам об убийствах мужчин до 21 года в уединенных местах вне жилья преступления были совершены знакомыми потерпевших, находившимися в нетрезвом состоянии. Большинство убийств мальчиков и подростков в возрасте 5—17 лет в уединенных местах вне жилья совершили друзья или приятели потерпевших, имеющие возраст от 10 до 23 лет. Более половины убийств женщин в возрасте 28—57 лет в населенных пунктах вне жилищ совершили их мужья или любовники.

Эти исследования знаменовали качественно новый подход к анализу преступной деятельности, использованный позднее для формирования типовых информационных моделей (ТИМ). Разработки Н. А. Селиванова и Л. Г. Видонова наглядно продемонстрировали потенциал системно-деятельностного анализа, но, к сожалению, были использованы только в частной методике расследования убийств и не привели к радикальным изменениям в общей концепции криминалистической характеристики.

Период научного общения и обоснования практики на основе идей системно-деятельностного подхода связан с формированием ТИМ преступной деятельности, которая позволяет на основе выявленных статистических зависимостей между ее элементами получать информацию о личности преступника и других обстоятельствах совершенного преступления. Разработка ТИМ преступной деятельности представляет качественно новый этап в развитии криминалистики. Это означает, что наряду с традиционными источниками криминалистической информации («следовая картина») в распоряжение следователя предоставляется качественно новый источник актуальной криминалистической информации. Этим источником является поставленный на научную основу анализ структуры преступной деятельности.

Поскольку такие модели базируются на обработке массовых наблюдений по расследованным уголовным делам, они аккумулируют концентрированный коллективный опыт, особенно важный для малоопытных следователей и экспертов².

¹ Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978.

² Ищенко Е. П. Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Информационный бюллетень № 17 по материалам Криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений». М., 2002. С. 8—14.

Многие закономерности и связи, весьма существенные для построения версий и принятия следственных решений, принципиально неуловимы в индивидуальном следственном и экспертном опыте и доступны только методам математического анализа репрезентативных статистических выборок. Обобщение опыта создания и методологический анализ типовых информационных моделей преступной деятельности впервые был осуществлен коллективом авторов в 1989 г.¹

Под ТИМ понимается информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений.

Формирование типовой информационной модели осуществляется с учетом достаточно строгих требований, обеспечивающих ее функциональность и практическую эффективность.

1. Необходимо обеспечить оптимальный уровень общности, который позволил бы выявить закономерные связи между элементами преступного события. Закономерные и достаточно информативные связи между элементами преступной деятельности проявляются только на таком уровне, где действуют детерминирующие факторы. Так, например, убийство по мотивам ревности, в состоянии аффекта и убийство как результат разбойного нападения на инкассатора, представляют совершенно различные виды преступной деятельности, вследствие чего поиски закономерных связей между элементами этих видов заранее обречены на неудачу. Поэтому рассмотрение подобных случаев в рамках одной частной методики, созданной лишь по признакам соответствующей статьи УК, представляется методически неправильным. Указанное требование подтвердилось и при разработке типовой информационной модели убийств, совершенных в связи с завладением имуществом. Информативные для расследования связи удалось выявить на уровне подгрупп, выделенных с учетом способа действия преступника, характера местности, непосредственных объектов посяательства, обстановки совершения преступления². Вместе с тем, различные по способу совершения и уголовно-правовым характеристикам преступления могут формироваться на основе одной и той же преступной установки и реализовываться одним преступником или одной преступной группой. Так, общая антисоциальная установка на паразитический образ жизни при определенных характеристиках личности и микросреды приводят к совершению одним и тем же лицом или преступной группой различных преступлений: хулиганств, грабежей,

¹ Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования. М. : МГУ, 1989.

² Викторова Е. Н., Донцов В. В., Образцов В. А. Сравнительный анализ отдельных групп убийств, совершенных с целью завладения социалистическим имуществом // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 89; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 133—136.

убийств. В этих случаях поиски преступника по признакам уголовно-правовой характеристики или узкого способа действия не приводят к положительным результатам. Для такого рода неспециализированного преступного типа и лабильного (размытого) способа совершения преступления необходимо многоуровневое моделирование. Оно должно отправляться от совокупности признаков, выделенных с учетом преступной установки и типа личности правонарушителя, и включать родственные по способу, хотя и различные по уголовно-правовым характеристикам, преступные действия, представляющие варианты однотипной преступной деятельности.

2. Типовая модель должна представлять собой не сумму отдельных элементов, а целостную систему преступной деятельности. Мотив, цель, программа являются системообразующими элементами всякой сознательной человеческой деятельности. Способ действия представляет компонент, непосредственно отражаемый в обстановке события и дающий исходную информацию при расследовании. При отсутствии указанных компонентов целостная система деятельности не возникает, вследствие чего получить полную информацию о закономерных связях между ее элементами невозможно.

3. ТИМ должна отражать тесные корреляционные зависимости выделенных в ней элементов с характеристиками личности преступника и способа его действия. Так, при моделировании квартирных краж со взломом, совершаемых в условиях крупного города, выявилась высокая информативная значимость следующих элементов способа действия преступника: взлом путем отжима или открывания замка техническими средствами, выбивание двери, взлом окна, проникновение через открытые окна или дверь, совершение кражи лицом, находящимся в гостях, выбор дома, расположенного вблизи железнодорожных узлов, наличие обивки двери, этаж квартиры, время суток, выбор похищенных ценностей.

Такая тесная зависимость не существует в тех типах преступного поведения, которые представляют собой слабо прогнозируемые системы, например, в преступлениях, совершаемых в состоянии аффекта, по неосторожности, т. е. таких, в которых развитие причинной связи не контролируется субъектом преступной деятельности на всем ее протяжении (промышленные аварии, взрывы, пожары, транспортные катастрофы и т. п.). Создание ТИМ преступной деятельности в этих случаях представляется бесперспективным¹. Центр тяжести научных разработок здесь должен быть перенесен на создание методик эвристического индивидуального моделирования.

4. На выходе типовой модели должна содержаться совокупная характеристика преступника и существенных для расследования обстоя-

¹ Эта мысль высказана также в работе А. И. Баянова «Криминалистическая характеристика преступления: назначение, содержание» (Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса. Красноярск, 2003. Т. 2. С. 205—206).

тельств, а не отдельные признаки искомого лица. В ряде проведенных криминалистических исследований при разработке так называемых криминалистических характеристик преступлений получены интересные сведения о частоте связей отдельных элементов преступной деятельности, на базе которых, по мысли разработчиков, сам следователь должен построить типовую модель расследуемого события и разыскиваемого лица. Эта задача для следователя весьма затруднительна, поскольку необходимые сведения ему пришлось бы выбирать из обширного справочного материала, большая часть которого к конкретному случаю расследования не относится. Мы уже не говорим об отсутствии реальных возможностей выполнения подобных операций в условиях интенсивной практической деятельности.

Представляется, что указанная задача может решаться только в рамках теоретического криминалистического исследования. В современных условиях ее необходимо решать в соответствии с изложенными принципами на базе методов информационного кибернетического моделирования, что уже и было осуществлено при создании ряда описанных выше типовых информационных моделей.

5. ТИМ должна обеспечивать получение достаточно надежной информации об искомом лице и иных обстоятельствах расследуемого события. Это требование реализуется при соблюдении всех вышеуказанных принципов, а также методологии социологических и вероятностно-статистических исследований.

6. Необходимо правильно оценить и использовать модельную информацию. Наличие типовой модели не должно вести к стереотипности следственной деятельности. Построенные на основе такой модели типовые следственные версии содержат только вероятностное знание о преступлении и преступнике, потому могут служить в расследовании лишь ориентиром. Версии и план расследования по конкретному делу должны в полной мере учитывать специфику и особенности частного случая, негативные и противоречивые обстоятельства, черты и особенности расследуемого события, не поддающиеся типизации.

Следует подчеркнуть, что ТИМ и версии работают при расследовании преступлений, совершенных стандартным способом. При атипичном способе должны быть в полной мере использованы эвристические возможности следователя, его опыт и интуиция, обращение к криминалистическим архивам с описанием расследования редких и уникальных случаев преступной деятельности. Построение ТИМ складывается из следующих исследовательских операций:

- 1) типизация вида преступной деятельности;
- 2) выделение элементов преступной деятельности и определение вида данных, в которых будут выражены их значения (номинальный, порядковый, интервальный, шкала отношений и др.);
- 3) построение гипотез о закономерных связях между элементами преступной деятельности;
- 4) подготовка кодировочной таблицы;

5) выбор методов статистического анализа (корреляционный, регрессионный, дискриминантный, факторный, дисперсионный, кластерный и др.)¹;

6) формирование репрезентативной выборки наблюдений;

7) обработка анкет с использованием типовых или специально созданных программ;

8) интерпретация полученных результатов.

Данные, полученные при обработке экспериментальных наблюдений, имеют вероятностно-статистическую природу и не могут рассматриваться как бесспорные доказательства причинных связей по конкретному делу. Вместе с тем, они представляют объективную основу для построения следственных версий и планирования расследования, что имеет особое значение в условиях дефицита информации на первоначальном этапе расследования².

Для иллюстрации возможностей статистического анализа приведем некоторые результаты информационного моделирования по делам об убийствах³. Так, установлена высокая вероятность того, что убийства мальчиков в возрасте 5—7 лет, совершенные с признаками жестокости, раздеванием и перемещением трупов, сокрытием одежды, совершены лицами, страдающими олигофренией; убийства женщин по сексуальным мотивам, совершенные на улицах городов, рабочих поселков, совершены мужчинами в возрасте 18—30 лет, проживающими на расстоянии 300—500 метров от места преступления.

Типовое информационное моделирование квартирных кражах в условиях крупного города выявило закономерные связи способа совершения кражи и личности преступника. Так, установлена корреляционная зависимость между возрастом преступника и предметом кражи. Для несовершеннолетнего злоумышленника характерен выбор престижных в молодежной среде, хотя и малоценных предметов типа фирменной одежды с металлической фурнитурой, мобильных телефонов, плееров, портсигаров, бижутерии и т. п.

Выявлена интересная корреляция: «пол — способ проникновения». Для женщин оказался характерным способ проникновения в жилище без взлома, «путем свободного доступа» (открытая дверь, под видом сотрудников социальных или коммунальных служб и т. п.). Для шайки с признаками «взрослые», «судимые», «гастролеры» выявился типовой способ: проникновение в квартиру путем взлома с применением технических средств; выбор дома, расположенного вблизи железнодорожных

¹ Более подробно о вероятностно-статистических методах анализа закономерных связей при построении ТИМ: Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования. М. : МГУ. 1989. С. 65—85.

² Ищенко Е. П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1987. С. 7—49.

³ Материалы семинара прокуроров-криминалистов. Л., 1976; Зеленковский С. П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лиц, совершивших убийство // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 35. С. 21—35.

узлов; хищения из квартир, расположенных на первых либо последних этажах дома, днем, в рабочее время; в основном дорогостоящих малогабаритных вещей: драгоценностей, радиотоваров, оружия и т. п.

В процессе оценки результатов наблюдений и их статистической обработки следует различать задачи по выявлению отдельных информационных связей типа: способ — субъект, потерпевший — субъект, место совершения преступления — место жительства и т. п. и формированию целостной модели расследуемого события.

Первая решается на основе частных типовых версий, которые могут строиться как с использованием ТИМ и систематизированных научных наблюдений (типа Л. Г. Видонова), так и научных обобщений следственного опыта (рекомендации частных криминалистических методик). Вторая задача решается на основе построения типовых интегративных версий, опирающегося на системный информационный потенциал модели. В практическом расследовании построение целостной информационной модели расследуемого события требует предварительного анализа информационных связей между отдельными элементами события преступления.

Поскольку в настоящее время криминалистика располагает только единичными экспериментальными образцами ТИМ, в практическом расследовании используется вся сумма научно-практических наблюдений и обобщений, моделирующих типовые информационные связи некоторых категорий преступлений.

В работах отдельных авторов последних лет была сделана попытка отождествления и слияния понятий криминалистической характеристики и типовой информационной модели преступления¹. Полагая, что эти попытки ничего общего с научным анализом не имеют, поскольку игнорируют различные этапы и уровни развития научного знания: эмпирический и теоретический.

Качественное различие этих уровней состоит в том, что первый представляет начальную попытку формирования понятия и отыскания его места в системе других понятий криминалистической теории и методологии. Во втором случае речь идет о концепции работающей информационной системы, базирующейся на основе строго определенных технологических требований и функционального назначения. Методологические недостатки криминалистической характеристики обусловлены тем, что она формировалась как абстрактное понятие,

¹ Так, в работе Н. П. Яблокова и А. Ю. Головина (Криминалистика. Природа и система. М., 2005. С. 169—170) без анализа концептуальных и методологических недостатков криминалистической характеристики утверждается, что ее можно рассматривать «как типовую информационную модель криминалистически значимых особенностей вида (разновидностей) преступлений, отвечающую всем требованиям, предъявляемым к такого рода моделям». При этом авторы делают ссылку на нашу цитированную выше работу 1989 г. Отождествление этих терминов приведет к переносу на научное понятие типовой модели преступной деятельности всех концептуальных и методологических недостатков понятия криминалистической характеристики, что затруднит оперирование и этим понятием.

а не функциональная система. Таким образом, налицо познавательные средства различного назначения и методологического уровня, отождествление которых недопустимо.

В настоящее время использование термина «криминалистическая характеристика преступления», как продукта эмпирического обобщения практики, должно сопровождаться оценкой его надежности и научной достоверности в сопоставлении с современными научными методами типового информационного моделирования в строгом соответствии с принципами системно-деятельностного подхода и вероятностно-статистического анализа.

Поскольку в числе проблем теоретической криминалистики формирование ТИМ преступной деятельности является наиболее актуальной и перспективной, рассмотрим ее наиболее важные методологические функции.

1. Типовая информационная модель как методологическая основа формирования методики расследования отдельного вида преступления. Неразрывная связь такой методики со способом совершения преступления и деятельностью преступника в целом рассматривалась многими ведущими криминалистами в качестве основы и важнейшей отличительной особенности познавательной деятельности криминалиста. Еще более важно, по нашему мнению, проследить гомоморфизм между системами преступной и криминалистической деятельности. Ведь чем более адекватно последняя отражает структуру деятельности преступной, тем выше ее эффективность. В связи со сказанным, ТИМ преступления можно рассматривать как отражение структуры преступной деятельности в деятельности криминалистической, а функциональные характеристики этой модели с позиций адекватности такого отражения.

Можно утверждать, что тип методики определяется типом преступной деятельности через ее следовую картину. Действительно, тип и информационная структура следовой картины обуславливают выбор технических, тактических и методических средств для ее анализа, т. е. методику расследования. Следы взрыва, ДТП, обнаружение трупа со следами насилия, выявление системных нарушений правил бухгалтерского учета, установление фактов нарушения межбанковских валютных операций, правил регистрации юридических лиц и т. п. требуют для успешного расследования формирования особых криминалистических методик, адаптированных для данных типов уголовно-релевантных событий.

Рассмотренная информационная связь должна стать методологической основой не только для криминалистической классификации преступлений и систематизации криминалистических методик, но и для формирования конкретных методик расследования отдельных видов преступлений. В связи с этим требует конкретизации функция ТИМ преступления.

Выше уже отмечалась неконкретность функционального определения криминалистической характеристики как «системы способствующих расследованию данных» (Н. А. Селиванов); как «описания особенностей

борьбы с различными категориями преступных действий» (И. А. Возгрин); как системы, которая «обеспечивает успешное расследование преступлений» (Н. П. Яблоков). Многие авторы, давая перечень элементов криминалистической характеристики, вообще не определяли ее назначения как главного свойства, определяющего сущность любой системы.

В концепции ТИМ преступления, предложенной нами, ее функция определялась следующим образом: «Типовые информационные модели должны обеспечивать достаточно надежное построение модели искомого лица и иных обстоятельств расследуемого события на основе информации, полученной в типовых следственных ситуациях, в первую очередь, на стадии первоначальных следственных действий при дефиците сведений об искомом лице и обстоятельствах расследуемого события»¹.

В развитие этого определения следует добавить, что поскольку содержащиеся в модели данные о расследуемом событии достаточны для построения развернутого плана расследования, ТИМ следует рассматривать как методическую основу расследования данной категории уголовных дел.

2. *Типовая информационная модель как методическая основа практического расследования.* Построенная на научной основе ТИМ преступления дает в руки следователя информацию для планирования и фокусирования следственно-оперативных мероприятий в зонах наиболее вероятного нахождения источников криминалистической информации.

Поскольку в практическом расследовании моделирование преступления и его планирование осуществляются на основе следственной ситуации, рассмотрим функцию ТИМ в условиях ситуационного анализа и принятия решений, логическая структура которых может быть представлена в следующей схеме (рис. 1.1).

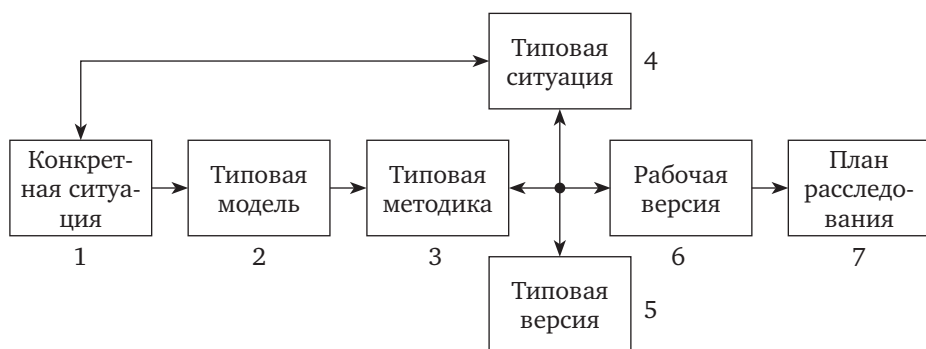


Рис. 1.1:

Общий путь ситуационного анализа таков: от конкретного (1 — конкретная ситуация) к общему (2, 3, 4, 5 — типовой модели, методике, ситуации, версии), и опять к конкретному (6, 7 — конкретной версии и плану расследования по конкретному делу)

¹ Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования, с. 33.

Реализация указанной схемы-алгоритма предполагает указанное ниже.

1. Развернутый анализ наличной ситуации по расследуемому делу. Исходные фактические данные должны включать всю сумму информации, имеющей значение для принятия криминалистических решений. Чем шире исходная фактическая база принимаемых решений, тем более обоснованы и надежны сами решения. Эти данные должны включать как сведения об обстоятельствах расследуемого события, так и сведения обо всех условиях расследования, значимые для принятия решений. Существенной ошибкой анализа на этой стадии будет включение в состав указанных данных лишь той информации, которая имеет уголовно-правовое значение, т. е. данных о составе преступления («синдром квалификации»). Криминалистический анализ требует включения в состав фактических сведений любой информации, могущей иметь значение для раскрытия и расследования. Это обстоятельства времени, места, способа действий и т. д., информационно связанные с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Они закладываются в матрицы ТИМ и потому являются опорными пунктами при их сопоставлении с ситуацией конкретного уголовного дела.

2. Типовые информационные модели, привлекаемые для ситуационного анализа, должны отвечать соответствующим требованиям (теснота информационных связей между элементами модели, правила статистической обработки репрезентативной выборки и др.). Данная стадия анализа имеет известную аналогию с процессом уголовно-правовой квалификации. В обоих случаях сложность анализа состоит в обнаружении признаков идеальной модели (статья УК — типовая модель) в фактической структуре расследуемого события, где они «тонут» в числе многочисленных, случайных, уголовно нерелевантных фактов и обстоятельств. На этом, однако, аналогия заканчивается. Сам состав ТИМ формируется по совершенно иным принципам, чем состав преступления в УК. Поэтому эталон сравнения будет в данном случае другим. При формировании ТИМ признаки, индифферентные для уголовно-правовой квалификации, например, технические детали способа реализации компьютерного взлома, могут оказаться решающими для установления личности преступника.

3. Типовая методика обычно вытекает из ТИМ, в связи с чем ее выбор особых затруднений не вызывает. Задача состоит в том, чтобы из числа имеющихся выбрать ту, которая в наибольшей степени соответствует обстоятельствам конкретного дела, т. е. является наиболее специализированной. Так, существует общая методика расследования хищений и есть специализированные методики расследования хищений в отдельных отраслях промышленности и сельского хозяйства: мясной, молочной, швейной и др. Самой приближенной к задачам расследования будет узко специализированная методика, дающая наиболее конкретизированные методические рекомендации по расследованию преступления.

Особые сложности возникают при расследовании деликтов, совершенных атипичными способами, когда отсутствуют и ТИМ и типовые методики. В этих ситуациях следует воспользоваться методами эвристического анализа содеянного.

4—5. Типовые методики тоже построены по ситуационному принципу, т. е. выделены стадии деятельности, требующие пересмотра информационной базы, а также программы расследования. Задача анализа состоит в том, чтобы определить, какой из этих стадий соответствует информационный массив данной конкретной ситуации: доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, алиби подозреваемого, обнаружение похищенного, установление преступлений, аналогичных по способу совершения, и др.

6—7. Эти стадии анализа представляют собственно расследование по конкретному делу. На основе предшествующих действий следователь располагает версиями по делу. Сопоставляя их с наличными фактическими данными, он конкретизирует их с учетом имеющейся информации или специфики конкретных обстоятельств. Так, при обнаружении трупов в водных бассейнах судебно-медицинское исследование дыхательных путей и желудка часто позволяет обнаружить водоросли и микроорганизмы, характеризующие место гибели утонувшего. Если, однако, в конкретных обстоятельствах дела последнее не соответствует месту обнаружения трупа, то этот факт потребует выдвижения иных версий о месте гибели и, возможно, избрания других направлений расследования.

Планирование представляет собой выход всей предшествующей аналитической, мыслительной работы в систему конкретных оперативно-разыскных и следственных действий, операций и комбинаций, поскольку является важнейшим средством организации и управления практической криминалистической деятельностью. Успех последней полностью определяется тем, насколько качественно была проведена предшествующая аналитическая работа, особенно по построению версий. Версионный процесс и планирование — сердцевина всей практической деятельности криминалиста, они детально исследованы в монографической и учебно-методической литературе.

В заключение отметим, что переход познания от ТИМ к информационной модели расследуемого преступного события связан с изменением структуры, содержания и адекватности отражения. Если ТИМ относительно типовой структуры преступления находится в состоянии гомоморфизма, то в практическом расследовании это отношение должно оцениваться как состояние изоморфизма. В процессуальной теории критериями этого состояния являются требования предмета, пределов и полноты доказывания.

В качестве итогов развития криминалистики как науки за последние десятилетия следует выделить:

1) определение криминальной и криминалистической деятельности в качестве объектов науки;

2) самоидентификация криминалистики как методологического знания, означающая, что закономерности объекта, рассматриваются не как самоцель, а как средство оптимизации структуры криминалистической деятельности;

3) разграничение уровней эмпирического и теоретического знания в содержании науки, позволяющее дать правильную оценку, как инструментам, так и продуктам криминалистики¹;

4) перестройка методологического аппарата науки на основе привлечения и внедрения современных общенаучных методов и подходов, в числе которых особое значение имеют системно-деятельностный, информационный, функциональный и технологический подходы;

5) разработку специально-криминалистической методологии на основе комплексного использования всех спектров и инструментов общенаучного и специально-криминалистического знания применительно к типовым и ситуационным задачам криминалистического анализа.

Эти итоги нельзя рассматривать только как изменение акцентов на базовых категориях криминалистики. Они связаны с переоценкой основных задач и функций науки, статуса и самой природы криминалистической деятельности.

¹ Методологическая несостоятельность утверждений сторонников концепции «криминалистической характеристики» о якобы тождестве этой концепции с концепцией типовой информационной модели преступления отчетливо видна при ближайшем рассмотрении этих концепций (именно концепций, а не терминов) в свете базовых закономерностей развития науки криминалистики.

Такой общепризнанной базовой закономерностью развития криминалистики является наметившийся еще в XIX веке переход от эмпирических к научным методам раскрытия и расследования Г. Гросс, Ф. Гальтон, Э. Локар и др.

В прикладных науках, идущих от опыта, интуиции и ремесла, этот переход продолжается и в наше время. Значительная часть современной тактики и методики расследования в современной криминалистике остается на уровне эмпирических обобщений практики.

Примечательно, что Э. Локар рассматривал свою методологию «скорее как искусство, чем науку». Криминалистическая характеристика, как категория криминалистики, должна рассматриваться как наследие и отражение эмпирического уровня развития науки, предполагающее ее закономерный переход к собственно научному знанию.

Утверждения о тождестве категорий криминалистической характеристики и типовой информационной модели в явном виде отрицает базовые закономерности развития науки и обращает вектор ее развития вспять.

Глава 2

СТРУКТУРА, ЗАДАЧИ И ИНСТРУМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

2.1. Структура методологического комплекса

Категории структуры, задачи и инструментария криминалистического анализа образуют целостный методологический комплекс, каждый элемент которого должен рассматриваться в общей функциональной системе **криминалистического анализа**.

Теоретический анализ структуры деятельности превращается в умозрительную абстракцию, если он абстрагируется от задач, решаемых на данном уровне исследования, и инструментария, находящегося в распоряжении исследователя.

Каждый из указанных элементов может иметь различное значение в зависимости от условий и задач анализа.

При анализе общей структуры криминалистической или криминальной деятельности интегративную функцию принимает на себя задача деятельности, поскольку именно она определяет конечные цели, последовательность и средства, используемые при решении промежуточных задач.

Интегративная функция задачи сохраняется и в тех случаях, когда для решения промежуточной задачи создается самостоятельная методика, например, методика подготовки препарата для микроскопического исследования, или методика выявления слабовидимого текста при почерковедческом исследовании.

Инструментарий приобретает интегративную функцию в системе анализа, когда оценка получаемой с его помощью информации непосредственно связана с системой ее преобразований в инструментальном поле. Примером может служить эмиссионный спектральный анализ, полиграфический анализ и др.

Разграничение интегративных функций указанных элементов методологического комплекса приобретает практическое значение при определении профиля привлекаемого специалиста.

Базовые специализации судебных экспертов классифицируются по задачам, объектам и методам¹. Таким образом, переход от теории

¹ Шляхов А. Р. Задачи, объекты и методы судебной экспертизы. См. также перечень действующих специализаций МЮ РФ.

(закономерностей объекта к методологии и формированию технологической деятельности осуществляется путем структуризации методологического комплекса и анализа его внутрисистемных связей.

Базовой аксиомой такого перехода является выбор оптимальной технологической модели решения криминалистической задачи с учетом ее зависимости от трех факторов: уровня исследования, объекта и метода.

2.2. Структура информационного канала

Общая структура информационного канала в терминах теории передачи информации может быть представлена в следующем виде.

Исследуемое событие, рассматриваемое как ансамбль сообщений, отображается в окружающей среде в форме разного рода отображений (следов). При этом процесс отображения представляет процесс передачи сообщений в форме кода, определяемого механизмом следообразования, а след представляет фиксированное в окружающей среде сообщение. В процессе фиксации результатов первоначальных исследовательских (оперативно-следственных, судебных и иных) действий формируются промежуточные накопители информации в виде слепков, кино-фото-видео-аудиозаписей и протоколов. Последние представляют преобразования исходного сообщения в удобной для хранения форме искусственного (протоколы) или естественного кода (фототехническая и другая подобная форма). Исследование источника представляет декодирование исходного сообщения, содержащегося в следе, по правилам использованного кода (механизма следообразования). В результате субъект доказывания (адресат сообщения) получает фактические данные об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях следообразования. Указанные фактические данные при условии их получения в режиме процессуального доказывания, являются доказательствами и могут быть использованы для установления доказательственных фактов.

Анализ и систематизация доказательственных фактов, осуществляемые за рамками исследования информационного канала, на логическом уровне доказывания обеспечивают формирование доказательственных систем, адекватно отражающих исследуемое событие.

Поскольку исследуемое событие всегда представляет сложную систему, ее анализ требует выделения элементарных информационных каналов на разных уровнях взаимодействия материальных тел: *одностороннее отражение, взаимодействие, механизм расследуемого события.*

Анализ *одностороннего отражения* представляет базовый уровень анализа механизма события.

Высшим уровнем исследования механизма события является исследование систем многостороннего взаимодействия с учетом роли каждого взаимодействующего объекта в структуре указанного события: субъект, орудие, предмет, обстановка. Например, система «водитель — автомобиль — потерпевший — дорога».

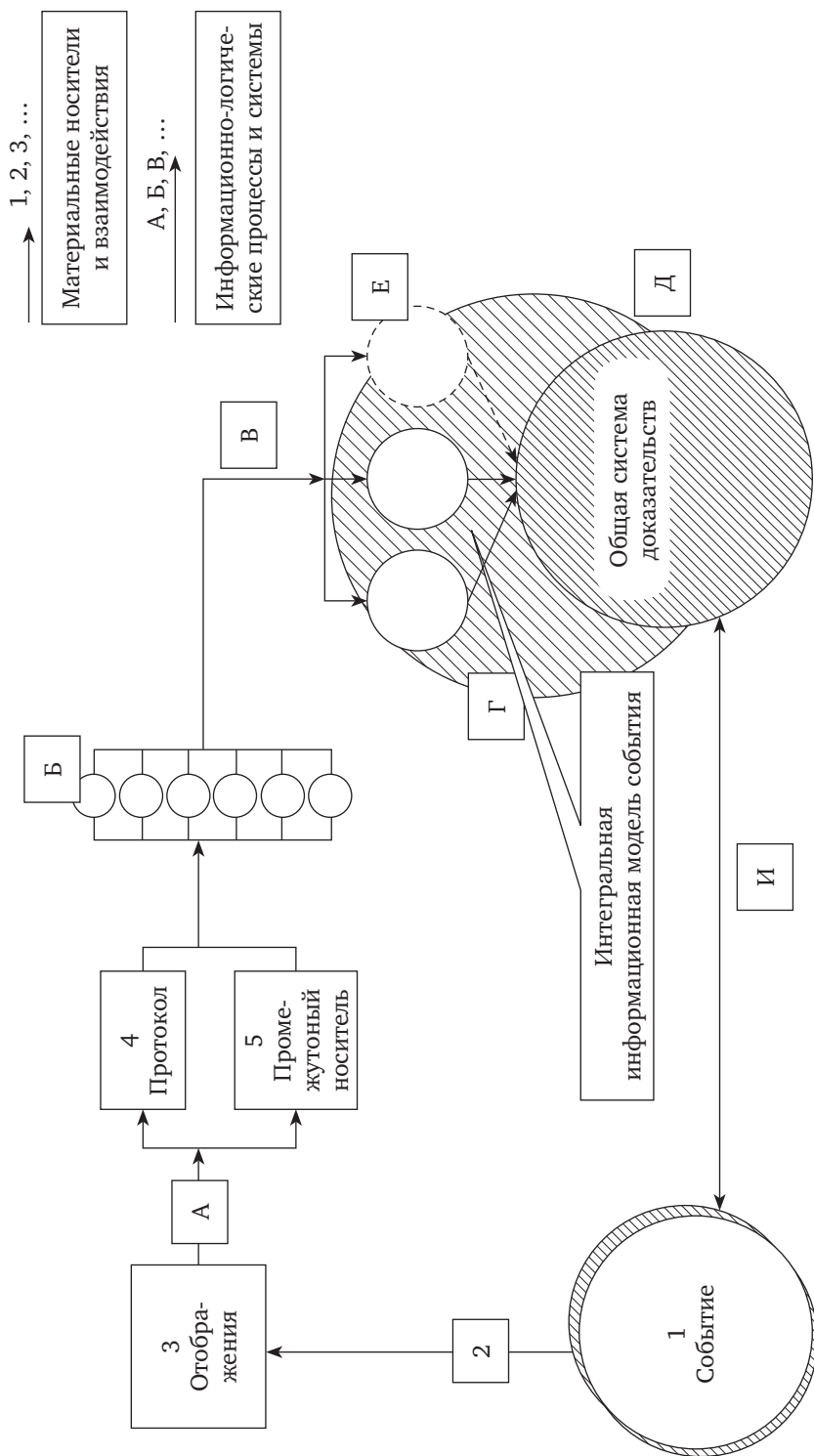


Рис. 2.1. Общая структура информационного канала фактологического анализа

2.3. Понятие информационного поля

Базовым понятием фактологического учения об информационных полях является само понятие информационного поля, не получившее, несмотря на свое широкое распространение в литературе, самостоятельного определения¹.

Между тем, использование этого термина в качестве главного инструмента фактологического анализа требует не только его содержательной интерпретации, но и раскрытия его методологической функции в структуре фактологического исследования и доказывания.

Поскольку информационное поле является основным инструментом фактологического анализа раскрытие этого понятия возможно только в общей системе понятий и инструментов фактологического анализа.

Имея в виду, что понятие информационного поля находится на стыке наук криминалистики, информационного анализа и теории судебных доказательств, в определении должны найти отражения взаимосвязи этих отраслей научного знания.

С учетом указанных требований представляется возможным предложить следующее рабочее определение понятия информационного поля: «информационное поле — это выделенный в составе источника поток однородной информации об обстоятельстве, подлежащем установлению в соответствии с задачами фактологического исследования и доказывания».

Приведенное определение, алгоритм и схема требуют соответствующих комментариев.

Выделение *носителей* доказательственной информации в виде предметов, и иных материальных образований осуществляется на основе следственных версий и информационных моделей механизма расследуемого события. Такое выделение представляет важный первоначальный этап работы, без которого невозможна индивидуализация носителя и обеспечение технических условий его анализа.

Однако сам анализ предполагает выделение в составе носителя такой системы свойств, которая несет доказательственную информацию о подлежащих установлению обстоятельствах расследуемого события. Последняя и представляет содержательную сторону *источника* (фактические данные).

Каким путем осуществляется извлечение из источника фактических данных, его декодирование, интерпретация, прочтение?

В механизме расследуемого события каждый объект участвует в том или ином качестве, отражает ту или иную систему своих свойств, воспринимая ту или иную систему свойств других взаимодействующих объектов. В результате каждый след-отображение несет информацию

¹ Впервые сам термин был использован, по нашим наблюдениям, А. А. Эйсмано в связи с анализом логических связей в доказательственных системах. Однако ему не было дано формального определения, не была раскрыта и методологическая функция этого понятия : *Эйсман А. А. Логика доказывания.* М., 1971. С. 30—45.

о свойствах отображенного в нем объекта, а также условиях механизма отражения и взаимодействия.

В потоке информации, содержащейся в источнике, должна быть выделена информация о конкретном обстоятельстве, подлежащем установлению по делу, т. е. информации о доказательственном факте: субъекте, времени, месте, орудии и др. обстоятельствах. Для решения этой задачи, прямо связанной с декодированием информации, используется понятие информационного поля.

В отличие от элементарного признака-сигнала¹, или знака, представляющих элементарную единицу, биты информации, информационное поле представляет поток сигналов, информационный срез действительности на предметном или функциональном уровне. Информационное поле следует отличать от источника — следа-отображения, представляющего фиксированный результат объективного взаимодействия и имеющего сложную информационную структуру. Последняя включает отображение внешнего строения, состава и структуры взаимодействующих объектов, механизма их взаимодействия. Информационное поле отражает специально выделенную в результате анализа источника систему свойств или сторону исследуемой системы взаимодействия.

Выделение информационного поля является инструментом анализа информационной структуры источника. При этом чем более сложной является информационная структура источника, тем большее значение имеет выделение и раздельное исследование соответствующих информационных полей.

В контексте информационных технологий доказывания существенно подчеркнуть, что выделение информационных полей прямо связано с применением соответствующих специальных познаний и экспертизы.

Предметная специализация каждого эксперта прямо связана с определенным информационным полем определенного объекта, например, дактилоскопия, механоскопия, словесный портрет, баллистика, почерковедение, материаловедение, товароведение и др.

Структурная организация учреждений судебной экспертизы (система лабораторий) также прямо связана с исследованием соответствующих информационных полей источников вещественных доказательств.

Таким образом, анализ информационной структуры вещественных источников представляет разработанный наукой инструмент интеллектуального проникновения в структуру материальной среды изучаемого события с целью прочтения (декодирования) информации о свойствах взаимодействующих объектов и механизмах их взаимодействия.

¹ Основным инструментом анализа в криминалистических исследованиях с целью установления свойств объекта (распознавание, идентификация, диагностика, оценка и др.) является понятие признака. Обнаружение, классификация, сравнение и статистическая обработка признаков позволяют исследователю осуществить переход от непосредственно чувственно наблюдаемых, вариационных проявлений исследуемого объекта к его внутренним устойчивым свойствам, оценка которых позволяет получить информацию, имеющую доказательственное значение.

Выделение информационных полей в структуре материальной обстановки расследуемого события осуществляется следователем на основе следственно-экспертной ситуации с учетом задач доказывания в конкретных пространственно-временных и материально-технических условиях. Специалист (эксперт) осуществляет выделение информационных полей на основе анализа следственно-экспертной ситуации с учетом своей специализации и научно-технических возможностей. Согласование предмета доказывания и задач экспертного исследования осуществляется в форме согласования вопросов, формулируемых перед экспертизой. Такое согласование имеет предварительный характер (ст.195, 198, 204 УПК РФ), поскольку в процессе исследования может быть выявлена дополнительная информация, о которой эксперт может указать в своем заключении (ст. 204 УПК РФ).

Выделенная с учетом задач доказывания и экспертного исследования информационная структура источника (информационное поле) определяет основания и пределы экспертного анализа и круг фактических данных, которые могут быть получены в его результате. В процессе исследования по мере выделения его промежуточных задач исходное информационное поле может детализироваться на ряд подсистем, могут быть выделены дополнительные и вспомогательные информационные поля, обеспечивающие всесторонность и глубину экспертного анализа.

Так, при исследовании следа пальца на стекле одного из звеньев оконной рамы, выставленной из оконного проема материального склада воинской части при совершении кражи, эксперт не обнаружил достаточной для идентификации совокупности совпадений особенностей папиллярного узора. Вместе с тем, путем исследования механизма следообразования он пришел к выводу, что вся совокупность следов, имеющихся на стекле, оставлена пальцами одной правой руки. В соответствии с этим задача идентификации была поставлена по всей совокупности обнаруженных следов и решена положительно. Однако в процессе судебного следствия обвиняемый заявил, что его следы на стекле были оставлены при служебном досмотре помещения склада снаружи в то время, когда он осуществлял охрану склада. В этой ситуации перед экспертом по той же совокупности следов был поставлен вопрос, могли ли они образоваться при указанных обвиняемым условиях. Поскольку следы пальцев обвиняемого имелись как на наружной, так и на внутренней поверхности стекла и были образованы одновременно в результате захвата оконной рамы правой рукой, эксперт категорически исключил такую возможность.

2.4. Классификация информационных полей и методология их исследования

Поскольку выделение информационных полей представляет инструмент анализа, определяет пределы и возможности доказывания, а также

методику их экспертного исследования, классификация информационных полей имеет существенное методологическое значение.

На основе типизации свойств вещественных источников предлагаются следующие основания такой классификации:

- 1) свойства собственные и отраженные (предметы и следы-отражения);
- 2) происхождение (генезис) свойств;
- 3) уровень иерархической организации объекта;
- 4) природа свойств;
- 5) место источника в механизме исследуемого события и системе отражательных процессов;
- 6) место источников информации в общей системе доказательств.

1. Собственные и отраженные свойства источника. Эта классификация является отправной и характеризует две основных группы источников, существенно различающихся по методам и возможностям их исследования. Познание объекта по отображению существенно отличается от непосредственного познания. В этом случае исследователь имеет дело с информацией в форме естественного кода, а декодирование осуществляется путем исследования механизма отображения и преобразования информационного сигнала.

2. Происхождение свойств. Для определения методов и направления исследования весьма существенны условия возникновения и механизмы формирования свойств источника, используемых в качестве информационного поля. В соответствии с этим принципом выделяются свойства: исходного генотипа, приобретенные, специально измененные и ситуационные.

3. Природа свойств. Данная классификация имеет наибольшее методическое значение в формировании предметных экспертных методик и структур судебно-экспертных учреждений. По природе составляющих их свойств информационные поля подразделяются на три основных группы:

- 1) внешнего строения,
- 2) субстанциональные,
- 3) функционально-динамические.

В качестве первоначальной методической апробации инструментария рассмотренного учения об информационных полях рассмотрим его использование в сфере исследования вещественных источников фактологической информации.

2.5. Понятие и система вещественных источников фактологической информации

Объектами фактологического исследования являются материальные структуры, содержащие в силу объективной связи с расследуемым событием информацию о нем. В результате фактологического исследо-

вания, выполненного в соответствующей процессуальной форме, эти объекты приобретают статус вещественных доказательств, а результаты их исследования статус экспертных заключений или протоколов процессуальных действий.

Базовое определение вещественного доказательства содержится в процессуальном законодательстве. Согласно ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; иные *предметы* и документы, которые могут служить *средствами* для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (курсив — авторы).

Ст. 73 ГПК РФ, отказываясь от перечневого определения, дает более общее определение вещественных доказательств, характеризуя их как «*предметы*, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или иным признакам могут служить *средством* установления обстоятельств, имеющих значение для дела» (курсив — авторы).

Отправляясь от информационной сущности понятия вещественного доказательства, в целях наиболее эффективного использования существующих информационных технологий доказывания, следует признать, что термины «предметы» и «средства», положенные в основу указанных определений, не раскрывают современного содержания этого понятия и нуждаются в уточнениях и конкретизации.

Под классическое определение «предметов», как индивидуально-определенных тел, имеющих устойчивые пространственные границы, не подпадает обширная область вещественных объектов, исследуемых методами современной судебной экспертизы. К ним относятся материалы, вещества, материальные комплексы, ареалы, источники происхождения, запахи, производственные и энергетические процессы.

В числе вещественных доказательств существенно различаются предметы, собственные свойства которых несут доказательственную информацию, и следы, несущие информацию об отображенных в них объектах.

От предметов, отображающих информацию в форме физических сигналов (признаков), следует отличать предметы, отображающие информацию в форме знаков — документы.

Имея в виду, что вещественная информация, широко используется в процессе оперативно-разыскной деятельности, а также в стадии доследственной проверки и существует проблема ее легализации, следует различать понятия вещественного источника информации и вещественного доказательства.

Поскольку вышеназванные термины относятся к тезаурусу информационно-поисковых систем, они требуют более подробного рассмотрения.

Термин «вещественное доказательство» появился в юридической науке, полицейской и судебной практике одновременно с термином

«доказательство» и обозначал один из важнейших источников разыскной и доказательственной информации, используемых для расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел.

Уже в самых первых работах по теории судебных доказательств осуществлялось деление доказательств на «личные» (от людей) и «вещественные» (от вещей), что подчеркивало фундаментальное различие этих источников информации с позиций практического оперирования ими.

С течением времени под влиянием научно-технической революции возможности использования вещественных доказательств в судебном процессе качественно изменились. В первую очередь, это касается возможностей исследования внутренней структуры и состава вещественных образований, микроследов и обоснования ранее считавшейся невозможной индивидуальной идентификации по свойствам внутреннего состава и строения вещественных образований.

Вместе с тем, в криминалистической науке и практике утвердилась идеология, рассматривающая любое вещественное образование не изолированно, в качестве отдельных приобщаемых к делу предметов, а в общей структуре материальной обстановки исследуемого события. При этом вещественная среда события рассматривается как целостный материальный объект во всем многообразии его системных, функциональных и иных свойств, связей и отношений. Такой подход открыл качественно новые возможности комплексных исследований суммирования информации, полученной из различных источников, и преодоления дефицита разыскной, идентификационной и доказательственной информации. Так называемые немые свидетели заговорили в полный голос, что в силу объективности, достоверности, научной подтверждаемости, возможности контрольных процедур и использования экспертных технологий получило убедительное подтверждение в практике процессуального доказывания.

Вместе с тем, умножение источников судебных доказательств и усложнение процедур доказывания с использованием вещественных доказательств потребовали более строгих определений вещественных доказательств и более глубоких исследований их природы.

Эта природа по правильному и глубокому определению П. И. Люблинского состоит в том, что вещественные доказательства формируются и используются в канале физической причинности. Использование идей информационного подхода и семиотического (знакового) анализа позволяет дать более строгие содержательные и функциональные определения вещественного доказательства и отграничить его от других источников доказательств.

Физические свойства вещей, проявляющиеся в их отношениях с другими вещами, и соответствующие им процессы отражения этих свойств в признаках, составляют сущность вещественных источников информа-

ции. При этом признаки следует рассматривать как сигналы информации о свойствах объектов¹.

Разграничение природы сигнала и знака позволяет практически дифференцировать вещественные и личные источники и базовые методики оперирования ими, т. е. методики обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и оценки вещественных доказательств. Это обеспечивает правильный выбор технических и тактических средств работы с источниками², выбор специалистов, определение методов назначения, проведения и использования экспертиз. В конечном счете, разграничение вещественных и личных источников представляет обязательное условие выбора и наиболее эффективного использования технологических схем работы с источниками доказательств.

Практическая значимость указанного критерия еще более возрастает в связи с усложнением структуры вовлекаемых в судебный процесс источников доказательств, многие из которых имеют смешанную природу. Так, звучащая речь имеет форму акустического сигнала и семантику знака (фонема и морфема) и потому требует отдельного акустического (фонетического) и лингвистического (семантического) анализа. В случае звукозаписи акустический сигнал кодируется посредством изменения магнитных свойств звуконосителя или с использованием иных технологий кодирования и декодирования звукового сигнала. Исследование изоморфизма этих преобразований также требует отдельного анализа каждой ступени преобразования информации. Это в судебном процессе требует привлечения соответствующих специальных знаний, технологий и специалистов.

В практике доказывания базовый информационный сигнал нередко представляется в знаковой форме. Так, свидетели и потерпевшие описывают признаки внешности преступников, похищенных вещей, транспортных средств, участков местности. На основе таких описаний составляются фотороботы, композиционные портреты, т. е. знаковая форма, преобразуется в форму сигнала.

Широкое применение технических средств фиксации и исследования доказательств неизбежно связано с использованием методов преобразования исходного сигнала: кино-фото-видео-звукозапись, получение копий, слепков, оптических и графических спектров, электронно-оптических преобразователей и др.

Использование опосредованных источников-носителей преобразованного базового сигнала или сообщения вносит ряд технических, информационных, гносеологических и процессуальных трудностей, преодоление которых возможно лишь на базе специальных информационных технологий доказывания.

¹ Колдин В. Я. Гносеологическая природа и функции понятий идентификационных свойств и признаков // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений. М., 1988.

² Снетков В. А., Зинин А. М., Житников В. С., Овсянникова М. Н. Криминалистическое описание внешности человека. М., 1998.

И дело здесь не в том, что, как утверждают многие авторы, «всякая копия хуже оригинала». Напротив, без преобразования сигнала в большинстве случаев вообще невозможно использовать базовый сигнал (ср. латентные следы и скрытые изображения). Действительные трудности состоят в том, что, во-первых, каждая форма преобразования и отражения информации требует самостоятельного анализа, связанного с применением специальных познаний соответствующего профиля; во-вторых, должно быть обеспечено исследование всех преобразований сигнала, идущего от отправителя к адресату, т. е. всех элементов информационного канала; в-третьих, в технологии доказывания должен быть обеспечен изоморфизм преобразований.

Ряд источников информации, используемых в практике оперативно-разыскной и следственной работы, не обеспечивает изоморфизма преобразований и потому не может рассматриваться в качестве вещественных доказательств. Таковы, например, скульптурные портреты, изготовленные по методу М. М. Герасимова, фотороботы и композиционные портреты, рисованные портреты, изготовленные со слов потерпевших и свидетелей, фотографические снимки, изготовленные при наличии значительных помех и искажений и др.

Нередко само определение природы источника неправильно ориентирует выбор метода его исследования. Показательно в этом отношении выделение в ряде работ группы так называемых кино-фото-видео документов. Определение этой группы источников как документов может ориентировать на применение знаково-семантических методов анализа, в то время как фотоизображение, как это доказано классическими работами в области научной фотографии, формируется на основе изоморфизма и строгих оптических и фотохимических закономерностей, подчиненных физической причинности и исследуемых специальными научно-техническими методами.

Неправильно также определять природу источника только на основе базового сигнала, игнорируя промежуточные формы его преобразования. Последние требуют самостоятельного раздельного исследования при анализе информационного канала. Так, базовый магнитный или электронный сигнал в видеофонограмме или на лазерном диске, преобразуемый в оптические или звуковые речевые сигналы, нельзя считать вещественным источником в чистом виде, так как он требует фонетико-лингвистического анализа¹.

Под вещественным источником доказательственной информации понимается любой материальный носитель, отображающий имеющую значение для дела информацию в форме физического сигнала.

Общая характеристика системы вещественных источников доказательственной информации раскрывает информационный потенциал

¹ Каганов А. III. О математических моделях экспертной идентификации и диагностики // Экспертная техника. М. : РФЦСЭ, 1995. Вып. 125.

вещественных доказательств и дает исходную ориентировку в направлениях их поиска и использования.

Следует подчеркнуть, что качественный скачок в использовании возможностей получения информации из материальной среды расследуемого события требует пересмотра традиционных представлений о составе вещественных доказательств и включения в него ряда новых источников, которые требуют дополнительного рассмотрения.

Под **предметами** понимаются вещи, имеющие устойчивое внешнее строение (границы), характеризующиеся размерами, формой, цветом, весом, запахом и иными признаками.

Указанные свойства, как правило, позволяют легко распознать происхождение, назначение вещи, ее место в обстоятельствах исследуемого события. Они же облегчают описание (протоколирование) вещи, ее индивидуализацию и идентификацию.

Предметы наиболее часто фигурируют в качестве вещественных доказательств по уголовным и гражданским делам, выступая как орудия и средства преступления (огнестрельное и холодное оружие, транспорт, инструменты промышленного и бытового назначения и др.), предметы преступных посягательств (движимое и недвижимое имущество, документы, драгоценности, деньги, промышленные и продовольственные товары, предметы домашнего обихода) и др. элементы обстановки исследуемого события.

Особыми источниками вещественной информации являются живые лица, трупы и их части. В случаях, когда для решения задач розыска, диагностики, идентификации существенное значение имеют предметные свойства живых лиц и трупов, на них распространяется статус вещественных источников информации и правила их осмотра, фиксации, исследования.

Однако, подчеркивая общую информационную природу указанных объектов, как источников информации, следует иметь в виду процессуальную специфику их обнаружения, хранения, освидетельствования и экспертизы (см. ст. 81, 82, 177—181, 195—202 УПК РФ). Наиболее распространенными способами фиксации предметных свойств являются: протоколирование, фотографирование, составление планов и схем, приобщение к делу.

Процессуальными способами исследования предметов является следственный и судебный осмотр, предварительное исследование с участием специалиста, а также различные виды экспертных исследований.

Внешние, предметные свойства объектов исследуются методами трасологической экспертизы.

В зависимости от ситуации события и роли предмета в ее структуре в предметах могут быть актуальными также их внутренние и любые специальные свойства: анатомические, функциональные, субстанциональные, товарные и др.

Для экспертного исследования этих свойств могут быть использованы методы любых предметных экспертиз. Так, в целях идентификации личности живых лиц и трупов используются методы портретной экспертизы, методы криминалистической экспертизы навыков, судебно-медицинской и судебно-биологической экспертизы. Товарные свойства предметов исследуются методами товароведческой экспертизы; субстанциональные свойства предметов исследуются методами криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий.

Особый вид исследования предметов представляет исследование изделий, т. е. продукции промышленного или кустарного производства.

Предмет исследования. Предметом исследования здесь является система свойств, сформированная в цикле промышленного или кустарного производства, регулируемого специальными технологическими нормативами (госты, технические условия и т. п.). Данные свойства исследуются или с целью выяснения их соответствия указанным технологическим требованиям (товароведческая экспертиза) или в целях идентификации и установления источника происхождения объектов (криминалистическая экспертиза).

В случаях товароведческой экспертизы и экспертизы изделий, помимо самих предметов, источниками доказательственной информации могут быть реальные производственные комплексы, реальные технологические процессы, а также нормативно-техническая документация. В указанных случаях исследование приобретает комплексный характер и требует привлечения специалистов-технологов по профилю соответствующих производств.

Вещества. Особую группу источников вещественных доказательств образуют объекты, не обладающие собственной устойчивой формой и пространственными границами. Это — жидкие, полужидкие, сыпучие и газообразные вещества, находящиеся в специально приспособленных емкостях или в виде природных образований, отделившихся частиц, растворов или газообразных смесей.

Отсутствие собственных устойчивых пространственных границ, свойственных предметам, усложняет процессуальное оперирование этой категорией источников и предъявляет ряд специальных требований к методам изъятия, фиксации, процессуального оформления, исследования и оценки указанных источников.

Они основаны на изоляции вещества, применении герметичной упаковки (емкости), ее опечатывании, исключаящем несанкционированный доступ, и процессуальном удостоверении всех указанных операций. Указанные процессуально технические требования, обеспечивающие подлинность изъятых источников, процессуально не регламентированы. Однако их следует считать обязательными для всех

объектов данной группы, используемых в качестве вещественных доказательств в судебном процессе¹.

В целях совершенствования процессуальной техники и исключения весьма частых в судебной практике споров о подлинности вещественных доказательств указанными требованиями следует дополнить ст. 82 УПК РФ и ст. 74 ГПК РФ, предусматривающие правила хранения вещественных доказательств.

В этой связи уместно также отметить, что догма гражданского права традиционно разграничивает правовой режим вещей, характеризующихся индивидуально-определенными и родовыми признаками, имея в виду различные возможности их идентификации и взаимозаменяемости.

Отсутствие собственных устойчивых границ исключает применение методов исследования, основанных на анализе размеров форм и иных пространственных характеристик, традиционно используемых в трасологии и других смежных криминалистических исследованиях. Исследование состава и внутренней структуры вещественных образований требует применения методов физики, химии и инструментального физико-химического анализа. Указанные методы, позволяющие осуществлять анализ на атомарном, молекулярном, фракционном уровне, исследовать кристаллическую структуру вещества, дают возможность проводить исследования при наличии микроколичеств вещества в следе до 0,001 — 0,0001 гр. и обнаруживать следовые примеси в составе исследуемых объектов. Указанные возможности позволяют не только предельно индивидуализировать исследуемые объекты по признакам их состава и структуры, но позволяют решать новые недоступные традиционной криминалистике задачи доказывания. В связи с изложенным, следует признать устаревшими и не соответствующими практическим реалиям современной судебной экспертизы высказывания отдельных авторов о невозможности идентификации жидких и сыпучих веществ на основе исследования их субстанциональных свойств.

Опосредствованные источники информации. В отличие от предметов и вещественных образований, являющихся объектами непосредственного исследования, при котором изучаются их собственные свойства, в опосредствованных источниках исследуются свойства сторонних, отображенных объектов и опосредствующие их механизмы слеодообразования. Исследование здесь имеет опосредствованный характер, поскольку изучаемые свойства переданы в источнике в преобразованном виде. Это имеет существенное значение для анализа и оценки полученной информации и всей процедуры доказывания.

¹ См., в частности, методические рекомендации по обнаружению, фиксации и изъятию микрочастиц и запаховых следов: Корнеев В. А., Пчелинцев А. М., Ивченко Е. А. Криминалистическое исследование золото-серебряно-медных сплавов с помощью безэталонного микроспектрального анализа // Экспертная техника. Вып. 93. М. : ВНИИСЭ МЮ СССР, 1986.

В связи с этим, необходимы терминологические уточнения.

Следоноситель, т. е. предмет, изменения которого вызвали образование следа, изучаемый с целью его выделения из окружающей среды и индивидуализации в качестве вещественного доказательства, исследуется и описывается как предмет или элемент материальной обстановки события т. е. методами непосредственного исследования.

Субстрат следа, т. е. свойства следоносителя, изменившиеся в результате следообразования, могут быть выражены:

а) в форме изменения собственных свойств следоносителя (внешнего строения, намагничивания, силовых полей и т. д.). Исследование в этих случаях всегда имеет характер опосредствованного, поскольку свойства отображенного в следоносителе объекта переданы ему в преобразованном виде. Их исследование требует декодирования, которое осуществляется по специальной методике;

б) в форме наложений сторонних предметов (веществ, запахов, микрочастиц).

Если при исследовании наложений ставится задача распознавания, т. е. определения природы и происхождения наложений, например, определение наркотика, яда, крови, и т. п., исследуются собственные свойства наложений. Если же в наличии следственно-идентификационная ситуация, т. е. исследователя интересует объект, оставивший след, в наложении исследуются отображенные в нем свойства искомого объекта. В этом случае исследователь выделяет в следе идентифицирующий объект и осуществляет идентификацию. Отметим, что в качестве идентифицирующих объектов могут выступать не только вещества и микрочастицы, но и предметы, когда, например, устанавливается источник их происхождения.

Таким образом, наложения (вещества, запахи, микрочастицы), возникающая в результате следообразования, отображения, могут быть объектами как непосредственного, так и опосредствованного исследования.

Из сказанного следует, что термин «следы-отображения» не может использоваться для обозначения отдельной категории следов, поскольку: а) любые следы являются отображениями, т. е. носителями свойств, отображающих свойства сторонних объектов; б) различается лишь направление отражения: внешнее, когда отображаются свойства стороннего объекта и внутреннее, когда отображаются собственные свойства объекта. В последнем случае мы имеем дело с предметами и вещественными образованиями, как объектами непосредственного исследования. Без процессов отражения вообще нет каналов передачи информации и, следовательно, самой информации.

Не может использоваться этот термин и как понятие «след» в самом широком смысле слова, понимая под следом любой носитель доказательственной информации: следы-отображения, предметы, веще-

ства и даже «идеальные следы»-отображения в сознании людей. Такое понимание следов, отождествление их с любым источником доказательственной информации вряд ли является продуктивным и приемлемым, поскольку: а) не имеет самостоятельного содержания, поскольку подменяет понятие «отображение» и б) не дифференцирует источники с позиций методов оперирования ими в процессе их собирания и исследования и потому лишено практического смысла.

При оперировании с отображениями внешнего строения, а также иными опосредствованными источниками, при их обнаружении, фиксации, исследовании следует учитывать следующие особенности их информационной структуры:

1) любой след, формируемый в процессе взаимодействия (элементарное отображение), отображает, как минимум, два информационных поля:

- идентификационное — в виде признаков отображенного в следе объекта, являющееся основанием для его распознавания и индивидуального отождествления,
- механизма следообразования, позволяющего восстановить параметры взаимодействия. Это информационное поле весьма существенно для моделирования механизма расследуемого события и прослеживания причинной связи взаимодействующих объектов и процессов;

2) в процессе идентификации, предполагающем прослеживание вариационности отображаемых признаков, исследуются оба указанных информационных поля. Вместе с тем, механизм следообразования может быть объектом отдельного исследования, когда он приобретает самостоятельное значение, например, для установления направления взлома преграды, направления выстрела, происхождения повреждений (разрез, разрыв, разруб, распил и т. п.).

Исследование механизмов следообразования является важной частью ситуалогических исследований, направленных на установление механизма события по материальным следам на основе исследования вещественной обстановки;

3) идентификационная структура следа может быть весьма сложной и состоять из нескольких подсистем. Так, информация о свойствах может иметь различную природу идентификационных полей (внешнего строения, субстанционального или функционально-динамического) и находится на различных уровнях организации материи (атомарном, молекулярном, фракционном, структурном). Например, в следе руки может быть выделено морфологическое идентификационное поле в виде отображения структуры папиллярных и флексорных линий, субстанциональное в виде частиц потожирового вещества, одорологическое в виде молекул запаха, функциональное в виде отображения способа захвата или оперирования предметом. Каждое из этих информационных полей может быть предметом самостоятельного экспертного анализа специалистом соответствующего профиля;

4) в процессе доказывания существенно учитывать, что в материальной среде расследуемого события каждый след существует не изолированно, а в системе других следов, в которой следует различать встречные, последовательные и параллельные следы.

Многосторонность отображаемого объекта выражена в образовании следов, отражающих различные информационные поля, либо дополняющие информационное поле исходного отображения. В их числе следует различать встречные, последовательные, и параллельные следы-отображения.

Встречные следы образуются на контактных поверхностях взаимодействующих объектов и могут в зависимости от свойств этих поверхностей содержать однородные или разнородные информационные поля. Так, при столкновении автомашин на каждой из них образуются вмятины и царапины, отображающие внешнее строение соответствующих контактных поверхностей. В то же время на эти же поверхности может произойти взаимоперенос частиц лакокрасочных покрытий, а при наличии посредствующего объекта, например, сбитого пешехода, на каждой из них могут оказаться также частицы волокон одежды и поврежденных тканей тела потерпевшего.

Последовательные (повторяющиеся) следы-отображения являются результатом последовательных следовых контактов одного и того же следообразующего объекта в серии однородных операций: следы ходьбы, следы патронного упора на гильзах от автоматной очереди, следы рубления и т. п.

Параллельные (сопутствующие) следы образуются от различных частей или сторон одного и того же функционирующего в обстоятельствах расследуемого события искомого объекта и представляют его самостоятельные информационные поля. Таковы, например, следы различных протекторов автомобиля, частички груза и отщепы древесины кузова при дорожных происшествиях; следы крови, рук и ног преступника на месте разбойного нападения; гильзы, дробовой заряд, пыжи, изъятые с места выстрела и т. п.

Использование указанных следов в целостной системе существенно расширяет информационные возможности доказывания за счет суммирования содержащейся в них информации.

Такое суммирование, однако, является правомерным при соблюдении определенных правил доказывания:

1) относительно встречных следов должно быть следственным или экспертным путем доказано, что они имеют общий механизм следообразования в процессе взаимодействия материальных структур в механизме исследуемого события;

2) относительно последовательных следов должно быть установлено, что они отображают части (стороны) одного и того же следообразующего объекта в повторяющихся операциях одного и того же процесса или сложного действия в механизме исследуемого события;

3) относительно параллельных следов должно быть доказано, что они отображают стороны одного и того же сложного искомого объекта, функционирующего в механизме исследуемого события.

При отсутствии указанных доказательств суммирование информации, содержащейся в различных следах, будет неправомерным.

Материальные комплексы. Особым источником информации, существенно расширяющим возможности процессуального доказывания, являются материальные комплексы, представляющие сложные материальные системы, целостность которых обусловлена системой сформированных в обстоятельствах исследуемого события интегративных связей. В их числе важнейшими являются: пространственно-временные причинно-следственные, функциональные, субстанциональные, генетические, технологические и иные ситуационные связи. Установление целостности такого рода систем представляет нередко важный доказательственный или искомый факт по уголовному или гражданскому делу. Подобное доказательство оказывается возможным только при условии выявления интегративных связей, делающих при внешнем рассмотрении случайное сочетание предметов, следов и вещественных образований целостным объектом.

Встречающиеся в судебно-следственной практике материальные комплексы могут быть подразделены на три основных типа: природные, техногенные и ситуационные.

Природные материальные комплексы. В естественных ареалах или участках местности интегративные связи имеют генетическую природу. Сочетание особенностей геолого-почвенных образований, растительных сообществ, споро-пыльцевого спектра и техногенных характеристик придают этим объектам индивидуализирующие свойства, позволяющие выделить их из числа однородных объектов. На этой основе может быть, например, установлено происхождение почвенно-растительных наложений на одежде и обуви подозреваемого с участка местности, где было совершено преступление; происхождение изъятой партии наркотического вещества с конкретной местности, где выращивается мак или конопля. Соответствующие исследования осуществляются в рамках комплексной почвоведческой и ботанической экспертизы.

Техногенные материальные комплексы. В рамках судебной экспертизы техногенные комплексы выступают чаще всего как источники происхождения приобщенных к делу вещественных доказательств. Установление конкретного производственного источника изготовления (выпуска) промышленных или кустарных изделий является одной из задач криминалистической идентификационной экспертизы.

В зависимости от природы исследуемого объекта привлекаются специалисты соответствующего профиля. Так, производственное происхождение дроби и картечи устанавливается судебными баллистами и металловедами; происхождение полиграфической продукции — специалистами по техническому исследованию документов.

Ситуационные материальные комплексы. Ситуационные материальные комплексы формируются в условиях конкретного исследуемого события, например, события преступления, за счет свойственных ему пространственно-временных, причинно-следственных, отражательных, субстанциональных и функциональных связей, актуализированных в процессе преступной деятельности или динамики иных процессов, связанных с расследуемым событием.

Образцами такого типа материальных комплексов могут служить:

а) контактное взаимодействие преступника (тело, одежда, обувь), жертвы (тело, одежда, обувь) и среды (природные, бытовые, техногенные компоненты);

б) взаимодействие систем: водитель автомобиль, дорога, препятствие при дорожно-транспортных происшествиях;

в) взаимодействие систем: преступник, орудия взлома, преграда в случаях взлома преград и хранилищ;

г) комплекты вещей, являющихся предметом преступных посягательств (краж, грабежей, разбойных нападений и др.), имеющие общие свойства в связи с механизмом преступления, условиями их происхождения, хранения и использования.

Доказательство целостности ситуационных материальных комплексов следственным и экспертным путем представляет достаточно сложную самостоятельную задачу, так как зависит от возможности выявления интегративных связей между отдельными компонентами этих комплексов. В то же время процессуально-доказательственное значение указанных фактов трудно переоценить, поскольку они являются, как правило, ядром предмета доказывания и в силу случайного характера интегративных связей между компонентами комплексов обладают выраженной индивидуальностью. Поэтому доказательство целостности ситуационных комплексов ведет, как правило, к установлению главного факта по уголовному или гражданскому делу.

Материальная обстановка события. Под материальной обстановкой события следует понимать целостную систему, представляющую материальную среду расследуемого события, его пространственно-временной и вещественный континуум. В этом же смысле в литературе используется термин «вещная обстановка»¹.

¹ Мумричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960. С. 10 и др.

От материальной обстановки события надо отличать понятие следовой картины события, под которой понимается выделенная в материальной среде события целостная система источников информации, отражающая в материально-фиксированной форме всю сумму относящихся к предмету доказывания обстоятельств исследуемого события и представляющая совокупный след этого события.

Выделению данного источника доказательств способствовало интенсивное развитие института специалиста в судебном процессе и активизация участия экспертов в следственных действиях, связанных с изучением материальной обстановки событий.

Необходимость процедур с участием специалистов и экспертов, в свою очередь, вызвана изменениями в структуре событий, требующих осмотра, освидетельствования, эксперимента, экспертизы. В их числе должны быть названы преступные и техногенные взрывы, пожары, обрушения, стихийные бедствия, авиакатастрофы, террористические и диверсионные акты.

Участие специалиста и эксперта при производстве следственных действий на месте развития событий создает совершенно новую исследовательскую ситуацию, требующую применения новой методологии и открывающую новые возможности процессуального доказывания.

Особенность этой исследовательской ситуации состоит в том, что специалист и эксперт могут исследовать не отдельные следы и предметы, искусственно изолированные из среды и исследуемые в лабораторной обстановке, а всю совокупность этих следов и предметов, образующих материальную обстановку события.

Специфика этого объекта состоит в том, что он может исследоваться как самостоятельное целостное образование во всем многообразии его системно-структурных связей.

Изучение указанных связей составляет содержание экспертного ситуалогического анализа. Оставаясь в границах своих специальных познаний, опираясь на исследование причинно-следственных и иных материально выраженных связей в структуре события, эксперт (специалист) получает в ряде случаев возможность установить обстоятельства исследуемого события и данные о личности преступников, являющиеся предметом доказывания. К их числу относятся данные о количестве преступников, последовательности их действий; тип, вид и особенности орудий и средств преступления; время, затраченное на выполнение преступных действий; профессиональные навыки исполнителей, их анатомо-физиологические и патологические свойства, возраст, половую принадлежность; ориентацию в ситуации действия участников события и др.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что экспертно-ситуалогический анализ должен базироваться исключительно на результатах непосредственного исследования специалистами материальной среды события, осуществляемого на основе своих специальных знаний. Только при

этом условии их выводы могут рассматриваться как самостоятельные источники доказательств.

Если, как это нередко случается, специалисты, осуществляющие ситуалогический анализ, наряду с данными собственных исследований, используют результаты расследования (показания свидетелей, результаты ревизий, результаты служебных расследований и т. п.), их выводы могут иметь характер условных умозаключений, достоверность которых зависит от правильности аргументов, положенных в основу вывода. Так, если при определении причины пожара специалист использовал показания свидетелей о том, когда и откуда пошел дым, какого он был цвета, запаха и т. д., достоверность вывода эксперта будет прямо связана с достоверностью показаний свидетелей.

В отличие от экспертного, следственно-судебный ситуалогический анализ базируется на всей совокупности имеющихся доказательств, в том числе на заключениях экспертов. Однако в этом случае следователь и суд должны четко отграничивать выводы на основе непосредственного исследования источников вещественных доказательств, и выводы на основе анализа доказанных фактов (логическое, опосредованное исследование).

В составе связей, составляющих предмет ситуалогического анализа, следует выделить три основных группы:

1) системные связи самой материальной обстановки, характеризующие ее как самостоятельный источник доказательств:

- пространственно-временные (например, пространственные границы места происшествия на протяжении определенного отрезка времени),
- структурно-функциональные (например, функциональное назначение частей помещений, оборудования и т. п.);

2) системные связи элементов деятельности, составляющей предмет доказывания: субъект — программно-целевой блок — орудия и средства действия — предмет действий — внешняя обстановка — результат;

3) системные связи взаимодействия материальных элементов механизма исследуемого события: субъект — орудие — предмет — место.

Новые возможности доказывания с использованием рассматриваемого источника могут быть проиллюстрированы на примере использования следов преступника на месте происшествия в целях его идентификации.

При традиционном подходе идентификационные возможности полностью определяются объемом информации об идентифицируемом объекте в его отдельном следе, например, отдельном следе пальца. Если этой информации недостаточно, например, обнаружено до пяти совпадающих особенностей папиллярного узора, вопрос о тождестве разрешен быть не может. При этом не может быть принята во внимание информация, содержащаяся в других следах, найденных на месте преступления. Сторонники такого подхода считают идентификацию по совокупным следам «нереальной идентификацией», поскольку

не исключена возможность того, что такие следы, действительно, могли быть оставлены в разное время и разными лицами, такая идентификация не имеет фактического основания. Однако основания для такой идентификации могут быть получены при системно-ситуационном подходе, когда место происшествия рассматривается как целостное материальное образование, совокупный следоноситель, отражающий целостную систему действий одного и того же объекта. Для этого с привлечением специалистов должны быть изучены системно-структурные связи следоносителя, отраженной деятельности и отраженного объекта. В результате может быть установлено, что отдельные следы на предмете или их совокупность на разных предметах оставлены пальцами одной и той же руки. Следы ног образуют дорожку последовательно оставленных следов, сопровождаемых следом трости. Следы крови, следы рук, следы ног оставлены одним и тем же лицом, совершившим взлом и т. п. Такой вывод дает основание рассматривать указанные совокупности следов как следы целостного объекта на совокупном следоносителе. Это последнее, в свою очередь, дает основание для суммирования содержащейся в отдельных следах информации¹.

Если учесть, что основной проблемой доказывания является на практике дефицит доказательственной информации, нетрудно убедиться, какие дополнительные возможности предоставляет рассматриваемый подход. При этом, однако, не следует упускать из вида, что целостность следоносителя и отображенного в нем объекта подлежит в этих случаях самостоятельному доказыванию.

Материалы дела. Особое место в системе источников вещественных доказательств занимают материалы дела: протоколы следственных и судебных действий и приложения к ним. Эти материалы имеют неоднородную структуру, различный процессуальный статус и различные информационные характеристики, так как являются источниками доказательственной информации.

Остановимся на возможностях использования указанных источников в зависимости от сигнальной или знаковой формы отражения содержащейся в них информации.

Сигнальная форма. В этой форме выражена информация в вещественных доказательствах, приобщенных к делу, образцах, приложениях к протоколам следовых копий, фото-, кино-, видеозаписей, электронных дисках и т. п. В знаковой форме информация о предметно-вещественных свойствах источников выражена в протоколах и приложениях, выполненных в знаковой форме: планах, схемах, рисованных портретах, фото-работах и т. п.

¹ Подробнее обоснование метода суммирования идентификационной информации дается в следующей работе: Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 125—136.

Материалы дела, содержащие информацию о предметно-вещественных свойствах в сигнальной форме, могут быть объектами любых специальных и экспертных исследований с применением научно-технических средств и методов. Особенности таких исследований, как указывалось выше, является то обстоятельство, что приобщенные к делу источники искусственно изолированы от реальных связей, которыми они связаны с окружающей материальной средой, могущими иметь существенное значение для доказывания. Полное или частичное восстановление таких связей в отдельных случаях возможно при повторном осмотре места происшествия или исследовании протоколов, схем, чертежей и других материалов дела. Эти ограничения возникают также в случаях, когда предмет приобщается к делу не целиком, а в отдельной части, например, кусок оконного стекла.

Знаковые формы. Материалы дела, содержащие информацию о предметно-вещественных свойствах: протоколы, схемы, чертежи, рисунки и т. п. занимают особое место в системе источников доказательств. С одной стороны, они фиксируют свойства материальной обстановки и содержат информацию о механизме исследуемого события. В этом качестве они могут быть источниками при специальном, в том числе, экспертном исследовании. С другой стороны, оценка информации, выраженной в знаковой форме, строго говоря, выходит за рамки специальных знаний экспертов. Исключение представляет психологическая и психиатрическая экспертизы, при которых сама форма психического отражения действительности составляет предмет экспертного исследования. В остальных случаях исследование форм психического отражения действительности в источниках, выраженных в словесно-языковой и письменно-знаковой форме, относится к компетенции субъектов доказывания, осуществляющих соответствующие следственные и судебные действия: допросы, очные ставки, опознания, проверки показаний на месте и т. п.

В связи с изложенным возможности использования знаковой информации в специальных и экспертных исследованиях ограничены. В полном объеме они могут быть использованы специалистами в стадии анализа следственно-экспертной ситуации для общей ориентировки в характере и обстоятельствах события, а также в целях определения возможностей обнаружения источников информации, выделения информационных полей и определения объектов и предмета экспертного исследования. Недопустимо использовать указанную информацию для обоснования экспертного вывода. Он должен быть основан исключительно на данных, полученных посредством применения специальных познаний из источников с сигнальной формой отражения информации. Следует отметить в связи со сказанным, что ряд важнейших доказательственных свойств источников, например, микрорельеф следа, в принципе не может быть вербализован и описан в протоколе осмотра места происшествия или вещественного доказательства.

Поэтому, в частности, нельзя признать допустимым экспертное доказательство тождества объекта по описанию его следа, по описанию внешности человека, по рисованным и комбинированным портретам, фотороботам, скульптурным портретам и другим источникам, не обеспечивающим строгого изоморфизма отображения. Они могут рассматриваться только как источники ориентирующей и оперативно-разыскной информации.

Анализ информационной структуры вещественных источников.

В процессе фактологического исследования источников решаются две основные задачи: установление объектов, участвующих в процессах взаимодействия, и установление механизма их взаимодействия. Решение каждой из этих задач осуществляется на основе специальных криминалистических методик.

Так, при установлении объектов, участвующих в процессах взаимодействия, используется алгоритм поисково-идентификационной деятельности, обеспечивающий установление искомого объекта по его отображению. Путь такого исследования может быть выражен в схеме: признак — свойство — система свойств (вещь) — система вещей. Структура такого исследования включает обычные стадии криминалистической идентификации: аналитическую, сравнительную, и оценочную, а также предполагает использование всей системы методов поисково-идентификационной деятельности.

Понятийный аппарат фактологического анализа. Разработка понятийного аппарата, языка науки в сферах деятельности, находящихся на стыке наук, связана со значительными методологическими трудностями. В данном случае они обусловлены тем, что каждая из взаимодействующих наук имеет собственный традиционный понятийный аппарат, далеко не всегда адекватный понятийному и терминологическому аппарату смежных наук. Достаточно сослаться на понятие «доказательство» в традиционной теории судебных доказательств, которое в различных контекстах интерпретируется и как материальный носитель, и как след, и как фактические данные, и как доказательственный факт. Между тем, с позиций информационного подхода в каждом из указанных понятий мы имеем дело с совершенно различными инструментами информационно-познавательного процесса.

Поскольку создание современных информационных технологий криминалистической и процессуальной деятельности возможна только на основе строго однозначного тезауруса и понятийного аппарата, унификацию языка науки криминалистики, доказательственного права и информационного подхода следует рассматривать как предпосылку взаимодействия этих наук и создания современных информационных технологий.

Раскроем данный тезис на основе элементарных рассуждений.

Разработка технологии решения любой практической задачи требует однозначного определения задачи, метода (способа решения), алгоритма (последовательности решения промежуточных задач) и технологической схемы решения каждой из них. Этим требованиям удовлетворяет только понятийный аппарат, строго соответствующий методологическим и логическим требованиям: системности, однозначности, непротиворечивости, соподчиненности понятий и др.

История криминалистики и судебной экспертизы наглядно подтверждает данную аксиому. Успешная разработка методики и технологий идентификационного исследования во всех отраслях судебной экспертизы стала возможной только после теоретического решения общей концепции судебной идентификации, отграничения ее задачи от задач смежных исследований и разработки общего понятийного аппарата, позволившего построить алгоритм решения идентификационной задачи¹.

В качестве доказательства «от противного» приведем предлагаемые в литературе концепции диагностики и дифференциации. Методологическая ущербность данных концепций, не породивших самостоятельных методик и технологий, связана с тем, что их авторам не удалось однозначно определить специальные задачи указанных исследований, отграничив их от других самостоятельных задач (идентификация, распознавание, установление причины и др.).

2.6. Процессуально-технические принципы исследования источников

В числе проблем фактологического анализа за последние годы получила актуальность проблема источников информации, созданных (полученных искусственным путем) в ходе самого расследования. Актуальность указанной проблемы объясняется широким внедрением в процесс расследования научно-технических методов обнаружения, фиксации и изъятия источников информации, общим повышением уровня и усилением активных начал расследования, а также прямой регламентацией указанных методов в уголовно-процессуальном законе.

Процессуальные кодексы РФ, а также последующие законодательные акты, предусматривают круг научно-технических средств, применяемых для фиксации и изъятия доказательственной информации, условия их применения при производстве следственных и судебных действий, а также порядок их процессуального оформления.

В настоящее время предусмотрены не упоминавшиеся в УПК РСФСР 1924 г. такие технические средства, как фотографирование и киносъ-

¹ Имеются в виду следующие работы: Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002; Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960; Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970 и др.

емка, изготовление слепков и оттисков следов, стенографирование и звукозапись, аудио- и видеозаписи (ст. 77 ГПК РФ, ст. 84, 166 УПК РФ), а также средства факсимильной и электронной связи (ст. 71 ГПК РФ) и носители компьютерной информации (ст. 166 УПК РФ).

Законодательная регламентация указанных технических средств, с одной стороны, подводит определенный итог теоретической и практической разработки проблемы источников информации, а с другой — ставит перед процессуальной наукой ряд новых проблем, в числе которых, наибольшее значение имеют *проблемы получения и исследования отображений опосредствованных источников информации.*

Проблема получения отображений сводится к выяснению тех оптимальных условий, при которых должны быть получены, и требований, которым должны удовлетворять отображения, используемые в качестве опосредствованных источников информации.

Проблема исследования отображения понимается как проблема оценки объективности, адекватности отображения, составляющая необходимое условие получения и использования содержащихся в опосредствованном источнике фактических данных.

Отображения источников информации, создаваемые искусственно в процессе расследования, существенно отличаются от тех отображений, которые возникают в результате процессов, стоящих вне контроля следователя и судьи.

Важнейшая их особенность состоит в возможности целенаправленного воздействия на ход и результаты процесса с целью получения отображений. В связи с этим, в первую очередь, следует рассмотреть требования, которым должны удовлетворять отображения, получаемые в процессе расследования, и определяющие технические условия их получения. Эти требования и составляют процессуально-технические принципы получения отображений, используемых для обоснования правовых решений.

В зависимости от задач, которые разрешаются путем воспроизведения опосредствованных источников информации, необходимо различать следующие два вида воспроизведения:

- 1) простое воспроизведение (фиксацию фактических данных);
- 2) содержательное преобразование (воспроизведение с целью выявления новых фактических данных).

Простое воспроизведение — наиболее распространенный метод фиксации и изъятия источников информации.

Простое воспроизведение состоит в получении отображения, максимально полно и точно передающего существенные для дела и воспринимаемые при обычных условиях признаки оригинала. Так, при фотографировании и описании в протоколе обстановки автотранспортного происшествия, задача состоит в том, чтобы с максимальной полнотой и точностью воспроизвести все те детали обстановки, которые свидетельствуют об обстоятельствах происшествия (расположение транспортных средств, характер и состояние дорожного покрытия, следы

торможения, поза и положение трупa, повреждения транспортных средств и др.).

Аналогично при допросе свидетеля-очевидца происшествия задача состоит в том, чтобы получить и запротоколировать показания, с максимальной полнотой и точностью воспроизводящие содержание представлений, возникших в результате восприятия свидетелем происшествия и могущих с течением времени, под действием многочисленных причин, существенно измениться.

Воспроизведение с целью выявления новых свойств в исследуемом объекте — широко распространенный метод исследования источников информации.

Многие важные доказательственные признаки источников информации не могут быть восприняты либо в силу ограниченных природных возможностей органов чувств человека, либо в силу случайного или умышленного маскирования этих признаков. Для выявления таких признаков должны быть применены те или иные технические средства и приемы. При их применении часто соединяют в один процесс выявление, фиксацию и исследование. Невидимость материальных источников информации является следствием их:

- а) микроскопического или субмикроскопического размера;
- б) малого контраста с фоном, на котором они наблюдаются (если их оптическая неоднородность не достигает порога дифференциации зрительного анализатора человека);
- в) субстанциального, а не морфологического характера;
- г) скрытого расположения.

Методы для поиска и выявления невидимых объектов выбираются, прежде всего, с учетом перечисленных факторов. Изменения микроскопического размера могут быть выявлены под микроскопом, а субмикроскопического размера и субстанциального характера подвергаются физико-химическим методам исследования. Для создания или увеличения контраста могут быть использованы селективные методы физического или химического способа окрашивания остаточного или временного характера, а также наблюдения при помощи интерференционного или поляризационного микроскопа. Более выгодными с точки зрения сохранности вещественного доказательства для этой цели являются оптико-фотографические методы (сюда относятся специальные виды освещения, использование различных светофильтров, а также специальных фотоматериалов), в особенности электронно-оптических преобразователей. Оптическая неоднородность, не достигающая порога различения человеческим глазом, может быть выявлена методами спектрофотометрии. Для обнаружения скрытых носителей информации используются специальные искатели (металлоискатели, трупoискатели и т. п.), или лучи электромагнитного спектра, имеющие способность проникать через прикрывающий слой (например, рентгеноскопия, обнаружение замурованных тайников, инфракрасная фотография закрытых текстов и т. п.), а также различные физические

и химические методы снятия прикрывающего слоя. Для восстановления уничтоженных номеров, маркировок и других знаков (в частности, на оружии, на двигателях, на различных деталях и др.) применяется метод ионного травления. Для выявления невидимых следов находит применение и лазерная техника.

Для выявления этих признаков необходимо использовать такой механизм отражения свойств объекта, который, изменяя состав отраженных признаков, позволяет значительно расширить природные возможности органов чувств исследователя и выявить новые, недоступные при обычном восприятии свойства объекта, имеющие доказательственное значение. Так, невидимые при обычном рассмотрении штрихи выцветшего текста, на снимке инфракрасной люминесценции могут быть отображены в виде контрастных белых штрихов на черном фоне; текст, закрытый черным пятном, может быть отображен на экране электронно-оптического преобразователя как текст без пятна и т. п.

Для разрешения указанных задач в практике исследования источников информации находит применение широкий круг научно-технических средств и методов. В их числе, методы обычной и электронной микроскопии и микрофотографии, методы скоростной кинематографии, методы контрастирующей, цветоделительной и люминесцентной фотографической съемки, методы съемки в невидимых лучах спектра и получение изображений с помощью излучений радиоактивных изотопов, методы получения изображений с помощью электронно-оптических приборов для усиления контраста и наблюдения в невидимых лучах; методы абсорбционного и эмиссионного спектрального анализа, рентгеновского и рентгеноструктурного анализа, радиоактивационный анализ, газовая хроматография, диффузионно-копировальные методы и ряд других.

Воспроизведение источника неизбежно связано с его преобразованием относительно обычных условий восприятия. Каждый признак отображения передает не только свойства воспроизводимого объекта, но неизбежно и конкретные условия, в которых осуществляется воспроизведение. Поэтому признак отображения не тождественен соответствующему признаку оригинала, а само отображение никогда не может быть тождественным оригиналу или другому отображению.

Преобразующее действие механизма в отображении проявляется в следующих формах:

- 1) исчезновения признаков воспроизводимого объекта (утраты информации, например, цвета поверхности при изготовлении слепка);
- 2) преобразования признаков воспроизводимого объекта (кодирование информации, например, цвета фотографируемого предмета в черно-белом снимке);
- 3) появления новых признаков воспроизводимого объекта (выявление дополнительной информации, например, выявление различия в цвете штрихов за счет усиления их цветового контраста).

В каждом отображении указанные формы преобразования существуют в тесной взаимозависимости и целиком определяются меха-

низмом отражения. Преобразование одних признаков всегда связано с исчезновением вторых и появлением третьих. Так, при съемке летнего пейзажа в инфракрасных лучах он кажется зимним, исчезает изображение облаков и появляется изображение, невидимых при обычном наблюдении, удаленных объектов. Все эти преобразования взаимосвязаны и определяются свойствами инфракрасных лучей и условиями съемки (сильное поглощение инфракрасных лучей листвой и травой, хорошее прохождение их сквозь туман и дымку, использование специального фотоматериала и т. д.).

Рассматривая научные основы методики выявления невидимых текстов, А. А. Эйсман различает усиление и преобразование изображений. В первом случае имеются в виду ахроматические (неокрашенные) объекты, например, слабовидимые серые штрихи на сером фоне и «речь <...> идет о количественном изменении первоначальных яркостей штрихов и фона, об увеличении различия их яркостей»¹. Во втором случае имеются в виду ситуации, «когда текст невидим вследствие слишком малого различия в цвете»² и речь идет о превращении «цветового различия в различие яркостей»³.

Приемы усиления яркостного контраста, рассматриваемые А. А. Эйсманом, правильнее, по нашему мнению, не противопоставлять приемам преобразования отображений, а рассматривать как частную форму такого преобразования. Преобразование отображения, связанное с выявлением новой доказательственной информации, имеется как в первом, так и во втором случае, и это обстоятельство, объединяющее такие преобразования, является наиболее существенным.

Различается лишь форма преобразования. В первом случае оно осуществляется за счет усиления яркостного, а во втором случае — за счет усиления цветового контраста, причем различие в цвете, в конечном счете, и в этом последнем случае преобразуется в различие яркостей.

Более существенное различие форм преобразования мы имеем в тех случаях, когда различие штрихов и фона выявляется не за счет их оптических (яркости, плотности, цвета), а за счет иных физико-химических свойств. Значительнее в этих случаях и различие технической методики (копирование, химические методы и т. п.).

Хотя физические принципы и техника получения таких отображений существенно отличаются от оптических методов, А. А. Эйсман также относит их к «преобразованиям»⁴.

Более последовательно, таким образом, все формы воспроизведения, связанные с получением новой доказательственной информации, рассматривать как содержательное преобразование отображений

¹ Эйсман А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. 1965. С. 15.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 15.

источников информации. Внутри же содержательного преобразования, в зависимости от положенных в основу физических принципов и используемой техники, следует различать виды и конкретные методики содержательного преобразования.

В различных видах воспроизведения роль преобразования различна. При простом воспроизведении все формы преобразующего действия механизма имеют характер помех и играют отрицательную роль. Таковы, например, искажения в фотоизображении, вызванные аберрациями объектива, неравномерной цветовой чувствительностью фотослоя, необычной дистанцией или ракурсом съемки и т. п.; аналогичны искажения вследствие недостаточной пластичности слепочной массы слепка, плохого качества слекопировальной пленки и т. п.

В соответствии с этим принцип простого воспроизведения состоит в максимальном устранении всех форм преобразующего действия механизма воспроизведения отображения. Решение указанной задачи в ряде случаев требует значительных технических усилий и может быть достигнуто лишь с течением времени. Примерами могут служить: история создания высококорригированных фотообъективов; проблема получения фотографических слоев, обладающих равномерной цветовой чувствительностью; проблема правильной цветопередачи в цветной фотографии; проблема адекватной звукозаписи и т. п.

Весьма показательны в этом отношении получившие широкое распространение в технике способы цифровой фотографии, звукозаписи и воспроизведения. Методы цифрового кодирования в значительной степени повышают разрешающую способность метода фиксации и соответственно информативность источника информации.

Принцип простого воспроизведения есть общий принцип фиксации источников информации. При фиксации свойств объектов и документов, а также при фиксации показаний живых лиц, должны быть зафиксированы только те признаки и в том состоянии, как они воспринимались следователем при производстве следственного действия.

Технический принцип простого воспроизведения отражает наиболее важное процессуальное требование любой протокольной фиксации доказательственной информации, фиксации любых фактических данных, выступающих в качестве судебных доказательств. Существенное нарушение указанного принципа приводит к получению недоброкачественных отображений, затрудняющих или делающих невозможным использование полученных фактических данных.

Так, в случае неправильного ракурса при съемке трупа (со стороны головы или со стороны ног на близком расстоянии) возникают затруднения в установлении относительных размеров тела и их взаиморасположения; при съемке цветных объектов на несенсибилизированных фотоматериалах искажается цветопередача; «стилистическая обработка» показаний несовершеннолетнего или малограмотного может привести к искажению смысла данных им показаний и т. д.

Иную роль играют преобразования в случаях воспроизведения с целью выявления новых фактических данных. Выявление новых свойств объекта может быть осуществлено только путем изменения состава воспроизводимых признаков, а именно:

а) путем устранения помех (примерами могут служить: прием устранения теней при фотографической съемке с целью усиления яркостного контраста; прием устранения внутренних шумов при реставрации фонограммы; прием устранения мешающего действия фона при фотографировании в невидимых лучах и т. д.);

б) путем преобразования сигналов доказательственной информации (например, преобразование вогнутого рельефа в выпуклый с целью лучшего наблюдения особенностей; преобразование рельефа следа в графическую кривую при изготовлении профилограмм; преобразование обычного светового изображения в изображение, построенное потоком электронов в электронно-оптических приборах и т. д.);

в) путем выявления новых сигналов доказательственной информации (примерами могут служить приемы выявления стертых, смытых и иным путем поврежденных записей путем усиления яркостного и цветового контраста, съемки в невидимых лучах, съемки люминесценции и т. д.).

Из сказанного видно, что роль преобразования отображения в данном виде воспроизведения коренным образом отличается от роли преобразования при простом воспроизведении. Если при простом воспроизведении все формы преобразования играют роль помех и ведут к искажению отображения, то в данном виде воспроизведения каждая форма преобразования может быть использована как средство выявления новой доказательственной информации.

Принцип данной формы воспроизведения состоит, таким образом, в максимальном использовании тех форм преобразования, которые позволяют выявить новые доказательственные признаки, и сведения к минимуму искажающего действия других форм.

Несоблюдение указанного принципа приводит к тому, что полученное отображение не воспроизводит новых доказательственных признаков, или содержит искажения, затрудняющие объективное установление свойств оригинала.

В некоторых случаях, например, вытравленный или иным путем обесцвеченный текст выявляется при рассмотрении люминесценции документа в ультрафиолетовых лучах. Неправильный подбор светофильтров, при съемке таких объектов, может привести к тому, что свет люминесценции текста будет смешан с отраженными от документа ультрафиолетовыми лучами. В результате картина люминесценции на снимке будет искажена, а обесцвеченный текст не выявится.

Практическая реализация рассматриваемого принципа тесно связана с проблемой определения оптимального уровня детализации признаков в отображении источника информации.

Технически возможный максимум детализации признаков в отображении не всегда является целесообразным и может привести не к выявлению новой информации, а к появлению помех, затрудняющих исследование. С таким явлением часто приходится сталкиваться при микроскопическом исследовании следов на материалах грубой структуры (дерево, фанера, волокнистые материалы). Хотя технически возможным являются увеличения в тысячу и более раз, практически целесообразны в этих случаях увеличения около $10\times$. Последующие увеличения приводят к выявлению структуры материала следа, которая играет роль помех.

Аналогично определяются пределы детализации и при использовании других технических методов получения отображений. Так, фотоэлектрический метод профилирования дает возможность воспроизвести особенности рельефа высотой до 0,001 мм. Однако, если величина структурных единиц материала следа превышает несколько микрон, использовать указанный максимум нецелесообразно, так как он приводит к появлению помех.

Сигнал информации в отображении выявляется всегда на фоне помех. Практически используемый уровень детализации или разрешения, в соответствии с общими принципами теории информации, должен соответствовать максимуму отношения сигнал / помеха. Иными словами, детализация признаков в отображении целесообразна до того уровня, пока она увеличивает уровень сигнала информации и не связана со значительным усилением уровня помех.

Общим принципом получения отображений в процессе расследования является однозначность (изоморфизм) преобразования сигнала информации в отображении. Однозначным является такое преобразование, при котором одним и тем же свойством оригинала соответствуют одни и те же качественные и количественные характеристики отображения. Так, одним и тем же яркостям объекта съемки соответствуют одинаковые плотности почернений в фотографическом снимке; одинаковым по высоте выступам следообразующего объекта соответствуют одинаковые по глубине впадины следа; сила тока, отклоняющего стрелку гальванометра в термоэлементе, строго соответствует количеству света, попадающего в термоэлемент, а последнее однозначно определяется количеством копоти выстрела, имеющейся на пораженной преграде.

Во всех приведенных случаях сохраняется однозначность преобразования сигнала информации в отображении.

Однозначность преобразования является существенным свойством отображения, благодаря которому его можно использовать как сигнал информации об оригинале.

Нарушение однозначности преобразования сигнала в отображении приводит к невозможности использования отображения в качестве источника доказательственной информации.

Засветка экспонированной пленки приводит к порче фотографического изображения; попадание в след посторонних предметов, при его образовании, влечет образование таких особенностей следа, которые не отражают рельефа следообразующего объекта и т. д.

Нарушают принцип однозначности преобразования сигнала информации и некоторые технические приемы получения отображений.

Показательны в этом отношении такие широко распространенные в фотографии и кинематографии технические приемы, как комбинированные съемки, ретушь, маскирование при проекционной печати, монтаж и т. п. Искусственное видоизменение изображения, достигаемое с помощью приемов такого рода, нарушает его соответствие действительности. Отдельные элементы изображения полностью или частично не соответствуют оригиналу: видоизменены, привнесены извне, являются элементами других изображений. Будучи уместны и допустимы как средства художественного творчества, технические приемы такого рода вступают в противоречие с принципом объективности расследования и неприемлемы в правовых процедурах.

Между тем, некоторые аналогичные приемы применяются при выполнении снимков, прилагаемых к протоколам осмотров и актам судебных экспертиз. Так, слабовидимые пятна или следы обводятся на фотоснимках чернилами и отмечаются стрелками со специальными указателями; признаки папиллярных узоров, используемые для обоснования вывода при производстве дактилоскопической экспертизы, также в случае их слабой выраженности обводятся, заштриховываются или иным образом выделяются. Подобные приемы выделения признаков встречаются и в других видах идентификационных экспертиз, в исследованиях, связанных с выявлением невидимых текстов, удаленных пятен и т. д. Применение подобных приемов иногда обосновывается соображениями иллюстративности, требованиями наглядности выводов эксперта. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что наглядность и иллюстративность выводов эксперта ни при каких условиях не должна вступать в противоречие с принципом объективности процесса расследования. В приведенных же случаях объективные признаки объектов подменяются знаками, отражающими не объективные свойства, а представления, сложившиеся в результате их восприятия у следователя или эксперта.

Фотографические снимки, содержащие всякого рода обводку, указатели и иные обозначения, допустимы только как средства дешифровки, разъяснения лишенных таких знаков чистых фотографических снимков в качестве приложений к заключениям экспертов. Сами по себе такие снимки, в силу нарушения принципа изоморфизма изображения, не могут рассматриваться как источники доказательственной информации.

Принцип изоморфизма распространяется также на все иные средства получения отображений и фиксации информации. В протоколе осмотра места происшествия и освидетельствования, согласно ст. 180 УПК

РФ, описываются «все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и освидетельствовании в той последовательности, в какой производились осмотр и освидетельствование, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра и освидетельствования». При составлении протокола осмотра или допроса недопустимо фиксировать одни и произвольно опускать другие обстоятельства, имеющие значение для дела, при составлении одного и того же плана — использовать различный способ измерений, различный масштаб, различный способ нанесения предметов на план и т. д.

Звукозапись допроса, согласно ст. 190 УПК РФ, должна отражать весь ход допроса. Недопустима звукозапись частей допроса, пропуск фрагментов допроса, а также повторение специально для звукозаписи показаний, данных в ходе того же допроса.

Таким образом, отображения, полученные с нарушением принципа адекватности, не обеспечивают объективного установления существенных обстоятельств дела и потому не могут быть допущены в качестве источников доказательственной информации.

В заключение отметим, что принцип однозначности преобразования относится к сигналам доказательственной информации и не распространяется на другие свойства оригинала, последние могут быть преобразованы неоднозначно или вовсе не воспроизведены. Так, оптическая развертка цилиндрической поверхности пули показывает картину следов на цилиндрической поверхности пули в «развернутом» виде в плоскости фотографического снимка. При этом, естественно, форма поверхности самой пули не получает однозначного отображения. Это, однако, не имеет значения, поскольку ставится задача получения заключенной в следах информации об оружии, а не о пуле.

При фотографировании следа пальца важно воспроизвести его строение, размеры, форму и относительное размещение особенностей. При этом не имеет значения цвет папиллярных линий и фона, на котором находится след. Последние приводятся к наиболее удобному для восприятия виду.

Процесс получения отображений не является изолированной технической операцией. Он неразрывно связан со всем процессом расследования и установления истины по конкретному делу. Эта связь выражена, прежде всего, в необходимости логически обоснованного *определения круга источников информации, подлежащих воспроизведению*, а также выбора вида и способа их воспроизведения.

Решение указанных задач опирается на определенные логические предпосылки, практическое значение которых трудно переоценить. При производстве любого следственного действия, связанного с собиранием информации: осмотра, освидетельствования, допроса и др. — всегда необходимо определить, что подлежит описанию, фотографированию, с каких следов изготовить слепки, копии, а какие обстоятельства могут быть опущены, не подлежат фиксации. Произвольное решение этих вопросов приводит к пробелам в расследовании или загроможде-

нию дела ненужными материалами и случайной информацией. Определение круга, подлежащих воспроизведению источников, находится в связи с вопросом об относимости содержащихся в них фактических данных. Неразрывно связан с вопросом об относимости и выбор конкретного вида и способа воспроизведения.

Определение характера признаков, имеющих доказательственное значение, имеет существенное значение также для определения конкретного способа воспроизведения.

Если признаки, имеющие доказательственное значение, доступны для обычного восприятия, используется механизм простого воспроизведения; если же эти признаки могут быть выявлены лишь в особых условиях, применяется содержательное преобразование отображения.

Вместе с тем, при определении способа и техники воспроизведения исходят из физических свойств оригинала, имеющих доказательственное значение. Так, если для дела существенное значение имеет видимый текст документа, используется простая репродукционная съемка; если требуется выявить признаки механического повреждения бумаги и вдавленные штрихи подчищенного текста, применяется теневая съемка; для выявления слабовидимых штрихов выцветшего или вытравленного текста — съемка в ультрафиолетовых лучах или съемка люминесценции и т. д.

Способ, механизм воспроизведения должны отправляться от механизма образования отображения, физической природы сигнала, несущего доказательственную информацию. Способ воспроизведения, пригодный для одной категории признаков, оказывается совершенно неприменимым к другой. Так, способ теневой съемки, хорошо выявляющий вдавленный текст, совершенно непригоден для выявления слабо заметных штрихов на шероховатых поверхностях. В этом случае вместо усиления сигналов, несущих доказательственную информацию, такой способ приведет к усилению действия помех. Для получения необходимого эффекта в этом случае применяется способ бестеневой контрастирующей съемки.

Решение вопроса об относимости источников и определения круга их свойств, имеющих доказательственное значение, встречает определенные трудности. Трудности эти обусловлены тем, что на первоначальных этапах расследования обстоятельства, а иногда и сама сущность расследуемого события, еще недостаточно выяснены и потому причинная связь с этим событием отдельных источников может быть установлена лишь в предположительной форме. В случае достоверного отсутствия такой связи, обнаруженный источник не может быть признан в качестве исходной информации, доли установлено, что отображение к расследуемому событию не относится, то не имеет смысла вести поиск слеодообразующего объекта.

Исходя из конкретной следственной ситуации, далеко не всегда удастся установить характер связи обнаруженного отображения с событием. Тем не менее сама задача должна быть поставлена. Существенное

значение, поэтому приобретает построение версий о связи отображений с расследуемым событием. Методическая особенность построения и проверки версий в данном случае состоит в том, что механизм образования исследуемого отображения должен быть изучен в связи с механизмом расследуемого события.

Эта задача решается исследованием механизма следообразования. Как метод, такое исследование предполагает:

- 1) оценку места и связей данного отображения в общей следовой картине;
- 2) определение параметров следообразования;
- 3) классификацию идентификационного поля следообразующего (искомого) объекта;
- 4) оценку места и времени образования следа.

На этой основе определяется и относимость отображения, и круг тех его свойств, которые несут доказательственную информацию. Так, например, при определении, какие из многочисленных следов, имеющих на взломанном хранилище, имеют отношение к делу и должны быть зафиксированы, а какие нет, в первую очередь, должен быть установлен способ взлома этого хранилища. Допуская, положим, что преступник вскрыл дверь путем ее отжима, мы ставим в связь с этим способом взлома свежие следы давления ломика на обвязке и косяке двери в месте нахождения замка и следы упора руки на стене, соответствующие положению тела преступника при отжиме. С другой стороны, мы исключим как не относящиеся к делу следы прежнего ремонта двери, следы смены замков, применение похожих ключей владельцами и т. д. и т. п.

Соответственно, физической природе выявленных следов будет избран и способ их фиксации: изготовление слепков со вдавленных следов и изготовление следовых копий с поверхностных следов.

При исследовании документа принимается во внимание обстоятельства его использования преступником. Так, в случае его предъявления в качестве удостоверения личности исследуется круг реквизитов, которые могли быть подвергнуты подделке, например обозначения фамилии, имени и отчества, а также возможный способ подделки (например, подчистка). На основе этого определяются физические свойства документа, подлежащие выявлению, и способ их воспроизведения, например теневая съемка документа для выявления механического повреждения бумаги.

Выбор источника, подлежащего воспроизведению, и определение самого способа воспроизведения основываются, таким образом, на известных логических предпосылках. Такими предпосылками являются версии о связи механизма образования отображения с механизмом расследуемого события. Технические приемы воспроизведения, следовательно, определяются кругом и характером подлежащих выявлению фактических данных, предметом и процессуальными задачами расследования.

Резюмируем сказанное относительно процессуально-технических принципов получения опосредствованных источников информации.

1. Искусственно получаемые в процессе расследования опосредствованные источники информации должны соответствовать определенным процессуально-техническим требованиям (принципам).

2. Поскольку выбор источника и способа его воспроизведения исходит как из анализа относимости фактических данных, так и из физической природы сигнала информации, используемые для получения отображения приемы имеют смешанную юридическую и техническую природу.

3. В зависимости от задач, которые решаются при получении опосредствованных источников информации, следует различать:

а) простое воспроизведение (фиксацию ранее обнаруженных фактических данных);

б) содержательное преобразование (воспроизведение, связанное с получением новых фактических данных).

4. В качестве общих принципов получения опосредствованных источников должны быть названы принципы относимости, информативности и адекватности отображения.

5. Нарушение принципа адекватности (изоморфизма) отображения делает невозможным использование содержащихся в отображении фактических данных в качестве доказательственной информации.

6. Принцип простого воспроизведения (фиксации фактических данных) состоит в получении отображения, максимально полно и точно передающего воспринимаемые при обычных условиях доказательственные признаки оригинала. Принцип простого воспроизведения предполагает сведение к минимуму преобразующего действия механизма воспроизведения.

7. Принцип содержательного преобразования сводится к максимальному использованию механизмов преобразования с целью обнаружения дополнительных фактических данных.

8. Значение рассмотренных принципов состоит в том, что они, с одной стороны, представляют гарантию объективности, используемых в процессе фактологического анализа по раскрытию и расследованию преступления фактических данных, а с другой — являются методической основой технических приемов получения опосредствованных источников информации.

2.7. Технологии декодирования сигнальной информации

Изложенные выше принципы получения отображений относятся к той группе отображений, которая возникает в ходе процесса расследования, создается искусственно с целью воспроизведения существенной для расследования информации. Проблема метода исследования имеет

более общий характер и относится к любому отображению, независимо от условий его получения.

Выбор методов исследования источников информации, т. е. определение круга тактических и технических приемов и средств, с помощью которых могут быть обнаружены источники, выявлена, зафиксирована, объяснена, систематизирована, содержащаяся в источнике информация, относится к наиболее ответственным моментам процесса фактологического анализа.

Решающее значение на выбор методов и технологий исследования оказывает форма отражения доказательственной информации.

Доказательственная информация, выраженная в свойствах и признаках, материальных объектов, воспринимается и исследуется методами непосредственного наблюдения, измерения, путем производства опытов, инструментальными методами, короче говоря, любыми методами исследования природной причинной связи явлений. Эти методы реализуются при следственном осмотре, обыске, освидетельствовании, эксперименте, получении образцов для сравнения, назначения и проведении экспертизы.

Доказательственная информация, выраженная в форме устных и письменных сообщений, исследуется методами вербально-семантического анализа речевых сообщений.

Эти методы реализуются при допросах, очной ставке, исследовании письменных документов. Наряду с указанными, можно говорить о существовании методов, основанных на исследовании смешанных форм отражения информации. К их числу относятся предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Информационный эффект указанных методов обусловлен возможностью сопоставления и комплексного использования информации, полученной из различных по физической природе источников материальных и знаковых отображений.

Поскольку расследуемое событие отражается в различных элементах обстановки, сознании различных лиц и документах, его обстоятельства могут быть изучены по различным источникам, а информация, полученная при их исследовании, может быть сопоставлена, уточнена, подвергнута взаимной проверке, оценке, суммированию. Очевидно, что такой способ исследования значительно повышает его надежность и информационные возможности. Проблема получения информации есть проблема обеспечения условий объективного отражения информации в опосредствованных источниках. Проблема исследования — это проблема извлечения информации, содержащейся в уже имеющихся в распоряжении следователя и судьи источниках информации, и оценки ее объективности. Извлечение содержащейся в отображении информации и оценка ее объективности представляют необходимые условия ее использования в качестве фактических данных.

Оценка объективности отображений связана с известными методологическими трудностями. В первую очередь следует рассмотреть само понятие объективности отображения, признаков и критериев, которыми следует руководствоваться при определении этого понятия.

Является ли, например, объективным фотографический снимок помещения, выполненный с применением короткофокусного объектива с близкого расстояния и содержащий очевидные перспективные искажения сфотографированных предметов? Является ли адекватным снимок документа в ультрафиолетовых лучах, показывающий признаки, невидимые при обычном рассмотрении, и представляющий как бы негативное изображение оригинала? Является ли объективной полученная механическим или оптическим путем кривая профиля объекта, растягивающая рельеф по вертикали или горизонтали?

Если за единственный критерий объективности и адекватности отображения принять представления, полученные в результате нормального восприятия объекта органами чувств человека, то на поставленные вопросы надо везде дать отрицательные ответы. Полученные отображения во всех рассмотренных случаях резко отличаются от результатов обычного восприятия объекта. В этих случаях принято говорить о перспективных, цветовых, яркостных и иных искажениях, деформациях и т. д.

Вместе с тем, такого рода отображения являются адекватными, если при их получении соблюден принцип взаимно-однозначного соответствия отображения и оригинала.

Главным критерием объективности, учитывая субъективность и ограниченные возможности нормального восприятия, является не соответствие отображения обычным представлениям или нормальному восприятию, а соответствие отображения действительности, соблюдение принципа взаимной однозначности преобразования (принципа изоморфизма).

Если отображение соответствует действительности, а оно всегда будет соответствовать действительности при соблюдении принципа изоморфизма, то его следует признать адекватным, объективным отображением источника информации.

Если принцип взаимной однозначности преобразования нарушен, отображение неадекватно соответствует действительности, то оно не является объективным и не может поэтому служить источником достоверной информации. Следует отметить, что при этом отображение может соответствовать нашим обычным восприятиям и представлениям, быть очень похожим на оригинал. (Показательными примерами из следственной практики могут служить случаи фальсификации оттисков печатей и штампов, типографских изделий и денежных знаков с использованием компьютерных электронно-цифровых методов.)

Вместе с тем, критерий обычного человеческого восприятия не может быть исключен. Все наши представления о механизме преобразования отображений отправляются от обычного восприятия объекта.

Отсутствие обычных представлений об объекте делает невозможным понимание самого механизма преобразования. Так, снимок документа в ультрафиолетовых лучах при отсутствии обычного снимка и данных об условиях исследовательской съемки не раскрывает механизма преобразования и потому не дает правильного представления об истинных свойствах исследуемого документа. В силу соответствия, адекватности наших обычных восприятий действительности, они служат первоначальным масштабом оценки отображения (что не исключает в дальнейшем применения других масштабов). Сопоставление отображения с данными обычного восприятия облегчает понимание самого механизма отображения, а следовательно, и его соответствия действительности.

Таким образом, при оценке объективности отображения мы не можем опираться только на критерий его соответствия или несоответствия нашим обычным представлениям об отображаемом объекте. Оценка объективности отображения должна, исходить из более общего критерия взаимно-однозначного соответствия всех элементов действительности (изоморфизма отображения) и опираться на исследование механизма образования отображения. В свою очередь, данные обычного восприятия объекта являются исходными для правильного понимания механизма образования отображения.

Приведенные соображения являются принципиальными как для понимания сущности исследования отображений, так и для разработки методики исследования.

Исследование отображения должно быть произведено, в первую очередь, с точки зрения его подобия оригиналу. Подобными являются объекты тождественные друг другу в одной части своих элементов и различающиеся в другой. Отображение (опосредствованный источник информации) относительно отображаемого объекта является подобным объектом, так как, с одной стороны, содержит те же элементы, что и оригинал, а с другой — отличается от оригинала.

Рассматриваемые с точки зрения их соответствия оригиналу все элементы отображения могут быть разбиты на три группы:

- 1) инварианты — элементы отображения, тождественные оригиналу;
- 2) помехи — элементы отображения, не содержащие информации об оригинале;
- 3) варианты — элементы отображения, преобразовано отражающие свойства оригинала.

Соотношением инвариантов, вариантов и помех характеризуется уровень подобия отображения оригиналу и во многом возможности его использования.

Фотографическая копия документа, например, может иметь высокий уровень подобия оригиналу и быть тождественной ему по размеру, форме, содержанию, наличию, расположению реквизитов и другим свойствам. В связи с этим такая копия может во многих случаях

успешно заменять оригинал, представляя его содержание (например, в качестве нотариально удостоверенной фотокопии) и представляя существенные элементы формы (например, в случаях исследования почерка по фотоснимкам рукописей). Исследование инвариантов отображения равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала. Сказанным определяется методическое значение выделения и использования инвариантов отображения.

Вместе с тем, отображение никогда не может быть полностью тождественно оригиналу. Наряду с тождественными оно всегда содержит и различающие элементы — помехи и варианты, преобразование отражающие свойства оригинала.

К помехам относятся собственные свойства отображения, не содержащие информации об оригинале. Таковы, например, особенности фотоизображения, возникшие вследствие дефектов фотоэмульсий, и особенности рельефа слепка, возникшие в результате попадания в след посторонних предметов, повреждения следовой копии в результате неплотного прилегания пленки к поверхности предмета, внутренние шумы при магнитофонной записи, всякого рода субъективные наслоения в показаниях свидетелей и т. д.

Определив происхождение данной группы признаков, их исключают из дальнейшего исследования, преследующего цель установления свойств оригинала.

Выделение помех из числа других признаков отображения и их исключение из дальнейшего исследования имеет существенное методическое значение.

Практика показывает, что помехи иногда смешиваются со свойствами оригинала, и это приводит к ошибкам. Так, при следственном осмотре дефекты слепка, возникшие в процессе его изготовления, могут быть приняты за особенности рельефа оригинала; при допросе свидетелей их субъективные переживания и впечатления не всегда отграничиваются от объективных фактов, являющихся предметом показаний свидетелей и т. п.

Выделение и исключение помех представляет, поэтому важное условие успешного исследования любого отображения.

Преобладание помех снижает уровень подобия отображения оригиналу и может сделать невозможным его использование в качестве опосредствованного источника доказательственной информации. Так, например, портретный любительский фотоснимок, изготовленный с нарушением правил освещения, экспонирования и обработки, может сделать сфотографированного неузнаваемым, а сам снимок непригодным для целей идентификации личности.

Аналогично следует оценить и нечеткие, лишенные определенности и конкретности образы и представления свидетелей, если они не отображают свойств предметов и явлений, связанных с расследуемым событием, а выражают лишь субъективные переживания свидетеля и его отношение к этому событию.

Наибольшую сложность представляют исследование и оценка тех элементов отображения, которые передают свойства оригинала в преобразованном виде (вариантов). В отличие от инвариантов, варианты передают информацию об оригинале в преобразованном виде, в форме «естественного кода».

С позиций теории информации варианты являются результатом совокупного действия сигнала и помехи, результатом наложения помехи на сигнал, несущий информацию об оригинале. Поэтому выделение содержащейся в вариантах информации требует их специального исследования, дешифровки. Методом такого исследования может быть лишь анализ «естественного кода», изучение механизма образования отображения.

С целью облегчения такого анализа может быть произведена классификация вариантов отображения. В зависимости от их отношения к соответствующим свойствам оригинала и обычному восприятию этих свойств следует выделить следующие две группы вариантов:

- 1) признаки, отображающие свойства оригинала в преобразованном, относительно обычного восприятия, виде;
- 2) признаки, отображающие свойства оригинала, недоступные для обычного восприятия.

Признаки, отображающие свойства оригинала в преобразованном виде относительно обычного восприятия объекта

В зависимости от вида преобразования признаки данной группы разделяются на две подгруппы:

а) признаки симметричного преобразования. В этом случае признак отображения, относительно соответствующего признака оригинала, как бы повернут на 180 градусов и имеет обратную выраженность. Таковы, например, признаки зеркальности отображения и негативности фотоизображения, противоположный рельеф слепка, выраженность изображения в дополнительных цветах;

б) признаки асимметричного преобразования. В этом случае признак отображения, относительно соответствующего признака оригинала, изменяет степень или характер выраженности, не меняя своего направления. Таковы, например, изменения степени яркости, контрастности, разрежения деталей, масштаба отображения, выраженности перспективы в фотографическом изображении, изменения конфигурации объекта в результате его пластической деформации при образовании следа, изменения силы и тембра звука при воспроизведении звукозаписи и т. д.

Асимметричные преобразования нередко относят к искажениям отображения, признавая за ними лишь отрицательную роль. Действительно, несоответствие отображения обычному восприятию объекта затрудняет установление его свойств. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что асимметричные преобразования признаков объекта не означают невозможности объективного установления его свойств.

Например, так называемые перспективные искажения, возникающие при съемке объективом с необычным фокусным расстоянием (телеобъектив, широкоугольный объектив), являются искажениями лишь относительно обычного зрительного восприятия перспективы. Изображение в этих случаях строится в полном соответствии с объективными законами перспективы и при учете этих законов может быть пригодно для установления размеров, расстояний, взаимного расположения предметов¹. По существу, в этих случаях правильнее говорить не об искажениях, а о различии механизма образования фотографического и зрительного изображения. Сказанное относится и к другим формам асимметричных преобразований.

При исследовании отображения необходимо установить характер преобразования, его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение соответствующих свойств. Так, в статическом объемном следе устанавливается негативное отображение рельефа и связанная с ним зеркальность отображения. Влияние этих форм симметричных преобразований на отображение рельефа состоит в том, что поверхность следа оказывается конформной поверхности объекта. В динамическом объемном следе дополнительно сказывается влияние одной из форм асимметричного преобразования. Оно состоит в том, что каждая точка объекта отображается в следе в виде линии. Влияние этой формы преобразования на отображение рельефа выражается в том, что профиль сечения следа соответствует профилю того же сечения объекта.

При пользовании рядом оптических приборов, например, объективом микроскопа, объективом фотоаппарата, следует учитывать, что они дают зеркальное (перевернутое) изображение объекта, обычно измененное по масштабу, т. е. содержат формы симметричного и асимметричного преобразования. В свою очередь, изменение масштаба изображения всегда влечет изменение разрешающей способности прибора, поля его зрения и глубины резкости.

При использовании в качестве источников электронных документов следует учитывать возможности широкого спектра преобразований оригинала документа.

Обычные графические редакторы позволяют легко и в больших пределах изменять масштаб изображения, тип и размер шрифта, полностью трансформировать элементы оформления документа: поля, межстрочные интервалы, абзацные отступы и др.

Сканирование текстов, перевод и автоматическое редактирование существенно изменяют лексический состав документа.

¹ Так, если известно фокусное расстояние объектива и изображение содержит предмет, могущий служить масштабом, по такому снимку могут быть определены соответствующие расстояния и размеры (Зюскин Н. М. Определение размеров предметов по случайному фотоснимку // Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы. М. : ЦКЛ ВИЮН, 1958. С. 151—162).

Фотографические снимки, выполненные методом цифровой фотографии, а также схемы и рисунки, полученные посредством электронного сканирования, могут быть подвергнуты любым преобразованиям. С этой целью могут использоваться многочисленные программы электронного преобразования изображения по форме, положению, размеру, соотношению частей, цвету и т. д. Башмак может быть легко превращен в утку, а клякса — в огненный смерч.

В связи с этим установление изоморфизма отображений в этих случаях представляет значительные трудности и требует применения специальных знаний¹.

Признаки, отображающие свойства объекта, недоступные для обычного восприятия. В этих случаях признак отображения источника информации также объективно воспроизводит определенное свойство объекта, но это свойство не может быть воспринято органами чувств человека в обычных условиях. Таковы, например, отображения, полученные в результате фотографической съемки с изменением яркостного или цветового контраста, съемки в невидимых лучах и излучениях радиоактивных изотопов, съемки люминесценции, изображения на экране электронно-оптических преобразователей и т. д.

Происходящее при этом преобразование признаков является особой формой асимметричного преобразования, дающей наряду с искажениями дополнительную информацию об объекте исследования.

Основная задача оценки признаков, воспроизводящих недоступные при обычном восприятии свойства объекта, состоит в том, чтобы определить, что эти признаки отображают действительные свойства объекта, а не какие-либо элементы механизма отображения свойств.

Так, например, при рассмотрении рентгенограмм важно определить, что наблюдаемое на снимках затемнение действительно является результатом меньшей плотности просвечиваемого объекта, а не случайного засвечивания пленки или других посторонних причин.

Подведем некоторые итоги сказанному.

1. Задачи исследования отображения источника информации состоят в выделении содержащейся в нем информации об оригинале и оценке ее объективности, адекватности оригиналу.

2. Общим методом исследования отображения является его анализ с точки зрения механизма образования и подобия оригиналу.

3. Для разрешения указанных задач и выбора соответствующих технологий существенное значение имеет классификация признаков отображения и определение направления исследования их отдельных групп.

¹ Кочетков А. Т., Серов В. Н., Поставкин В. И. [и др.] Криминалистическое исследование видеосигнала по выявлению идентификационных признаков видеоаппаратуры и видеоносителей. М. : ЭКУ МВД РФ, 1998; Они же. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей. Метод. пособ. для экспертов / под ред. А. Ш. Каганова. М. : РЦСЭ при Минюсте России, 2003.

4. Деление признаков отображения на инварианты, помехи и варианты позволяет определить возможности использования отображения, а также направления исследования указанных трех групп признаков.

5. Определение и выделение «чистых помех» составляет обязательное условие эффективного исследования отображения с целью выявления содержащейся в нем информации об оригинале.

6. Исследование инвариантов равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала.

7. Основным материалом исследования является группа признаков, отображающая как свойства оригинала, так и механизм его образования (т. е. полученная в результате наложения помехи на сигнал информации).

8. Задача исследования вариантов состоит в том, чтобы определить характер преобразования (симметричное, асимметричное), его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение свойств¹.

2.8. Проблемы общей методики

Рассмотрев общие задачи и методологию исследования опосредствованных источников информации, следует обратиться к его методике в условиях фактологического анализа по обоснованию правовых решений.

Методика и техника исследования отдельных видов отображений получила детальную разработку в специализированных разделах криминалистики, судебной медицины, судебной психологии и других отраслях науки и техники. Получению и использованию отдельных видов отображений посвящены целые отрасли и разделы соответствующих наук. Достаточно сослаться, например, на судебную фотографию, дактилоскопию и психологию свидетельских показаний. По каждой из этих отраслей имеется обширная специальная литература, а в плане научно-практического применения каждая из них представляет самостоятельную специальность.

Наряду с дальнейшей углубленной разработкой техники исследования отдельных видов отображений в специализированных отраслях знания назрела очевидная необходимость рассмотрения общей методики исследования опосредствованных источников.

Необходимость разработки общей методики исследования отображений источников информации определяется, по крайней мере, обстоятельствами, описанными ниже.

1. Общая закономерность развития науки состоит в том, что процессу специализации, накопления фактов должен соответствовать процесс их обобщения, генерализации, выявляющий общие тенденции

¹ Т. е., пользуясь терминологией теории информации, определить способ кодирования информации в отображении.

исследуемых явлений и намечающий новые пути их исследования. И хотя отдельные исторические периоды развития науки характеризуются относительным преобладанием одного из этих процессов, в целом нормальное развитие науки осуществляется при гармоничном сочетании, уравнивании этих процессов.

Применительно к обоснованию правовых решений процессу специализации средств и методов исследования в отдельных отраслях криминалистики, судебной химии, медицины, судебной психологии и других, должен соответствовать процесс их обобщения, прослеживающий общие черты этих методов, тенденции и закономерность их развития, а также соответствие принципам процессуального права.

2. Методы обнаружения, фиксации и исследования отображений не могут рассматриваться как чисто технические приемы. Конечной целью этих методов является получение фактических данных, используемых для принятия правовых решений.

В связи с этим рассмотрение технических аспектов должно органически сочетаться с рассмотрением юридической сущности используемых в процессе расследования средств и методов. Всякий технический прием обнаружения и исследования отображений в процессе расследования должен быть проанализирован и как прием доказывания. Техническое исследование любого отображения с целью получения фактических данных должно рассматриваться в то же время и как исследование опосредствованного источника информации.

Широкое вторжение в процессы отправления правосудия идей методов и инструментов естественных наук и технологий, общая информатизация и технологизация судебного процесса, наряду с его оптимизацией, связана с рядом издержек и появлением новых проблем. Ряд фундаментальных понятий имеют неоднозначную трактовку, понимание и применение в юриспруденции и технике. Поэтому прямой перенос их, положим, из области информационных технологий в правосудие чреват нежелательными методологическими и методическими последствиями. Между тем, ошибки такого рода уже имеют место как в области научно-практической, так и в области законотворческой. В качестве примеров достаточно привести понятия истины, объективности, надежности, идентификации, документа, подписи и ряда других.

Нормативно-техническое регулирование этих инструментов в сфере практического доказывания может быть обеспечено только посредством создания общего языка и методики исследования.

Существенно облегчают задачи обобщения и «юридизации» методики исследования отображений идеи и методы теории информации, позволяющие рассматривать любое отображение, фигурирующее в рамках процесса расследования, как источник доказательственной информации.

3. Обширный фактический материал, накопленный в специализированных отраслях, рассматривающих технику исследования отдельных видов отображений, может быть всесторонне освоен и квалифициро-

ванно применен на практике следователем, судом и любым другим участником правоприменительной деятельности. Эта задача решается путем использования в процессе расследования специалистов и экспертов, обладающих необходимыми специальными познаниями в соответствующей отрасли знания.

В то же время участники правоприменения, повседневно использующие отображения в качестве источников информации, сами должны владеть определенной методикой их исследования.

Такая методика должна представлять обобщение, синтез частных методик, рассматриваемых в специализированных отраслях знания, и обеспечивать решение задач исследования любого отображения. Будучи обобщением технических данных, такая методика должна быть вместе с тем юридической специализацией, приспособленной к условиям правоприменительной практики.

В связи с разработкой такой методики должны быть поставлены и рассмотрены теоретические и процессуально-технические проблемы работы с отображениями источников информации, которые не рассматриваются совершенно или остаются в тени при узкоспециальном и чисто техническом решении проблемы использования отображений. К их числу относятся в первую очередь проблемы фиксации, процессуального оформления и «дешифровки» отображений.

Создание рассматриваемой методики связано с неизбежными трудностями, в первую очередь вызванными тем, что она должна охватывать такие качественно разнородные объекты, как вещественные и психические отображения, специальное исследование которых относится к различным отраслям знания и специальностям. Однако преодоление этих трудностей необходимо и возможно. Необходимо потому, что всякое отображение — это, в первую очередь, источник фактических данных о расследуемом событии. Для него важны, главным образом, общие методы исследования источников информации. Возможно потому, что к этому имеется необходимая методологическая и научно-техническая база в виде теории отражения, теории информации и теории судебных доказательств.

Детальная разработка и оформление такой методики потребуют определенного времени и усилий представителей различных специальностей.

В судебно-следственной и экспертной практике используются следующие взаимосвязанные и дополняющие друг друга методы исследования отображений:

- 1) метод восстановления;
- 2) метод контрольных средств;
- 3) метод сравнения.

Метод восстановления основан на том, что процесс установления свойств оригинала является обратным относительно процесса преобразования оригинала в отображении. В первом случае процесс идет

от признака отображения к свойству оригинала. Во втором — от свойства оригинала к признаку отображения.

Сущность метода заключается в том, что вначале устанавливается механизм преобразования (характер, направление и степень преобразований). Затем на этой основе осуществляются обратные преобразования или вносятся соответствующие коррективы в признаки отображения.

Установление механизма преобразования признаков представляет сложную задачу. Обычными средствами ее разрешения являются:

- 1) изучение отображения;
- 2) изучение данных об условиях образования отображения;
- 3) эксперимент¹.

Путем исследования отображения в первую очередь устанавливаются данные об общем способе отображения (описание, фотографирование, моделирование, копирование и др.) и его соответствии задачам воспроизведения. Так, копирование пригодно лишь для воспроизведения поверхностных, а моделирование объемных следов, описание — относительно худший способ фиксации признаков внешнего строения, но он незаменим в фиксации данных осязательных и обонятельных восприятий и т. д. Исследование механизма отображения должно осуществляться не абстрактно, а с точки зрения воспроизведения именно тех свойств оригинала, которые представляют существенные для дела фактические данные.

Путем исследования отображений должны быть установлены условия их образования, влияющие на отображение существенных для дела свойств.

Так, исследованием портретного фотоснимка устанавливаются данные о положении и позе снимаемого, направлении и характере освещения, величине экспозиции, а также их влияние на отображение признаков внешности. Путем осмотра фотоснимка может быть установлена, например, слабая проработка деталей на теневой стороне оригинала, являющаяся следствием недостаточной экспозиции. При научно-техническом исследовании отображений целесообразно привлечение данных тех специальных отраслей знания, которые исследуют закономерности образования и преобразования данного типа отображений. В их числе, помимо отраслей криминалистики, могут быть названы судебная психология, теория подобия, проективная геометрия, теория конформных отображений, физика твердого тела, сенситометрия и ряд других.

Условия образования отображения могут быть изучены и по другим материалам. Так, если отображение возникает в ходе судебного

¹ Белкин Р. С. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе. М. : Высшая школа МВД СССР, 1961. С. 71—76; Он же. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М. : Юрид. изд., 1964. С. 159—211; Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М. : Госюриздат, 1957. С. 47—55.

процесса, условия образования отображений должны быть изучены по протоколам следственных действий и иным материалам дела.

Особенно важно таким путем выяснить те элементы механизма преобразования, которые затруднительно или невозможно установить путем непосредственного изучения отображения. К числу их относятся:

1) данные о свойствах отображаемого и отображающего объектов (например, характеристика объекта съемки, а также негативного фотоматериала; свойства слепочной массы и свойства материала следа);

2) условия образования отображения, приводящие к его преобразованию относительно обычного восприятия оригинала (например, применение светофильтра при цветоделительной съемке, применение удлинительных колец, сменной оптики и т. п.).

Из сказанного следует, что в протоколе следственного или судебного действия обязательной фиксации подлежат те условия образования отображения, которые влекут преобразования отображения. Должны фиксироваться также те условия образования отображения, которые влияют на качество отображения, но не могут быть установлены путем простого осмотра полученного отображения.

Указанное важное требование, предъявляемое к протокольной записи, следует рассматривать как существенный элемент процессуальной формы отображений, полученных в ходе процесса расследования, гарантирующий правильность их использования в качестве опосредствованных источников информации.

На основе установленных данных о механизме преобразования (характер, направление, степень преобразования) осуществляются обратные преобразования и корректировка признаков.

Симметричные преобразования подвергаются полной обратной трансформации, которая осуществляется при исследовании вещественных отображений, как правило, механическим, оптико-механическим, фотомеханическим или иным подобным путем, разработан и практически используется ряд соответствующих методов. К ним относятся: метод устранения зеркальности изображения в процессе съемки, осмотре или проекционной фотографической печати; метод отражения рельефа путем применения пластических масс; метод «оптических слепков»; метод устранения негативности изображения и ряд других.

Следует отметить, что метод полной обратной трансформации как метод восстановления применим лишь к симметричным преобразованиям. Так, путем снятия посмертной маски можно получить копию лица умершего (симметричные преобразования). При изготовлении же обычных или оптических слепков с объемного динамического следа мы получим копию следа, а не копию оставившего его объекта.

При наличии асимметричных преобразований рассматриваемый метод не обеспечивает восстановления признаков оригинала (эту необходимую оговорку всегда следует иметь в виду, говоря о применении метода обычных и оптических слепков).

Применение метода восстановления осложняется в случаях исследования асимметричных отображений. С целью восстановления отображения здесь могут использоваться следующие вспомогательные методы:

- 1) метод частичной обратной механической трансформации;
- 2) расчетный метод;
- 3) оценочный метод.

Метод частичной обратной механической трансформации осуществляется с помощью разного рода корректирующих средств и устройств. В качестве таких средств в юридической практике могут быть использованы проекционные аппараты, корректирующие светофильтры, стереоскопические устройства, кинопроекторные, стереофонические и т. п. приспособления.

Необходимый эффект восстановления будет получен лишь при соблюдении принципа соответствия степени преобразований. Это означает, что мощность корректирующего устройства и степени преобразования отображения должны быть согласованы между собой. Так, степень увеличения при проекционной печати должна соответствовать степени уменьшения при съемке, скорость воспроизведения записи должна соответствовать скорости работы киноаппарата, звуко-, кино- или видеозаписи и т. п.

Несоблюдение указанного принципа не позволяет достигнуть эффекта восстановления¹.

Расчетный метод восстановления применяется в тех случаях, когда доказательственное значение имеет абсолютная выраженность свойств оригинала, например, абсолютные размеры и расстояния между предметами, изображенными на фотоснимках или планах места происшествия. Метод основан на использовании строгой зависимости существующей между признаками изображения и отдельными элементами механизма отображения. Так, используя зависимость масштаба изображения и степени удаленности объекта от объектива, можно, определив фокусное расстояние объектива расчетным путем, установить размеры отдельных предметов, отображенных на снимке, и расстояние между ними².

Оценочный метод заключается в мысленном восстановлении свойств по признаку на основе данных о направлении и степени его преобразования. Оценочный метод применяется в случаях, когда доказательственное значение имеет не тождество, а подобие структур, т. е. не абсолютная, а относительная выраженность свойств и когда признак отображения подобен свойству оригинала, а последнее легко восстанавливается по признаку. Так, ориентирующий снимок места происшествия не требует увеличения до натуральной величины, а также вычис-

¹ Но может быть использовано как средство выявления недоступных для обычного восприятия свойств (например, метод скоростной киносъемки).

² Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. С. 105—118.

ления размеров отдельных предметов, так как в данном случае значение имеют относительные размеры места происшествия, его расположение на местности относительно различных видимых ориентиров. Изображение в этом случае соответствует объективной картине, а искажения, вносимые, положим, короткофокусным объективом (например, искажение перспективы) легко могут быть исправлены путем оценки изображения в ходе его осмотра.

Рассматриваемым методом широко пользуются для оценки цвета и яркости предметов по черно-белым и цветным фотоснимкам, для оценки формы предметов по плоскостным изображениям, для оценки высоты и тембра голоса по фонограммам и т. д.

Условием применения оценочного метода является четкое представление о доказательном значении структурных характеристик оригинала, характере и степени преобразования отображения. Если у следователя, эксперта нет данных о характере и степени преобразований, применение метода может оказаться невозможным. Так, если в протоколах осмотра или актах экспертизы отсутствуют данные об условиях съемки, а на самих фотоснимках отсутствуют привычные для обычного восприятия предметы или специально используемые масштабы для определения характера и степени преобразования, фотоснимки могут оказаться не поддающимися дешифровке, «нечитаемыми». Таковы, например, крупномасштабные снимки неровностей грунта, многие микроснимки, аэроснимки и т. п.

Это обстоятельство еще раз подтверждает мысль о том, что фиксация данных о подобного рода преобразованиях является существенным элементом процессуальной формы опосредствованных источников информации¹.

Важны также и технические приемы, обеспечивающие возможность применения оценочного метода. Для получения четкого представления о характере и степени преобразования в практике часто пользуются сопоставлением отображения, полученного в необычных условиях (большая степень увеличения, необычный ракурс съемки, низкий уровень расположения камеры, особый спектральный состав и т. п.) с отображением, полученным в условиях, соответствующих обычным условиям восприятия.

¹ Отсутствие таких данных в сообщениях, защищенных посредством электронной подписи делает проблематичной возможность использования их в качестве источников судебных доказательств. Источник, преобразования информации в котором не могут быть проверены в судебном заседании, не может быть признан допустимым. Поскольку правила кодирования и декодирования информации в таких сообщениях установлены закрытыми ГОСТами, а сама информация представлена в нечитаемой форме, сами эти сообщения представляют для суда своеобразный черный ящик, недоступный для проверки. Следует согласиться с авторами, ставящими возможность использования таких сообщений в качестве источников судебных доказательств в зависимости от разработки специальной процессуальной формы, обеспечивающей возможность их процессуального исследования и оценки (Ткачев А. В. Проблемы реквизитов машинных документов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 2. С. 65, 66).

С этой целью в случаях использования отображений, признаки которых не соответствуют обычному зрительному восприятию, для сравнения прилагаются отображения, полученные в условиях, соответствующих условиям обычного восприятия. Так, в случаях микросъемки части объекта дается его изображение и в натуральную величину с указанием участка, подвергнутого микрофотографированию. В случае съемки в невидимых лучах прилагаются снимки того же объекта, выполненные при обычном освещении и т. д. и т. п.

Поскольку сравнение преобразованного отображения с обычным отображением является методом оценки выявленных фактических данных, в этих случаях могут использоваться специальные технические приемы сравнительного исследования: способы сопоставления, совмещения и наложения отображений. Особенно целесообразны эти приемы в тех случаях, когда само значение выявленных признаков отображения зависит от их формы, положения и относительного размещения на оригинале. Так, например, восстановление удаленного подчисткой обозначения (буквы, цифры или слова) по следам подчистки и остаткам удаленного текста значительно облегчается в том случае, когда выявленные следы и штрихи могут быть наглядно сопоставлены с расположением имеющегося на документе видимого текста. С этой целью могут быть использованы специальные технические приемы.

Так, например, производится наложение выявленных с помощью бета-радиографии признаков подчистки на обычное фотографическое изображение документа¹. Для большей наглядности сравниваемые изображения рекомендуется предварительно окрашивать в дополнительные цвета. Полученное составное изображение, показывающее одновременно и видимый текст документа, и следы удаленного текста, является наиболее удобным для дешифровки выделенных признаков и восстановления первоначального текста (в частности, методом интерполяции).

При отсутствии данных об условиях преобразования отображений в протоколах следственных действий или актах экспертиз, а также при отсутствии соответствующих контрольных отображений применение оценочного метода оказывается невозможным, также как использование в дальнейшем расследовании отображений источников информации в качестве доказательств.

Это обстоятельство нередко игнорируется экспертами, не указывающими в своих заключениях соответствующих данных, а также прилагающими к своему заключению нечитаемые отображения без соответствующих контрольных отображений. В результате доказательственное значение экспертизы в большей или меньшей степени утрачивается.

Метод восстановления находит широкое применение не только при исследовании вещественных, но и психических отображений — обра-

¹ Лисиченко В. К., Киричинский Б. Р. Применение бета-излучения радиоактивных изотопов при криминалистической экспертизе вещественных доказательств // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957. С. 137.

зов. Допрос и оценка показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых всегда связаны с мысленным восстановлением обстоятельств расследуемого события, т. е. использованием оценочного метода восстановления. Так, восстанавливается круг предметов и лиц, бывших на месте преступления, их взаимное расположение, содержание и последовательность действий участников события, содержание фраз, сказанных при совершении преступления и т. д. Наиболее полное мысленное восстановление всех существенных для дела обстоятельств расследуемого события, являющихся предметом допроса, представляет задачу и содержание допроса.

Мысленное восстановление при допросе нередко сочетается с демонстрацией, вещественным воспроизведением (репродукцией) отдельных элементов расследуемого события. Так, потерпевший не только рассказывает, но и показывает, в каком положении и состоянии находились предметы домашней обстановки до совершения кражи, как были расположены вещи в хранилищах, в каком состоянии находились окна, двери, запоры, осветительные приборы и т. д.; обвиняемый не только рассказывает, но и показывает, в каком положении и на каком расстоянии находился он от потерпевшего в момент нанесения ему огнестрельного ранения, каково было состояние огнестрельного оружия, его направление и т. д.

Вещественное воспроизведение позволяет максимально конкретизировать и детализировать сохранившиеся у допрашиваемого образы, что имеет в ряде случаев существенное для дела значение. С другой стороны, такое воспроизведение позволяет сопоставить содержание образов с материальной обстановкой и другими собранными по делу фактическими данными. Этот прием представляет не только наиболее действенное средство проверки и оценки показаний обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и свидетелей, но и позволяет в ряде случаев выявить новые существенные для дела фактические данные.

Вполне естественно поэтому, что наиболее эффективные формы сочетания мысленного восстановления и вещественного воспроизведения при допросе получают все большее и большее применение в доказывании и обосновании правовых решений. Наибольшее распространение и значение в этой связи имеет допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого на месте происшествия, проверка показаний ранее допрошенных лиц на месте происшествия, воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств расследуемого события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела (следственный эксперимент).

Метод контрольных средств (эталонов) основан на использовании однозначной взаимосвязи преобразования однородных объектов.

Сущность указанного принципа состоит в том, что однородные свойства оригинала, находящиеся в одинаковых условиях, преобразуются в отображении однозначно. Так, все предметы, находящиеся перед объективом фотоаппарата на одном и том же расстоянии, будут умень-

шены (или увеличены) при съемке в одинаковое число раз; предметы, имеющие одну и ту же яркость и спектральную характеристику, будут переданы на фотоснимке одинаковыми почернениями; звуковые колебания одинаковой частоты и амплитуды будут воспроизведены в фонограмме звуками одинаковой силы и высоты и т. д.

Контроль за качеством и количеством преобразований в отображении осуществляется посредством эталонов — объектов с заранее известными свойствами (размера, веса, цвета и т. д.).

В качестве эталонов могут быть использованы такие свойства отображаемого объекта, которые однородны свойствам, имеющим доказательственное значение, и могут быть легко установлены по отображениям. Эталоны могут служить как собственные свойства оригинала (случайные эталоны), так и специально вводимые в отображение свойства посторонних объектов (специальные эталоны).

Рассмотрим *метод специальных эталонов*. Особенно широкое распространение получили специальные средства контроля качества изображения при исследованиях вещественных доказательств. Принципы и способы контроля воспроизведения различаются в зависимости от задач воспроизведения и характера преобразования отображения, т. е. вида воспроизведения.

При простом воспроизведении принцип контроля состоит в установлении точного соответствия эталона и его репродукции. Отклонения укажут на пределы, характер и происхождение искажений. В качестве примера может быть приведена нейтрально-серая шкала, используемая для контроля правильности цветовоспроизведения в цветной фотографии.

Если шкала воспроизведена на снимке правильно, т. е. оттенками ахроматического серого цвета, в чем очень легко убедиться при рассмотрении фотоснимка даже лицу, никогда не видевшему воспроизводимый на снимке объект, то все цвета на снимке также переданы правильно. Если же в шкале преобладает какой-либо цветной фон (например, зеленый), это указывает на искажение цветопередачи вследствие разбалансирования светочувствительности фотографических слоев и необходимость применения соответствующих корректирующих светофильтров при печати. Из-за многообразия условий, влияющих на воспроизведение цвета, определить правильность цветовоспроизведения при отсутствии такой шкалы практически невозможно.

Для контроля оптимальной плотности фотоизображения Е. Ю. Брайчевской уже давно рекомендовано использование эталона в виде градиционного негатива с обозначенными плотностями полей¹.

Необходимость объективных средств контроля качества отображения имеется и в других случаях воспроизведения: при изготовлении слепков, копий, звукозаписи и др. Однако до настоящего времени их разработке

¹ Брайчевская Е. Ю. Рациональный метод оценки контрастов и контроль процессов судебной фотографии // Теория и практика криминалистической экспертизы. 1956. № 2. С. 175.

не уделялось должного внимания. Представляется необходимой разработка соответствующих эталонов для контроля качества воспроизведения рельефа при изготовлении слепков, плотности фотографического изображения для контроля оптимальных условий экспонирования, силы, высоты и тембра звука для контроля качества звукозаписи и т. д. Обязательными качествами таких эталонов должна быть простота, возможность использования неспециалистами и достаточная эффективность.

В случаях воспроизведений, связанных с преобразованием формы, в отображение должны вводиться для контроля элементы, указывающие на произведенные преобразования. Например, изображение на снимке обычной масштабной линейки с обозначением цифр укажет на преобразования масштаба, негативность и зеркальность изображения. Использование отображений, связанных с преобразованием формы, без такого рода контрольных средств следует признать недопустимым.

В случаях воспроизведения с целью выявления новых свойств принцип точного соответствия эталона и репродукции непригоден и действует другой критерий объективности воспроизведения, а именно установление того факта, что имеющиеся в отображении новые признаки являются отображением объективных свойств воспроизводимого объекта, а не действием каких-либо случайных причин.

В качестве средства контроля применяется эталон, дающий при определенных условиях воспроизведения совершенно определенный, заранее известный эффект отражения свойств. По воспроизведению свойств эталона судят о соответствующих свойствах исследуемого объекта.

Наиболее наглядным является использование эталонов при эмиссионном спектральном исследовании вещественных доказательств. Каждое химическое вещество имеет свой характерный специфический только для него спектр, который может быть распознан по заранее изученным аналитическим линиям. Получив тем или иным путем спектр исследуемого вещества, его сопоставляют со спектром эталона, в качестве которого берется наиболее изученный и богатый спектральными линиями спектр железа. Сопоставление аналитических линий исследуемой пробы с аналитическими линиями спектра железа позволяет с помощью специальных атласов определить их принадлежность определенному химическому элементу. Так определяется качественный состав вещества.

В основе количественного спектрального анализа лежит прямая зависимость интенсивности спектральной линии и концентрации вещества в пробе. Измерив интенсивность спектральной линии исследуемого вещества и сопоставив ее с интенсивностью спектральной линии веществ, концентрация которого заранее известна (эталона), можно с помощью специальных градуировочных графиков определить концентрацию исследуемого вещества. При исследовании концентрации примесей в сплавах свинца (например, в дроби, картечи, пулях) в качестве эталона берется линия свинца, по сравнению с которой и определяется концентрация примесей (олово, мышьяк, висмут и др.). Если в сравниваемых пробах нет элемента, количественное содержание

которого было бы одинаковым, например, при исследовании тканей, бумаги и т. п., в сравниваемые пробы специально вводится в одинаковых количествах элемент, называемый внутренним эталоном. В качестве последнего выбирается элемент, редко встречающийся в исследуемых объектах. Так, например, существует метод определения дистанции выстрела по количеству металла в копоти выстрела на мишени. С этой целью в материал пораженного выстрелом объекта вводится специальный внутренний эталон (кобальт, молибден). Если интенсивность спектральных линий этих элементов будет одинаковой при всех вариациях опыта, она может служить масштабом для определения концентрации искоемых металлов в копоти выстрела¹.

Примером использования эталонов для изучения снимков люминесценции и в отраженных лучах невидимых зон спектра могут служить описанные Д. П. Эрастовым² тест-объекты. Тест-объекты представляют маленькие цинковые пластинки с люминированной поверхностью и наклеенными на них квадратиками специально окрашенной бумаги. Пластика и квадратики обладают определенными, заранее известными оптическими свойствами (отражения, поглощения, люминесценции) и дают различные негативные изображения при съемке в различных участках спектра и различных режимах освещения. По изображению тест-объекта можно судить о правильности воспроизведения соответствующих свойств исследуемого объекта. Так, в отраженных ультрафиолетовых лучах индикатор фиксируется на негативе в виде черного прямоугольника с прозрачным квадратом на нем: пластинка хорошо отражает ультрафиолетовые лучи, а квадрат с люминофором их поглощает. При съемке видимой люминесценции изображение индикатора меняется: пластинка не люминесцирует и получается прозрачной, а квадрат с люминофором получается высокой плотности. В случае нарушения условий съемки и попадания на фотослой, помимо лучей люминесценции, еще и отраженных ультрафиолетовых лучей (что искажает картину видимой люминесценции), почернения, произойдут как в изображении пластинки, так и в изображении квадрата на ней. Изображение эталона на негативе, таким образом, сразу позволяет определить в каких условиях производилась съемка и были ли соблюдены технические условия съемки.

Для случаев контрастирующей съемки и цветоделения в видимых зонах спектра аналогичные средства контроля в виде цветной штриховой шкалы, черно-белого кольца и белого кольца предложены Е. Ю. Брайчевской, А. А. Эйسمаном и А. И. Манцвевой³.

¹ Митричев В. С. Криминалистическое исследование некоторых видов вещественных доказательств методом эмиссионного спектрального анализа: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М. : ВШЮН, 1960. С. 15.

² Эрастов Д. П. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М. : АН СССР, 1958. С. 16—17.

³ Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств / под ред. Н. М. Зюскина, Б. Р. Киричинского. М., 1962. С. 103, 184; Эйсман А. А., Николайчик В. М. Физические методы выявления невидимых текстов. М., 1961. С. 106.

С помощью описанных эталонов устанавливается не только факт искажения правильности цветовоспроизведения, но также их причины, например неправильный выбор светофильтра, неправильное определение экспозиции, а также устанавливается стадия того процесса, в которой были допущены нарушения условий съемки (экспонирование, негативный или позитивный процессы). Одновременно определяются и пути получения правильных отображений.

Из сказанного видно, что метод специальных эталонов является эффективным средством исследования отображений.

Разработка простых и высокоэффективных средств контроля качества воспроизведения для всех его форм и видов является важной задачей криминалистики и других, обслуживающих процесс расследования, отраслей знания.

Следует указать на целесообразность сочетания указанных средств контроля с удостоверительными средствами, обеспечивающими подлинность отображения. Представляется целесообразным снабжать применяемые тест-объекты подписью изготавливающего отображение лица. Будучи воспроизведены во всех степенях отображения, надписи будут служить средством индивидуализации и удостоверения отображений.

Теперь остановимся на *методе случайных эталонов*. Наряду со специальными предметами, искусственно вводимыми в отображение, в качестве эталонов могут быть в отдельных случаях использованы также собственные свойства отображаемого объекта (случайные эталоны). Использование случайных эталонов основано на том же принципе однозначной взаимозависимости преобразования и по существу не отличается от использования специальных эталонов. Так, случайно сфотографированный листок бумаги или другой белый объект может быть использован при цветной печати вместо нейтрально-серой шкалы; изображение монеты — роль масштабной линейки на фотоснимке или шкалы рельефа на слепке; движение маятника — роль индикатора времени при кинопроекции и т. п.

Метод контрольных средств широко используется и при исследовании психических отображений (образов).

В процессе допроса и оценки показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых этот метод используется в форме сопоставления показаний с объективно установленными данными.

Всякий достоверно установленный по делу факт может играть роль контрольного в процессе допроса и оценки показаний допрашиваемых¹.

С другой стороны, одной из важных задач допроса является получение данных, поддающихся последующей объективной проверке. С этой целью ставятся так называемые контрольные вопросы. Так, свидетель заявил, что он слышал звук выстрела около 12 ч ночи. На вопрос следователя, как он определил время, свидетель ответил, что выстрел

¹ Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М. : Юрид. лит., 1971. С. 132—133; Комаров В. С. Тактика допроса : учебное пособие. Харьков, 1975. С. 27—45.

им был услышан вскоре после прохождения местного поезда, отходящего с ближайшей станции в 23 ч 55 мин. Данное обстоятельство было подтверждено при ознакомлении с железнодорожным расписанием и в ходе допроса работников станции.

Для проверки показаний обвиняемого о его местонахождении и действиях выясняется, где и с кем он находился, что делал, могли ли остаться следы его действий и т. д. Так, обвиняемый на допросе показал, что револьвер, из которого он совершил убийство, был выброшен им при бегстве с места происшествия. В результате постановки контрольных вопросов выяснилось, что револьвер был выброшен обвиняемым в колодец, а бежал он с места преступлений через свежевспаханное поле. Эти обстоятельства подтвердились в ходе тщательного осмотра колодца и прилегающего к месту происшествия поля.

Роль контрольных средств при допросе могут играть и заранее известные свойства предметов. Так, допрашиваемому предлагается оценить заранее измеренное расстояние между предметами, высоту отдельных предметов, определить их форму, цвет и т. д. По ответам допрашиваемого судят о его способности оценивать свойства наблюдаемых им вещей и явлений: правильности и точности суждений, характере и пределах отклонений от истины. Полученные данные учитываются при оценке показаний допрашиваемого по существу дела.

Вариантом рассматриваемого способа является и следующий. Допрашиваемому вначале предлагают оценить то или иное свойство предмета, например, расстояние между предметами на месте допроса. Затем это расстояние измеряется. Полученные данные используются для оценки данных допрашиваемым показаний.

В числе контрольных данных, «которые хотя непосредственно и не нужны для дела, но необходимы для проверки показаний свидетеля», С. А. Голунский указывает следующие:

а) внешняя обстановка, при которой свидетель наблюдает описанные им факты;

б) наличие других свидетелей, наблюдавших те же события, о которых дает показания данный свидетель;

в) такие факты, которые вытекают из показания допрошенного свидетеля и могут быть установлены путем тех или иных следственных действий;

г) подробные данные о личности самого свидетеля.

Большое значение придается выявлению контрольных данных при допросе П. И. Тарасов-Родионов, Карнеева Л. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я., Соловьев А. Б.¹ и другие криминалисты.

Метод сравнения. В основе метода сравнения лежит изучение различных проявлений свойства оригинала. Подлежащие установлению

¹ Карнеева С. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958. С. 83—89; Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М. : Юрид. лит., 1981. С. 11—18.

свойства оригинала могут быть установлены путем исследования различных их проявлений — признаков отображения и оригинала. Это положение и лежит в основе метода сравнения. В зависимости от материалов сравнения необходимо различать:

- 1) сравнение отображения с оригиналом;
- 2) сравнение с однородным объектом;
- 3) сравнение отображения с другими отображениями того же объекта.

Сравнение признаков отображения с признаками отображенного объекта возможно лишь при наличии оригинала, т. е. самого отображенного объекта, свойства которого подлежат изучению. Указанный метод ограничен случаями исследования экспериментальных отображений. Его основное назначение — исследование условий (механизма) образования отображений. При исследовании, например, оттисков каучуковой печати может прослеживаться влияние силы нажима на отображение особенностей клише. Такое исследование предполагает непосредственное сопоставление особенностей клише с признаками оттисков, полученных при различных условиях. Более общее значение имеет исследование отображения при отсутствии оригинала.

Особенно важны случаи изучения следов и других отображений, обнаруженных на месте преступления.

В связи с этим должен представить интерес метод сравнения отображения с однородным наличным объектом. Метод основан на гомоморфизме отражения родовых (видовых и т. п.) свойств объектов.

Правильность отображения родовых свойств оригинала может быть проверена не только путем сравнения отображения с самим оригиналом, но и путем его сравнения с любым объектом того же рода. Так, если на фотоснимке имеются изображения каких-либо предметов массового стандартного производства (архитектурные детали, мебель, инструменты, бытовые приборы, машины и т. п.), качество их отображения может быть установлено как путем сравнения именно с теми предметами, которые изображены на снимке, так и с любыми другими однородными предметами.

Рассматриваемый метод позволяет определить не только правильность отображения родо-видовых свойств, но и характер и степень преобразований, обусловивших обнаруженные искажения. Таким путем при исследовании фотоснимка могут быть выявлены искажения перспективы, искажения, вызванные необычным ракурсом съемки, положением камеры, аберрациями объектива, освещением и т. п.

Показания свидетеля о признаках системы наблюдавшейся им автомашины могут быть детализированы и сопоставлены следователем с признаками любой другой автомашины той же системы (высота, форма, детали отделки, устройство радиатора, количество колес, дверей и т. п.). В случае, если свидетель затрудняется определить систему, ему могут быть предъявлены автомашины различных систем с тем, чтобы он указал ту, которая более всего соответствует виденной им на месте происшествия. Оживляя ассоциации свидетеля по сход-

ству, такие сопоставления могут привести к воспоминанию забытых свидетелем признаков и фактов. С другой стороны, в результате такого рода сопоставлений может быть установлена или достаточная четкость и детальность восприятия свидетеля, или его неспособность к определению, интересующего следователя, факта.

Данные о характере и степени преобразования, полученные путем сравнения родо-видовых свойств, могут быть использованы и для общей оценки качества отображения.

Так, если путем сравнения длины автомашины на фотоснимке с длиной наличной машины той же марки установлено искажение перспективы (например, автомашина на снимке кажется короче), то это должно быть учтено и при оценке размеров в глубину и других объектов (например, длины оставленного следа торможения машины).

Существенное практическое значение имеет то обстоятельство, что установление наличия, характера и степени преобразования осуществляется значительно легче именно путем исследования и сравнения родо-видовых признаков объектов, а не их особенностей. Объясняется это тем, что такие признаки обладают относительно лучшей выраженностью и доступностью для исследования и сравнения. Поэтому неслучайно для установления преобразований отображения обращаются, в первую очередь, к общим размерам, форме, рельефу и иным родо-видовым признакам изображенного объекта.

В целях более широкого применения метода следует рекомендовать введение в качестве элементов отображения, четко выраженных свойств объектов массового стандартного производства. Так, при фотографировании желательно иметь в кадре хорошо видимый предмет со стандартными размерами в трех измерениях, при изготовлении слепка роль такого объекта может выполнять гербовая сторона новой монета, имеющая хорошо различимый средний и мелкий рельеф, при звукозаписи — удары камертона и т. п.

Следует иметь в виду также пределы применения данного метода. Сравнение в этом случае ограничено кругом родовых признаков отображенного объекта и не может распространяться на особенности. Дефекты изготовления, степень изношенности, повреждения, возникшие в ходе эксплуатации и т. п. особенности однородного объекта не могут служить для контроля качества отображения. Поскольку сравниваемые объекты являются хотя и однородными, но различными объектами, они, естественно, различаются по своим индивидуальным признакам, особенностям.

Указанное положение является принципиальным и должно учитываться во всех случаях применения указанного метода.

Рассмотрим метод сравнения отображений с другими отображениями того же объекта.

Исследование отображения с помощью других отображений того же объекта — наиболее распространенный метод, применимый как и материальным отображениям, так и к образам.

Поскольку свойства оригинала устанавливаются по признакам отображения, возможности исследования существенно различаются в случаях, когда исследуется одно отображение или несколько отображений одного и того же объекта.

При наличии нескольких отображений одного и того же объекта, есть возможность проследить варианты, имеющие различный механизм образования, отражающие различные стороны, свойства оригинала и поэтому дающие о нем более полную, а следовательно, и более правильную информацию.

Поэтому сравнение различных отображений одного и того же объекта находит широкое применение в методе исследования и контроля при использовании любых опосредствованных источников.

Наиболее важными в практическом отношении являются случаи исследования отображений, изъятых с места преступления, а также исследования отображений, полученных экспериментальным путем с целью их последующего сравнительного исследования. Возможности метода зависят от количества имеющихся отображений и условий их образования. Наилучшие условия исследования имеются при наличии следующих категорий отображений:

- 1) оптимальных отображений;
- 2) корректирующих отображений;
- 3) дополняющих отображений.

Оптимальным при простом воспроизведении будет отображение, наиболее полно и четко воспроизводящее признаки объекта. Условия оптимального воспроизведения различаются для различных отображений. Они зависят от механизма воспроизведения и характера воспроизводимых признаков. Так, если при воспроизведении рельефа в объемном следе оптимальные условия определяются пластичностью, плотностью и зерновой структурой воспринимающего объекта, то в поверхностном следе решающую роль имеет относительная величина рельефов взаимодействующих объектов и физические свойства вещества следа.

Условия, оптимальные для воспроизведения одной категории признаков (например, при фотоснимке рельефа), могут оказаться наименее удобными для другой категории (например, при съемке слабовидимых штрихов текста). Так, например, теневое освещение, хорошо прорабатывающее штрихи вдавленного текста при фотосъемке документа, непригодно для выявления слабовидимых штрихов текста, удаленного механическим путем. В отличие от первого, рельеф поверхности документа в этом последнем случае играет роль не сигнала информации, а помех. Задача заключается в выборе оптимального варианта отображения именно для той категории признаков, которые несут полезную доказательственную информацию.

Приемы получения отображений преследуют, в первую очередь, цель создания оптимальных условий отображения. Таковы, например,

приемы изготовления слепков, методы репродукционной, стереоскопической, цветной фотографии, приемы получения фонограмм и т. д.

Рассмотренные выше процессуально-технические принципы простого воспроизведения исходят из задачи получения оптимального отображения.

Дополняющим, как показывает название, будет отображение, дополняющее информацию, содержащуюся в оптимальном отображении.

Как показывает практика, даже отображения, полученные в самых оптимальных условиях, не могут дать всестороннего представления об оригинале. Между тем, для правильного разрешения дела существенное значение имеет всестороннее отображение свойств оригинала. В этих случаях оптимальные отображения целесообразно сопоставить с отображениями, выявляющими существенные для дела дополнительные свойства оригинала. Одно оптимальное отображение в таких случаях дает одностороннее, а потому иногда и ошибочное представление об оригинале. Так, фотографический снимок, показывающий состояние автомашины после автопроисшествия, может создать неправильное представление о степени ее повреждения, если он показывает ее только с одной стороны. Более полное представление о масштабах и характере повреждений будет получено, если сопоставить такой снимок со снимком, выполненным с противоположной стороны.

Правила судебной фотографии прямо предусматривают получение взаимодополняющих отображений при фотографировании наиболее важных объектов. Так, при съемке места происшествия рекомендуется производить встречную, крестообразную и панорамную съемку; съемку при обычных условиях освещения дополнять снимками в невидимых лучах; при опознавательной съемке, наряду со снимком лица в фас, обязательно должен быть сделан снимок в профиль, а в отдельных случаях в $\frac{3}{4}$ оборота и в полный рост в обычной одежде и т. д.

Аналогичные правила действуют при получении других отображений. При получении дактилоскопических оттоков, наряду с прокаткой конечных фаланг пальцев, делаются контрольные отпечатки всех фаланг без их прокатки; при получении экспериментальных следов меняется контактная поверхность образующего объекта и т. д.

Показания свидетеля, данные в ходе свободного рассказа, сопоставляются с его ответами на поставленные вопросы; показания обвиняемого в начале расследования сопоставляются с его же показаниями после предъявления ему собранных по делу доказательств и т. д.

При получении дополняющих отображений существенно определить важные для дела дополнительные свойства оригинала. Наряду с этим должны быть выделены те условия оптимального отображения, которые следует видоизменить для правильного воспроизведения дополнительных свойств (точку съемки или угол освещения при съемке; фронтальный угол или контактную поверхность при получении экспериментальных следов; характер вопросов, ставящихся перед

допрашиваемым, обстановку допроса или круг предъявляемых ему доказательств).

Иную роль играют *корректирующие отображения*. Как видно из сказанного, исследование оптимальных и дополняющих отображений преследует цель получения информации о свойствах оригинала. В отличие от этого корректирующие отображения предназначены для изучения влияния, которое оказывают условия образования отображения на воспроизводимую информацию. Даже самое оптимальное отображение не свободно от преобразующего действия механизма воспроизведения (наложение помех на сигнал информации). Для выяснения происхождения и характера преобразований исследуемое отображение целесообразно сравнить с отображениями, образованными в отличающихся условиях. Такое сравнение позволит проследить влияние, оказываемое условиями воспроизведения на полученную информацию.

Задача исследования корректирующих отображений состоит, таким образом, в том, чтобы с их помощью уточнить и правильно оценить данные, полученные при изучении других отображений.

Поясним это положение примерами. При исследовании внешности человека по фотографическому снимку нередко возникают затруднения в оценке отдельных признаков, наблюдаемых на фотокарточке, например, отображают ли эти признаки особенности сфотографированного лица или являются результатом наложения светотени, дефектами эмульсионного слоя, обработки негатива и позитива и т. п. Для выяснения этих вопросов производится сопоставление исследуемого фотоснимка с другими фотоснимками того же лица, выполненными в иных условиях освещения. Если особенность наблюдается и на снимках, выполненных в измененных условиях, то можно заключить, что указанные условия не являются причиной ее появления на фотоснимке, а она свойственна оригиналу (пигментное пятно, родинка, шрам и т. п.).

При исследовании оттисков печати нередко возникает вопрос, отображают ли наблюдаемые в оттиске признаки, например, так называемый слепой шрифт, рельеф каучукового клише, или являются результатом его засорения посторонними веществами. Для выяснения данного обстоятельства сравнивают исследуемый оттиск печати с оттисками, полученными после тщательной чистки клише от посторонних загрязнений. Если особенность наблюдается и в полученных таким путем оттисках, то ее следует признать особенностью рельефа самого клише.

При получении корректирующих отображений основная сложность состоит в выделении того элемента механизма отображения, который мог вызвать исследуемые признаки, например, угол освещения при фотографической съемке, фронтальный угол при получении динамических следов, сила нажима при получении оптических следов и т. п. При этом в числе вариантов должны быть получены отображения, показывающие действие этого элемента с большей и меньшей степенью выраженности относительно исходного отображения.

Сравнение отображений как метод экспертного исследования привлекало внимание многих криминалистов¹. Применительно же к условиям работы следователя и судьи метод сравнения отображений не получил необходимой разработки. Между тем, в этих условиях он имеет не меньшее значение.

Особенно большое практическое значение имеет метод сравнения отображений при изъятии отображений в качестве материальных источников информации, а также при подборе образцов для сравнения и экспериментальном воспроизведении отображений.

Следует отметить, что здесь в разработке и практическом применении метода имеются существенные недостатки. Особенно это относится к случаям изъятия отображений в качестве материальных источников информации. В большинстве руководств и пособий, а также на практике правильно обращается внимание на изъятие оптимального отображения (отыскивается наиболее полный и четкий след, фотоснимок, рукопись и т. д.). Однако часто не делается указаний о необходимости отыскания и изъятия вариантов отображения — корректирующих и дополняющих отображений. Так, например, детально описывая технику обнаружения, фиксации и изъятия следов пальцев рук, авторы хорошо известных руководств совершенно не упоминают о необходимости изъятия с места преступления дополняющих и корректирующих отображений².

Отсутствие такого рода указаний приводит к тому, что следователи и дознаватели нередко изымают с мест преступлений при наличии ряда различных отображений только один след, один фотоснимок, одну рукопись и т. д.

При исследовании таких отображений возникают значительные, часто непреодолимые трудности. Обуславливаются они тем, что изъятые с мест преступления отображения очень часто плохого качества, отображают лишь отдельные участки и свойства объекта и не содержат необходимой информации. Восполнить же этот пробел в процессе исследования (например, в ходе экспертизы) оказывается уже невозможным, так как соответствующие дополняющие и корректирующие отображения, имеющиеся на месте преступления, уже утрачены. В результате исследование оказывается полностью или частично невозможным.

Из сказанного видно, что в случаях изъятия отображения с места преступления особенно важно обеспечить исследование корректирующих и дополняющих отображений.

Практически это означает, что:

1) с места преступления должно изыматься не одно оптимальное отображение, а по возможности все основные варианты. Не следует

¹ Колдин В. Я. Идентификация при расследовании преступлений. М. : Юрид. лит., 1978. С. 30—65; Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. М. : Юрид. лит., 1977. С. 15—68 и др.

² Криминалистическая техника. М. : Госюриздат, 1959. С. 171—192.

изымать дублирующих, т. е. образованных в одних условиях и не содержащих дополнительной информации отображений;

2) в процессе изъятия отображений должны применяться комбинированные методы фиксации (изготовление слепков, фотографирование, протоколирование, вычерчивание планов, схем и т. д.). Комбинирование методов, с одной стороны, обеспечивает возможность изъятия практически неограниченного круга отображений (например, с помощью современных способов фото- и киносъемки), с другой — оно обеспечивает использование взаимодополняющих средств фиксации отображений (фотоснимок, слепок, план, протокол).

В ходе подбора образцов для сравнительного исследования, а также производства экспериментов, с этой целью еще не всегда должным образом используются корректирующие и дополняющие отображения. Так, при отобрании у заподозренного отпечатков пальцев для экспертизы не всегда обращается внимание на получение отпечатков с различным направлением и силой нажима пальца на поверхность. Между тем, это обстоятельство серьезно осложняет процесс исследования, так как лишает эксперта данных для оценки явлений деформации исследуемого отпечатка.

При подборе образцов почерка не всегда отыскиваются все варианты почерка проверяемого лица. В тех же случаях, когда исследуемая рукопись или подпись выполнены не тем вариантом почерка, который отражен в образцах, исследование осложняется и вопрос, поставленный перед экспертизой, может оказаться нерешенным.

Аналогичное значение имеет получение и использование дополняющих и корректирующих отображений в других исследованиях.

В случаях использования отображений, преобразованных относительно обычного восприятия (например, снимки в невидимых лучах) в качестве корректирующих и дополняющих должны использоваться снимки тех же объектов, полученные при обычных условиях восприятия. Как было показано при рассмотрении метода восстановления, контроль процесса преобразования при отсутствии таких снимков затрудняется или оказывается невозможным.

Немалое значение имеет рассматриваемый метод и при исследовании психических отображений. Сравнение различных отображений при получении и оценке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых осуществляется в двух основных формах.

1. В форме сопоставления различных высказываний (образов) одного и того же лица по данному обстоятельству. Так, полученные в ходе допроса показания сопоставляются с высказываниями допрашиваемого до возбуждения дела, сделанными в различной обстановке, с показаниями его на предшествующих допросах, в письменных заявлениях и т. д.

Вариантом рассматриваемой формы является использование допрашиваемым собственноручных записей, писем, памятных записок и т. п.

для восстановления в памяти забытых им фактов, особенно когда речь идет о датах, цифрах, наименованиях, технических данных и т. д.

2. В форме сопоставления показаний различных лиц по исследуемому обстоятельству. Так, показания одного свидетеля сопоставляются с показаниями другого свидетеля по тому же вопросу, показания обвиняемого с показаниями потерпевшего и т. п.

Развитием данной формы сравнения опосредствованных источников является очная ставка, проводимая при наличии существенных противоречий в полученных показаниях.

Существенное практическое значение имеет *вопрос о необходимости специальных знаний для исследований отображений*. В зависимости от его разрешения находятся процессуальные формы и технические приемы изучения и использования опосредствованных источников.

Относительно любого опосредствованного источника информации должен быть решен вопрос о том, возможно ли исследование отображения самим следователем и судьей в форме осмотра, освидетельствования, допроса и иных процессуальных действий или требуется привлечение специалистов и назначение экспертизы.

Принципы простого воспроизведения, как правило, делают возможным исследование отображения на базе обычных представлений об исследуемых объектах путем его сопоставления с данными обычного восприятия. При соблюдении правил получения и процессуального оформления таких источников информации механизм их образования может быть установлен без привлечения специалистов и экспертов. Так, исследование свидетельских показаний, фонограмм, фотоснимков, слепков, следовых копий и т. п. отображений, полученных в ходе осмотров, обысков, экспериментов и других следственных действий, обычно не требует специальных познаний и может быть успешно произведено следователем и судьей без привлечения специалистов и экспертов. Исключение представляют случаи, когда в процессе следственного или судебного осмотра возникают специальные вопросы, касающиеся механизма образования отображений, например, установление факта монтажа при исследовании фотоснимка или фонограммы, выяснение происхождения отдельных особенностей отображения, выявление признаков психического заболевания при оценке свидетельских показаний и т. д.

Иное положение имеет место при воспроизведении с целью выявления недоступных для обычного восприятия свойств оригинала. Обычные представления об исследуемых объектах оказываются в этих случаях недостаточными. Понимание, дешифровка отображения, объяснение его признаков основаны в этих случаях на теоретических или специальных эмпирических представлениях о механизме образования таких отображений, т. е. требуют специальных познаний. Так, снимок одежды потерпевшего в инфракрасных лучах, выявляющий следы копоты выстрела и позволяющий судить о наличии огнестрель-

ного повреждения, расположении входного отверстия и дистанции выстрела требует специальной научно-технической интерпретации. В своем заключении эксперт должен показать не только технический способ получения снимка, но и теоретические предпосылки метода исследования: свойства объектов исследования, закономерности получения отображений. Без такой интерпретации снимок не может служить средством доказывания, не будет иметь значения источника доказательственной информации. Информация, содержащаяся в таких снимках, останется закодированной, нечитаемой, недоступной для восприятия следователем и судьей.

В силу сказанного такие отображения, как цветоделительные снимки, микроснимки и снимки люминесценции, снимки в невидимых лучах спектра и излучениях радиоактивных изотопов, изображения на экранах электронных преобразователей и т. п., могут рассматриваться как опосредствованные источники информации лишь после исследования их лицами, располагающими соответствующими специальными знаниями. Такими лицами являются эксперты или специалисты, осуществляющие исследования, в ходе которых соответствующие отображения получены.

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес позиция М. А. Чельцова. Считая специфической чертой заключения эксперта сообщение следователю или суду опытного положения, под которое должен быть подведен определенный факт дела, М. А. Чельцов пишет: «Если вызванное судом лицо только выявляет каким-то техническим способом факт, неизвестный ранее, оно не может считаться экспертом. Поэтому не будет, например, экспертом судебный фотограф, изготовивший увеличенный или полученный с применением особых приемов снимок с документа, на котором делаются очевидными следы подчисток или вытравленного текста. Подобного рода снимки следует считать вещественным доказательством. Техническая же операция, выявившая моменты, невидимые для невооруженного глаза, является выполнением сложного осмотра подлинного вещественного доказательства»¹.

Действительно, если специалист ограничился изготовлением снимка и не показал в своем заключении способа его получения, сущности проведенных преобразований и механизма образования выявленных им признаков, его работу нельзя считать проведением экспертизы. Суд и следователь не получают в результате такого исследования фактических данных, которые можно было бы правильно оценить и использовать в процессе доказывания. В этой части мы разделяем позицию М. А. Чельцова.

Следует, однако, отметить, что и полученный в этом случае фотографом снимок нельзя считать источником доказательственной информации, материальным источником. Без специальной научно-технической

¹ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 175—176.

интерпретации такой снимок не может служить источником фактических данных, истинность и достоверность которых может быть оценена следователем и судом.

С другой стороны, если специалист дает такую интерпретацию, раскрывает научные основы метода исследования и механизм образования выявленных им доказательственных признаков, его выводы следует рассматривать как заключение эксперта. В этом случае и прилагаемые к заключению фотоснимки приобретают характер опосредствованных источников информации.

Широкое внедрение научно-технических средств в практику работы органов дознания и следствия делает возможным получение такого рода отображений самим следователем, дознавателем или оперативным работником. Практике известны случаи, когда следователи путем осмотра предмета в невидимых лучах, например, с помощью люминесцентной лампы или электронно-оптического преобразователя, или его фотографирования выявляли невидимый текст или другие важные его особенности и успешно использовали их для установления истины по делу.

Не умаляя роли инициативности и оперативности в процессе расследования, мы полагаем, что полученные таким путем отображения не приобретают значения источников доказательственной информации, хотя и могут использоваться в оперативных целях. Следователь или дознаватель, получившие такого рода отображения, не могут дать компетентной оценки наблюдаемых на них признаков, а если бы и могли это сделать, то не вправе совместить в своем лице функции следователя (дознавателя) с одной стороны и специалиста или эксперта — с другой.

Отображения, выявляющие недоступные обычному восприятию признаки, могут стать источниками доказательственной информации только в тех случаях, когда они были предметом исследования специалистов или экспертов и получили надлежащее научно-техническое объяснение.

Такое объяснение может быть дано или в форме включенного в протокол заключения специалиста, участвовавшего в осмотре и исследовании материального источника информации, или в форме заключения эксперта, если исследование такого источника производилось путем экспертизы. Следует отметить при этом, что функцию источника доказательственной информации полученное отображение приобретает только при совместном использовании с протоколом соответствующего следственного действия (или заключением эксперта). В этом состоит особенность рассматриваемых источников. Взятые изолированно, в отрыве от указанных процессуальных документов, например, фотоснимок без соответствующего протокола или заключения эксперта, такого рода отображения не могут служить источниками доказательственной информации, они останутся лишь потенциальными источниками информации.

Резюмируем сказанное относительно необходимости специальных знаний при исследовании опосредствованных источников информации.

Исследование оригинала по опосредствованным источникам, полученным в результате простого воспроизведения, не требует специальных знаний, если при этом не возникает каких-либо специальных вопросов, касающихся механизма воспроизведения свойств.

Исследование опосредствованных источников, выявляющих свойства оригинала, недоступные обычному восприятию, требует специальных познаний.

Отображения такого рода приобретают функцию источника доказательственной информации только в результате их исследования специалистами или экспертами в качестве приложений к соответствующим документам (протоколам или заключению экспертизы).

Глава 3

СПЕЦИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

3.1. Развитие представлений о специальных методах

В современном науковедении считается общепризнанным следующее положение: как без развитой теории нельзя иметь зрелой науки, так и без специальной методологии этой науки нельзя обеспечить эффективного использования ее разработок. Взаимосвязь и взаимозависимость теории и методологии, парность этих категорий, методологическую функцию теории и теоретическое обоснование методологии — все эти положения принимаются априори.

В криминалистике сегодняшнего дня эти положения нуждаются в обосновании, а наибольшую актуальность приобретают проблемы ее специальной методологии.

При всей значимости этих проблем для прикладной науки, приходится констатировать, что на фоне общетеоретических работ, частных теорий, методов и методик расследования отдельных видов преступлений, получивших отражение в действующих учебниках криминалистики, проблемы специальной методологии науки по существу не получили разработки.

Для начала проследим, как развивались представления о специальных методах и специальной методологии в криминалистике.

Основы учения о специальных методах криминалистики были заложены еще основоположниками отечественной криминалистики при формулировании ими предмета и метода науки.

В советской криминалистике идея общего метода расследования, не потерявшая своего значения в настоящее время, была высказана Б. М. Шавером¹ и в своей завершенной форме — «...идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия ...от способов совершения преступлений к способу их раскрытия» — была предложена совместно с С. А. Голунским².

¹ Шавер Б. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность, 1938. № 6. С. 68—69, 77.

² Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939. С. 11—12.

В этой краткой формуле, действительно, схвачен именно общий смысл всей криминалистической методологии, ибо способ действия преступника определяет содержание следовой картины, а последняя диктует выбор методов их исследования. Тут прослеживается и форма объективного отражения преступления в окружающей обстановке и фаза его раскрытия и расследования. Нетрудно убедиться, что фундаментальные категории криминалистики: преступление и его расследование рассматриваются при этом как системы деятельности.

Раскрывая специальную методологию криминалистического исследования С. А. Голунский и Б. М. Шавер выделяли в ее составе исследование способов совершения преступлений и обобщение опыта следственной работы¹.

Идеи С. А. Голунского и Б. М. Шавера получили развитие как в теоретических работах криминалистов, так и в практике криминалистических учреждений. Так, А. Н. Колесниченко в структуре криминалистических методик также видит следующую общую логическую цепочку: «способы совершения преступлений — следы преступления — криминалистические приемы и способы собирания доказательств — методики расследования»².

Подавляющее большинство методик расследования преступлений, созданных в советский период, были основаны на обобщениях практики расследования определенных категорий уголовных дел.

Плодотворные идеи С. А. Голунского и Б. М. Шавера, как и вся методологическая проблематика не получили, однако, развития в последующий период.

Будучи прикладной наукой, криминалистика изучает закономерности объективной действительности не в качестве самоцели, а исключительно в интересах решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Система объективных связей любого объекта бесконечна и даже, по меткому сравнению классика, все ботаники мира не смогли бы изучить всех объективных связей и зависимостей в одном гороховом стручке. Поэтому криминалистика не может отправляться от закономерностей объекта в отрыве от задач исследования. Напротив, она идет от задачи к закономерности.

Вначале возникает задача выявления невидимого, а затем для ее решения отыскивается физический эффект, помогающий решить эту задачу: люминесценция, электронные преобразования изображения и др.; вначале возникает задача восстановления забытого в памяти свидетеля и лишь после этого могут быть выявлены ассоциативные механизмы памяти и т. д. и т. п. Иными словами, не было бы криминалистической задачи, не потребовались бы и закономерности, и механизмы, обеспечивающие ее решение.

¹ Голунский С. А., Шавер Б. М. Указ. раб. С. 3, 12—13; Шавер Б. Указ. раб. С. 67, 74—77.

² Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. С. 14.

Следует отметить, что задача или социальный заказ на ее решение возникает не только раньше способов ее решения, опирающихся на определенные закономерности, но представляет доминанту и инварианту деятельности. Задача стабильна, а способы решения меняются, совершенствуются на протяжении десятилетий и столетий и в этом основная закономерность развития любой криминалистической методики и технологии.

Из сказанного ясно, что ставить в определении науки исследование закономерностей на первый план без правильного определения их роли в решении криминалистических задач — значит допускать серьезную методологическую ошибку.

3.2. Теоретизация криминалистики как тенденция ее развития

Эта тенденция не может не нанести ущерба ее развитию как науки. Об этом красноречиво свидетельствует опыт развития криминалистики за последние десятилетия. Общая теория криминалистики, частные теории криминалистики, многочисленные учения в предметных областях зачастую не связаны с формированием практических криминалистических методик. Критический анализ таких теорий уже неоднократно осуществлялся в криминалистической литературе.

В их числе теория распознавания, теория дифференциации, теория диагностики, криминалистическая эйдология, криминалистическая феноменология, криминалистическая интерпретация, теория криминалистического программирования экспертно-креативных систем, криминалистическая гомология и др.

Нет недостатка и в системно-структурных преобразованиях науки и курса криминалистики: от введения новых тем и разделов, до создания самостоятельных курсов типа адвокатской криминалистики.

При всем разнообразии этих теоретических построений общим для всех их является отсутствие реального методического эффекта, внедренческой отдачи, конкретных рабочих методик следственной и экспертной работы.

Появление и существование подобных теорий убедительно свидетельствует о том, что теоретическая эйфория в криминалистике бесплодна. Любая функционально бессодержательная теория, не опирающаяся на прочную методологическую базу, не может способствовать ни развитию науки, ни совершенствованию практики.

Что может дать, к примеру, науке и практике криминалистическая гомология как отрасль криминалистических знаний о человеке как личности, как слеодообразующем и следовоспринимающем объекте, о средствах, приемах, методах, технологии установления данного носителя информации, если эти системы знаний уже реализованы в существующей системе криминалистики и именно в тех ее структурных подсистемах, где они наиболее эффективно функционируют на про-

тяжении всего существования криминалистики (ср., например, дактилоскопию, словесный портрет, фонографические исследования, ДНК-идентификацию)¹.

Методологически ошибочной является постановка проблемы создания «криминалистической адвокатологии», или «криминалистики защиты по уголовным делам», понимаемой отдельными авторами как «тактику противодействия обвинению». Эта криминалистика, по замыслу авторов, должна защищать интересы сторон, представляемых адвокатами.

Методологическая порочность этой концепции очевидна. Криминалистика из науки по раскрытию преступлений, осуществляемого в соответствии с принципами законности и объективности, превращается в средство сокрытия преступлений. Методологическая ошибка в этих случаях состоит в том, что процессуальный принцип состязательности, реализуемый в равноправии доказательственных систем обвинения и защиты, переносится ими в криминалистическую науку, где действует принцип объективности исследования, при утрате которого криминалистика, как и любая другая наука, перестает существовать. В практическом же расследовании этот принцип реализуется посредством выдвижения версий и контрверсий, позволяющих провести объективное расследование и установить истину по делу. А истина по делу может быть только одна и для «криминалистики обвинения» и для «криминалистики защиты».

Существенные недостатки в разработке методологии криминалистики, как показывает анализ теоретических разделов учебных и монографических курсов криминалистики, обусловлен недооценкой функционального и системно-деятельностного подхода к исследованию предмета и объектов криминалистики.

Недооценка методологии в криминалистике и отсутствие исследований по специальной методологии криминалистики уходит своими корнями в определение объектов изучения криминалистики, как источников криминалистических знаний.

Дискуссия по предмету криминалистики продолжалась на протяжении ряда десятилетий и не закончена до настоящего времени. Однако, хотя все участники дискуссии исходили из правильной посылки о том, что общей задачей науки является содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, т. е. основным объектом криминалистики является деятельность преступника и криминалиста, сам термин «деятельность» отсутствовал в определениях предмета и объектов криминалистики.

Исследуя деятельность преступника и криминалиста, авторы не использовали методологии системно деятельностного подхода и анализа.

¹ С созданием гомологии как отрасли криминалистики не следует смешивать комплексные практические исследования различных информационных полей, отображаемых в материальной обстановке и являющихся объектами расследования и экспертизы. Такие исследования вполне правомерны и весьма эффективны.

В определениях предмета криминалистики перечислялись «техника, тактика и методика расследования преступлений» (1939 — Е. У. Зицер), «закономерности обнаружения, собирания и исследования доказательств» (1967), «технические средства, тактические приемы и методы» (1976 — И. Ф. Крылов); «закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении, его участниках, собирания, исследования, оценки доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» (1987 — Р. С. Белкин). Последнее определение получило наибольшее распространение в учебной и монографической литературе.

По итогам этой дискуссии, надолго определившей развитие науки, принципиальное значение имел тот факт, что криминалистическая деятельность не рассматривалась как объект криминалистики. Понятие объекта криминалистики переносилось из криминалистики в сферу процессуального доказывания, что мало способствовало раскрытию его криминалистической функции.

Дальнейшее развитие специальной методологии криминалистики требует, в первую очередь, адекватной оценки ее современного состояния и наиболее актуальных проблем.

3.3. Понятие, содержание, структура

Выше уже отмечалось, что на методологическом уровне проблемы специальной методологии криминалистики по существу не рассматривались. Рассмотрение отдельных методов на уровне техники, тактики или методики криминалистики не может заменить методологического уровня науки, решения ее методологических проблем.

Требуется, в первую очередь, определение самого понятия специального уровня методологии криминалистики, его функционального наполнения и соотношения этого уровня с другими уровнями методологии криминалистики¹.

Сам принцип уровневой организации методологии криминалистики в настоящее время считается общепризнанным². Проблема состоит в понимании методологии криминалистики как целостной системы и методологических следствиях, вытекающих из принципа иерархической организации ее уровней.

1. Методология криминалистики как система. В подавляющем большинстве источников, в том числе действующих учебников криминалистики, отсутствует анализ методологии криминалистики как

¹ Следует отметить, что структуризация иерархических уровней методологии науки рассматривается ведущими специалистами как одно из значительных достижений методологии науки. См.: Садовский В. Н. Указ. раб.

² Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005. С. 78—100; Криминалистика / под ред. В. Е. Корноухова. М., 2000. С. 22—27; Криминалистика / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 11—15 и др.

целостной системы. Речь идет о рассмотрении отдельных методов, без анализа их системных связей¹. В связи с этим у разных авторов различается и количество выделяемых ими уровней, и состав составляющих эти уровни методов. Так, методы частных наук (математика, физика, химия, биология и др.) одни авторы выделяют в самостоятельный уровень, другие рассматривают их в составе специальных методов криминалистики². В последнем случае допускается явное нарушение признанной в методологии науки иерархии уровней методологии.

2. Недостаточность методологической проработки задач криминалистической деятельности. Задачи криминалистики как методологическая категория, охватывающая все виды криминалистической деятельности, вообще не была предметом научного исследования. Объясняется это тем, что до последнего времени сама криминалистическая деятельность не рассматривалась как объект криминалистической науки, а в ее методологии не рассматривались принципы системно-деятельностного подхода.

В связи с этим не возникал и вопрос о задачах криминалистической деятельности. Однако, поскольку деятельность рассматривается как основной объект криминалистики, методологическая проработка задач криминалистической деятельности является необходимым условием развития ее специальной методологии. При этом следует исходить из того, что задача является важнейшим интегративным элементом любой деятельности, определяющим ее структуру. Нет задачи, нет и целенаправленной деятельности. Неправильное определение задачи — предпосылка ошибок, осложнений, просчетов, вынуждающих прекращать деятельность или начинать ее «с чистого листа». Подавляющее число ошибок в следственной и экспертной деятельности и проблем ее оптимизации коренятся в правильном определении задач, подзадач, алгоритмов и программ криминалистической деятельности.

В связи с этим методологическая проработка задач криминалистической деятельности должна включать в себя основные моменты, рассматриваемые ниже.

1. Выяснение объема и содержания требований к определению понятия криминалистической задачи.

2. Структуризацию криминалистической деятельности по субъектному, процессуально-правовому и уровневому основанию и классификацию криминалистических задач внутри каждого из этих видов деятельности. Уровневая организация самой криминалистической деятельности не получила научного обоснования и практического преломления. Между тем, на каждом из этих уровней (технический, тактический, методический) решаются свои специфические задачи, тесно взаимосвязанные и взаимодействующие с задачами других уровней.

¹ Впервые системный анализ методологии криминалистики был предпринят В. Я. Колдиным (Криминалистика. М., 1990. С. 15—27).

² Криминалистика / под ред. А. Ф. Филиппова и А. Ф. Волынского. М., 1998. С. 9 и др. учебники.

Техника, тактика и методика рассматриваются в учебниках криминалистики как разделы науки, системы знаний, но не уровни криминалистической деятельности. В связи с этим не возникает и проблемы определения технических, тактических и методических задач. В этих условиях невозможна и разработка какой-либо специальной криминалистической методологии, а сама наука оказывается системой знаний, лишенной методологической направленности. Ошибки в определении задач криминалистической деятельности, как это показывает история криминалистики, не раз были источником ошибочных концепций и заблуждений в научной и практической деятельности криминалистов. Весьма показательным в этом отношении неадекватно широкое определение задач криминалистической идентификации ее основоположником С. М. Потаповым.

В соответствии с этой концепцией идентификация является «способом узнавания всякого факта» и представляет, в конечном счете «саму методологию криминалистического исследования»¹.

Последующие исследования и практика показали несостоятельность столь широкого понимания задачи идентификации. Выяснилось, что алгоритм идентификации пригоден лишь для решения задачи отождествления материальных объектов по их отображениям. Что касается логических объектов — понятий, то они, как это и следует из общей методологии, являются предметом формальной и математической логики².

Методологическая ошибка потребовала длительной на протяжении десятилетий корректировки, прежде чем правильное определение задачи позволило разработать на его основе общую методологию и частные методики криминалистической идентификации.

Уроки этого развития, к сожалению, не были учтены разработчиками теории диагностики, задача которой также определена ими столь широко, что функционально-методически не обеспечивает формирование на ее основе рабочих криминалистических методик³.

3. Соблюдение иерархии уровней методологии. Иерархия уровней методологии отражает уровни сложности объективного мира и решаемых в процессе исследования задач. Проблема перехода количества в качество не может быть решена на уровне формальной логики, также как свойства математического равенства требуют строгой формализации понятий и могут быть поняты только в рамках математики. Поэтому каждая задача должна решаться на своем методологическом уровне.

Закон иерархии уровней имеет и другую сторону. «Концепция уровней методологии предполагает, — как отмечает В. Н. Садовский, — ... что каждый более общий методологический уровень оказывает опреде-

¹ Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 4, 9.

² Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 42—52.

³ Корухов Ю. Г., Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Криминалистическая экспертная диагностика. М., 2003.

ляющее воздействие на уровни методологии, разрабатывающие менее обобщенные утверждения»¹.

Нарушения иерархии уровней в криминалистических исследованиях далеко не редкое явление и проявляется как в форме неправильного определения уровня, так и в форме игнорирования законов высшего уровня. Неправильное определение методологического уровня специального криминалистического исследования. Чаше всего эта ошибка состоит в том, что разработка собственно криминалистических проблем подменяется переложением общенаучных и частнонаучных принципов и методов. Очевидная бесспорность излагаемых при этом истин создает обманчивую иллюзию подлинного научного творчества, в то время как в действительности авторы «пашут на чужом поле». Примерами такого рода, когда криминалисты занимаются не своим делом, современная криминалистика изобилует. Опасность указанной тенденции в том, что, во-первых, не обеспечивается должный уровень разработки этих проблем, ибо криминалисты выступают на этих уровнях как дилетанты и, во-вторых, переложением данных из других наук подменяется решение собственных актуальных задач.

Достаточно раскрыть любой учебник криминалистики в разделе «методология», чтобы увидеть общенаучный уровень этой методологии, где, наряду с анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, традукцией, аналогией и др., раскрывается методологическое значение системно-структурного, деятельностного, вероятностно-статистического подходов и анализа². При этом прямо указывается, что «задачи и объекты криминалистического исследования требуют их приспособления и обуславливают специфику и формы их реализации в криминалистических исследованиях».

Специфика построения криминалистических систем обеспечивается посредством специальных методов криминалистики, в качестве которых выступают криминалистические методики. Среди таких есть методики решения экспертных задач (например, методика идентификации огнестрельного оружия по стреляной пуле), методики решения задач в области оперативной и следственной деятельности (например, розыска скрывшегося преступника или методики расследования убийств).

Поскольку задача разработки таких методик является важнейшей общей задачей науки криминалистики, следует прийти к выводу, что обеспечение специфики построения криминалистических систем является общей задачей криминалистической методологии и решается на ее специальном научном уровне.

Весьма распространенной, но методологически ошибочной является также тенденция рассмотрения на уровне специальной методологии

¹ Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М. : Наука, 1980. С. 37.

² Криминалистика. М. : Юристъ, 1999. С. 56—66.

криминалистики методов частных естественных технических и гуманитарных наук. К ним относятся предложения о создании судебной (криминалистической) физики, химии, биологии, логики, психологии и др.

С позиций общенаучных требований структуризации методологии и иерархии ее уровней включение в систему криминалистики частных наук и рассмотрение методов этих наук на уровне специальной криминалистической методологии является методологически ошибочным. Решение собственно криминалистических задач подменяется экскурсами в другие науки.

Задача криминалистики как самостоятельной науки состоит не в переложении сведений из других наук, а в использовании методов этих наук для решения собственных криминалистических задач. Эту задачу, однако, нельзя решить путем простого переложения сведений из других наук. Для этого необходимо создать специально криминалистическую методику (технологию) решения типовой криминалистической задачи. Создание таких методик и составляет содержание специального уровня криминалистической методологии. В составе любой методики всегда при наличии профилирующего метода присутствует совокупность методов, заимствованных из различных наук. В связи с этим, абсолютизация какого-либо отдельного метода или науки являются методологически ошибочными¹.

Разработка этих методов фундаментальных естественно-технических и гуманитарных наук закономерна и необходима в рамках этих наук специалистами соответствующих отраслей наук. На уровне специальной криминалистической методологии апробированные методы фундаментальных наук должны работать в конкретных криминалистических методиках, и в составе этих методик служить решению конкретных криминалистических задач.

Методологические ошибки подобного рода нередко возникают в силу смешения задач разработки и использования методов. Проблема разработки может возникнуть только тогда, когда в общей методологии науки и техники нет адекватных средств решения криминалистической задачи. Если же большая наука располагает соответствующим классификационным и аналитическим инструментарием, как например, при решении задач распознавания материалов и веществ, то речь идет об использовании этого инструментария в составе соответствующих криминалистических методик. Говорить о разработке такого инструментария на специально-криминалистическом уровне или создании специальных криминалистических наук по вышерассмотренному образцу — значит совершать серьезную методологическую ошибку.

Часто при этом задачи обучения и пропаганды общенаучного знания преподносятся под видом теорий специальных наук, в том числе

¹ Колдин В. Я. Предисловие к книге Поль К.-Д. Естественно-научная криминалистика / Пер. с нем. М., 1987.

криминалистики, где использование достижений общенаучного и частного научного знания является общим требованием методологии.

4. Игнорирование законов, принципов и методов вышележащих уровней методологии. К сожалению, в криминалистике приходится сталкиваться и со столь грубыми методологическими ошибками. Этот тип методологических ошибок был рассмотрен ранее на примере разработки понятия криминалистической характеристики преступления¹.

Содержательное и функциональное определение специальной методологии криминалистики требует решения задач, касающихся:

- а) структуры общего метода криминалистики;
- б) уровневой организации методологии криминалистики;
- в) места специальной методологии криминалистики в структуре ее уровневой организации;
- г) роли системно-деятельностного подхода в решении проблем методологии криминалистики.

Структура общего метода криминалистики как ее центральной идеи, интеграла теории и методологии, науки и практики была в поле зрения многих ведущих криминалистов. Отражая специальные задачи криминалистической науки и практики и особые пути криминалистического познания, эта идея играет важную методологическую роль.

Общая структура метода криминалистики должна рассматриваться, по нашему мнению, в аспекте взаимодействия важнейших подсистем ее деятельности.

Поскольку структура познавательной деятельности криминалиста обусловлена структурой отражательных и информационных процессов, связанных с совершением и расследованием преступления, общая структура метода криминалистики может быть представлена в системе взаимодействия трех элементов (подсистем): преступная деятельность — следовая картина (источники криминалистической информации) — криминалистическая деятельность.

Преступная деятельность отражается в следовой картине, а криминалистическая деятельность отражает преступную путем декодирования следовой картины.

В общей структуре криминалистических познавательных процедур существенно различаются два типа:

- 1) ретроспективный анализ преступной деятельности на основе декодирования следовой картины;
- 2) перспективное моделирование криминалистической деятельности в форме типовых криминалистических методик.

При существенных различиях методологии теоретического исследования и автономии этих процедур они неразрывно связаны между собой.

Именно ретроспективный анализ преступной деятельности, выявляющий ее структурные связи, представляет информационную основу для формирования криминалистической методики.

¹ См. главу 1 раздел 1.5 настоящего учебника.

В качестве такой информационной основы предложена типовая информационная модель преступной деятельности¹.

Уровневая организация методологии криминалистики признается всеми криминалистами и воспроизводится в большинстве учебников криминалистики. Проблема состоит в том, что методология воспринимается не как система, а набор методов, а законы уровневой иерархической организации методологии, как это показано в предшествующем изложении, нарушаются при проведении конкретных криминалистических исследований.

Специальная методология криминалистики как уровень ее методологии. В общей методологии криминалистики, как и любой другой науки, принято различать по уровню их методологической общности следующие уровни:

- 1) философский;
- 2) общенаучный;
- 3) частнонаучный;
- 4) специально-научный.

Поскольку понимание трех высших уровней методологии не вызывает разночтений и подробно раскрыто в литературе, остановимся на специально-научном, представляющим в контексте нашего изложения особый интерес.

В первую очередь, необходимо указать на различное понимание этого уровня различными авторами. Так, например, Н. А. Селиванов к специальным методам криминалистики относит «только такие методы, которые разработаны в рамках криминалистики для решения своих специальных задач». Методы же других наук не могут быть отнесены к специальным, поскольку они «не разработаны криминалистами для решения своих специальных задач»².

Другие авторы, напротив, относят к специальным все частнонаучные методы других наук (физические, химические, биологические и др.), а также те, которые специально разработаны в криминалистике³.

Р. С. Белкин выделяет в структуре методологии в качестве «специальных методов» «техничко-криминалистические» и «структурно-криминалистические методы», представляющие разделы науки, но не ее специальную методологию⁴.

При всем различии в понимании этого уровня методологии различными авторами во всех случаях, речь идет об отдельных приемах и методах, относящихся к этому уровню.

В криминалистике в настоящее время нет определения этого уровня методологии как функциональной системы, решающей свои особые,

¹ Типовые модели и программы криминалистического исследования / под ред. В. Я. Колдина. М., 1989; Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности. Функция моделирования // Советское государство и право. № 2. 1987. С. 63—70.

² Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. М., 1982. С. 27.

³ Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Вольнского. М., 1998. С. 9—10.

⁴ Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986. С. 330—331.

специальные для данной науки задачи. Это обстоятельство свидетельствует о том, что методология криминалистики в целом находится в самой начальной стадии своего развития. А разработка этого уровня представляет одну из наиболее актуальных задач науки.

С учетом изложенного, предлагается следующее определение специальной методологии криминалистики.

Специальная методология криминалистики представляет ее методологический уровень ее общей системы, синтезирующий методологический потенциал вышележащих уровней (философского, общенаучного, частнонаучного) с методами и средствами, выработанными в самой криминалистике, с целью создания методик и технологий решения типовых криминалистических задач.

Существенное отличие этого определения от других заключается в том, что специальная методология криминалистики рассматривается как функциональная подсистема общей методологии криминалистики, решающая специальные задачи своего методологического уровня. В качестве основания криминалистических исследований рассматривается классификация типовых криминалистических задач, обуславливающих структуру и конечный результат исследований. В качестве цели и конечного результата криминалистических исследований рассматриваются не закономерности в исследуемых объектах и отдельные методы, и рекомендации, могущие быть промежуточными результатами, а методики и технологии, обеспечивающие решение типовых криминалистических задач.

Понимание специальной методологии криминалистики как ее высшего методологического уровня позволяет решить ряд важных методологических проблем.

Во-первых, организация криминалистической деятельности в соответствии с требованиями высших методологических уровней (недопустимость нарушения законов гносеологии, логики, общенаучных принципов, аксиом и т. п.). Во-вторых, использование общих и частных закономерностей и методов вышележащих уровней для познания объектов собственного изучения и использования их в целях формирования криминалистических методик. В-третьих, использование уровня специальной методологии криминалистики как методологической базы, специальной лаборатории разработки и формирования специальных криминалистических методик, обеспечивающих решение криминалистических задач.

Речь идет при этом не о разработке отдельных приемов, методов, средств и рекомендаций технического или тактического уровня, а формировании целостных систем деятельности, технологически обеспечивающих решение криминалистических задач.

Дело в том, что ни один из вышележащих уровней не может обеспечить выполнения этой важнейшей для криминалистики функции. Даже когда какой-либо уровень «поставляет» профилирующий метод, например, спектральный анализ при исследовании металлов и сплавов или

рефлексивное управление при допросе, эти профилирующие методы могут быть только инструментами методики, но не могут, однако, разделить ее задачу, алгоритм и структуру.

В диалектике познания есть понятие «восхождения от абстрактного к конкретному». Формирование криминалистических методик на уровне специальной методологии криминалистики и есть это восхождение от абстрактного к конкретному.

Отправляясь от типовых криминалистических задач, опираясь на закономерности преступной и криминалистической деятельности, используя весь методологический потенциал всех уровней, специальная методология способна решить задачи формирования криминалистических методик и технологий.

Приведенные рассуждения позволяют сделать весьма важный вывод о методологическом уровне, на котором должны осуществляться научные криминалистические исследования. Поскольку конечная цель любого научного криминалистического исследования состоит в формировании методики решения криминалистической задачи и на уровне специальной криминалистической методологии синтезируется общий методологический потенциал криминалистики, любое научное исследование в рамках криминалистики должно осуществляться именно на уровне специальной методологии этой науки. Имея в виду, что, как показал приведенный выше анализ, значительное число методологических ошибок в криминалистике коренилось в ошибочном определении уровня исследования, данный вывод весьма актуален для практики научных криминалистических исследований.

Системно-деятельностный подход и анализ как основа специальной методологии криминалистики. Поскольку основными объектами изучения в криминалистике являются системы деятельности, системно-деятельностный подход и анализ с логической необходимостью становятся профилирующими методологическими инструментами специальной методологии криминалистики. Являясь частной разновидностью системного подхода и анализа, эти методы относительно недавно стали предметом их общенаучной и специально-научной разработки. Несмотря на это, можно констатировать их высокую эффективность и потенциал как в сфере решения методологических проблем науки, так и в сфере формирования и совершенствования конкретных систем деятельности.

Необходимыми предпосылками применения системно-деятельностного подхода в криминалистике является выделение задач, видов и форм криминалистической деятельности.

К их числу таких предпосылок относятся:

- 1) определение самого понятия криминалистической деятельности как деятельности, направленной на решение криминалистических задач;

- 2) выделение информационно-познавательной структуры деятельности в общей системе деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений как предмета криминалистики;

3) рассмотрение взаимосвязи и отграничения криминалистического, оперативно-разыскного, процессуального и уголовно правового аспектов деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

4) разработка внутренней структуры криминалистической деятельности: определение задач, видов криминалистической деятельности и методологии решения общих и частных криминалистических задач¹.

На основе изложенного можно говорить о формировании нового системно-деятельностного подхода к определению криминалистики. Его следует рассматривать как закономерное и естественное саморазвитие науки, адекватно раскрывающее ее социальную функцию и место в системе современного научного знания.

Проникновение идей системно-деятельностного подхода в теорию и методологию криминалистики позволило пересмотреть многие важнейшие понятия и категории научной и практической криминалистики. К числу их относятся рассмотренные выше определение предмета науки, рассмотрение преступной и криминалистической деятельности как основных объектов криминалистики, системно-уровневая концепция методологии криминалистики, понятие специальной методологии криминалистики, понятие и технологические требования к формированию типовой модели преступной деятельности, уровневая организация криминалистической деятельности, системная организация науки криминалистики.

Сама постановка этих проблем оказалась возможной только на основе идей системно-деятельностного подхода. Можно говорить о пересмотре самих концепций теории и методологии криминалистики. На смену науковедческой концепции криминалистики, отождествляющей ее теорию и методологию внутри разрабатываемых ею закономерностей и систем знаний, приходит системно-деятельностная концепция. Она видит себя как методология деятельности, подчиняющая закономерности объекта разработке систем целенаправленной криминалистической деятельности.

Хотя многие из этих проблем находятся в начальной стадии своей научной разработки, уже сейчас очевидны их актуальность и потенциал системно-деятельностного подхода и анализа при их решении.

В заключение следует рассмотреть структуру учения о специальной криминалистической методологии. Она может быть представлена в следующем виде:

- 1) общая система криминалистической методологии;
- 2) общая структура метода криминалистической деятельности;

¹ Существенный вклад в разработку указанных предпосылок внесен в работах: Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. Колдина В. Я. М. : МГУ, 1989; Криминалистика социалистических стран / под ред. Колдина В. Я. М., 1986; Самыгин Л. Д. Расследование как система деятельности. М. : МГУ, 1989. С. 61—82; Колдин В. Я. Методологические основы и методы криминалистики и криминалистической деятельности // Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1995. С. 57—70.

3) учение о задачах и видах криминалистической деятельности. Классификация и параметризация;

4) учение о методах криминалистической деятельности. Классификация и параметризация;

5) структура преступной деятельности. Ее типовое информационное моделирование;

6) криминалистическая методика как типовая информационная модель деятельности. Структура. Классификации. Параметризация;

7) методология уровней криминалистической деятельности:

— методология теоретических исследований (типовое ретроспективное моделирование преступной деятельности и типовое перспективное программирование криминалистической деятельности),

— методология решения технических задач (при производстве следственных, оперативных, и судебных действий; методология криминалистической экспертизы),

— методология решения тактических задач,

— методология криминалистической методики,

— общая теория принятия криминалистических решений.

Рассмотрение этих проблем следует рассматривать как основное ядро криминалистической методологии. Все вышеизложенное позволяет рассматривать специальную методологию криминалистики как ее высший методологический уровень, синтезирующий все уровни всех исследуемых ею основных систем:

1) теории (техника, тактика, методика);

2) деятельности (технический, тактический, стратегический);

3) методологии (философский, общенаучный, частнонаучный, специально-научный).

Глава 4

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

4.1. Функция криминалистики в системе правоприменения

В стадии становления криминалистики как науки ее задачи выросли в определение науки, что характеризовало ее функцию как прикладной науки, преследующей цель раскрытия и расследования преступлений.

В школе криминалистического науковедения в качестве предмета науки рассматривались закономерности криминальной и криминалистической деятельности, что позиционировало криминалистику так теоретическую науку, в связи с чем ее функции как прикладной науки, оснащающей практику современными технологиями не получили должной оценки и разработки.

В настоящее время разработка методологических основ и функций криминалистики привели к определению статуса криминалистики и судебной экспертизы, как специальных наук, обеспечивающих технологическое оснащение правоприменительной деятельности.

Существенное отличие методологического статуса современной криминалистики от криминалистики XIX и XX вв. состоит:

- 1) в четком определении ее функции технологического обеспечения правоприменительной деятельности;
- 2) в расширении сфер приложения технологического потенциала науки на все сферы правоприменительной деятельности и принятия правовых решений;
- 3) в органическом единстве технического, тактического и стратегического уровней криминалистической деятельности, криминалистических и судебно-экспертных технологий.

4.2. Криминалистическая информация и доказательства

Понятие криминалистической информации непосредственно связано с понятиями доказательства и доказательственной информации. Рассматривая познавательный процесс раскрытия и расследования и доказывания, как целостную систему, уместно поставить вопрос о понятии криминалистической информации. Логично предположить,

что именно понятие криминалистической информации является центральным при информационной трактовке процесса раскрытия, расследования и судебного доказывания. Получение криминалистической информации и исследование ее свойств: количества, достаточности, относимости, ценности и др. — составляют, очевидно, основное содержание этих процессов.

В качестве первоначального может быть предложено определение криминалистической информации как любых релевантных фактических данных, полученных в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств. Это определение охватывает любую релевантную информацию, полученную на любых стадиях раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел, в любой организационно-правовой форме познавательного процесса и позволяет анализировать информацию вне формы ее получения в чистом виде.

Диалектика познавательного процесса, рассматривающего форму и содержание в неразрывном единстве, не исключают, а предполагают на определенных стадиях анализа абстрагирование и раздельное изучение каждой из этих сторон единства.

Содержание информации, как изоморфное отражение действительности в материалах дела, представляет основной стержень всех оперативно-разыскных, следственных и судебных процедур. А сами эти процедуры представляют процессуальные фильтры очищения исходной информации от «шумов» и «шлаков».

Содержательная сторона познавательного процесса, который нельзя свести только к процессуальным процедурам, может и должна быть абстрагирована от процессуальной формы и подвергнута самостоятельному изучению.

Исследование таких важнейших свойств информации, как ее относимость, достаточность и ценность с позиций ее связи с предметом доказывания, представляют чисто логические операции, требующие абстрагирования от процессуальной формы источников, из которых эта информация получена.

Достаточно в связи с этим сослаться на разработанные в праве процедуры и технологии введения в процесс заключений специалистов и информации, полученной в процессе оперативно-разыскной деятельности. На примере этих процедур отчетливо видно, что для преобразования информации из одной процессуальной формы в другую, в данном случае — непроцессуальной в процессуальную, необходимо абстрагировать содержание от формы и дать раздельную оценку относимости содержания и допустимости формы. Любые операции по информационному моделированию обстоятельств расследуемого события, в том числе с использованием кибернетических технологий, также требуют такого абстрагирования.

В ряде информационных и идентификационных систем, используемых при раскрытии и расследования преступлений, информация

фигурирует в «чистом» виде: усредненные признаки, графики, кибернетические модели и т. п. Это позволяет осуществлять сравнение, «взвешивание», индивидуализацию, дифференциацию и иным операции для разрешения заложенных в программы этих систем задач.

Таким образом, понятие криминалистической информации, обслуживающей эти функции, теоретически обосновано и практически необходимо на тех стадиях доказывания, когда содержательную сторону доказательств исследуют, отвлекаясь от способа их получения.

Понятие криминалистической информации как наиболее широкой категории фактических данных (независимо от формы их получения) следует отграничивать от понятий, характеризующих различные организационно-правовые формы ее получения: агентурная, оперативно-разыскная, заключение специалиста, консультация, беседа, ревизия, доследственная проверка, доказательства и др.

Любая из перечисленных форм может содержать может содержать или не содержать релевантные фактические данные и, соответственно, представлять или не представлять криминалистическую информацию. В судебном процессе может использоваться не любая криминалистическая информация, относящаяся к делу, а только та, которая соответствует требованиям допустимости, т. е. получена в специальной предусмотренной законом форме. Эта форма, дополняемая практикой высших судебных инстанций, составляет свод правил доказывания и требований процедуры, несоблюдение которых делает используемую в процессе информацию недопустимыми доказательствами. Оценка информации с позиций ее допустимости представляет наиболее существенную специфику судебного процесса, отличающую его от любых других форм фактологического анализа в других видах деятельности.

Доказательства в строгом процессуальном смысле представляют лишь одну из форм криминалистической информации. Такая информация появляется в деле лишь в результате доказывания и решения ряда предусмотренных законом задач доказывания. Они предусматривают обнаружение источника, декодирование и процессуальную фиксацию содержащейся в нем информации. Она исследуется в ходе осмотра, допроса, обыска и других следственных действий, основное содержание которых сводится к получению, систематизации и процессуальному оформлению криминалистической информации.

При этом и теоретически и практически важно выяснить, как решение отдельных задач доказывания влияет на свойства собираемой информации.

В числе этих задач наиболее существенными являются обнаружение материального носителя, источника, декодирование содержания фактических данных, их фиксацию и использование для установления существенных обстоятельств дела.

Решение указанных задач составляет отдельные грани, стороны, этапы отражения, познания субъектом доказывания обстоятельств расследуемого события. Вместе с тем, они характеризуют новые свойства

собираемой информации: ее материальный источник, ее содержание, ее системность, ее процессуальную форму. Таким образом, выделение указанных задач и свойств информации существенно не только в плане теоретического анализа познавательного процесса при доказывании, но и в чисто практическом аспекте, позволяющем уяснить цели доказывания на его отдельных стадиях доказывания и соответствующие им новые качества криминалистической информации:

1) криминалистическая информация (уровни процессуального использования):

- *мертвая* — объективное отображение обстоятельств события в окружающей среде,

- *латентная* — обнаружение, индивидуализация, фиксация источника информации,

- *потенциальная* — выявлено (декодировано) содержание фактических данных,

- *актуальная* — использована для установления обстоятельств дела в системе других фактических данных,

- *доказательства* — базовый уровень процессуального доказывания (процессуальная форма установления доказательственных фактов).

Итак, в составе криминалистической информации, помимо доказательств в собственном смысле, следует различать мертвую, латентную, потенциальную и актуальную информацию. Доказательства в собственном смысле должны быть не только выделены и процессуально зафиксированы по источнику, но и осмыслены субъектом доказывания и включены в соответствующую доказательственную систему. Так, в показаниях свидетеля к числу доказательств относятся только та информация, которая зафиксирована в протоколе допроса (в соответствующих случаях и на фонограмме) и использована для установления доказательственных и искомых фактов. Сведения, известные свидетелю, но не сообщенные им на допросе или должным образом не зафиксированные следует считать мертвой или латентной информацией.

При производстве экспертизы почерка в состав доказательства войдет только та часть содержащихся в рукописях идентификационных признаков, которая приведена в обоснование экспертного вывода в его заключении и иллюстрирована на фотоснимках. Остальная часть будет латентной или потенциальной информацией.

Следует иметь в виду, что обнаруживаемые и приобщаемые к делу источники доказательств: вещественные доказательства, фотоснимки, слепки, документы содержат зачастую обширную латентную и потенциальную информацию. Освоение, актуализация такой информации представляет важный резерв расследования. Повторные допросы и обыски, дополнительные экспертизы, повторные исследования собранных к делу доказательств в новых следственных ситуациях представляет, по-видимому, лишь отдельные формы актуализации потенциальной доказательственной информации.

Из сказанного следует, что доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей своей актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками. Такое понимание криминалистической информации, наряду со строго процессуальным пониманием доказательств, в наибольшей степени соответствует потребностям практики и задачам судопроизводства.

Определение криминалистической информации, в том числе используемой в процессуальной форме (доказательственной информации) и четкое уяснение ее свойств являются необходимыми условиями правильной трактовки процесса доказывания как познавательного и информационного процесса. Этот процесс связан с ростом актуальной информации и уменьшением неопределенности (энтропии) расследуемого события. В этом состоит суть информационного подхода к доказыванию, основа качественных и количественных критериев оценки доказательственной информации.

Позволяя проследить процесс возникновения доказательств из релевантной информации, оно, вместе с тем, строго отграничивает доказательства от любой другой циркулирующей в процессе доказывания, уточняет критерии относимости и допустимости, обеспечивает возможности формализации и логической обработки доказательственной информации.

Требует самостоятельного рассмотрения проблема использования в доказывании информации, полученной за рамками процессуальной процедуры, так называемой непроцессуальной информации. Необходимость рассмотрения этой проблемы вызвана тем, что доказывание как информационный процесс, является, особенно по уголовным делам, продолжением информационных процессов, возникших до следствия и суда.

Важно отметить, что фактологический анализ, как отмечалось выше, используется как метод исследования не только на предварительном расследовании и в суде, но и в процессе оперативно-разыскной деятельности, частном сыске, парламентском, общественном журналистском расследовании и других видах деятельности. Раскрытие преступлений, как важнейшая информационная задача, в весьма значительной своей части решается за рамками процесса доказывания.

Речь идет, следовательно, об использовании мощного информационного потенциала, накопленного за рамками процесса доказывания, для решения задач доказывания.

В общем виде вопрос о возможностях использования непроцессуальной информации не представляет сложности. Любая информация, в принципе, может быть использована в качестве доказательства, при том, однако, обязательном условии, что она удовлетворяет требованиям, предъявляемым законом к доказательствам.

Возможность использования в доказывании информации, полученной в процессе оперативно-разыскной деятельности, подтверждает

и ст. 11 соответствующего Федерального закона¹. При этом, однако, делается существенная оговорка о том, что такое использование должно осуществляться «в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

Однако закон ничего не говорит о механизмах преобразования непроцессуальной информации в процессуальную и формах ее использования в доказывании.

Проблеме использования непроцессуальной информации в доказывании посвящено значительное число работ². Вместе с тем, ряд актуальных аспектов данной проблемы еще не получил надлежащего решения. Между тем, они касаются не только чистоты доказательственных процедур, но и процессуальных гарантий. В первую очередь это относится к возможностям непосредственного использования непроцессуальной информации в доказывании. Что касается возможностей и способов опосредствованного использования непроцессуальной информации, то они требуют самостоятельного рассмотрения. Принципиально, на наш взгляд, разграничивать использование непроцессуальной информации в целях моделирования информационных процессов и ее использование в процессе доказывания. Если информационное моделирование не связано с принятием процессуальных решений и представляет чисто познавательную деятельность, в ее структуре может использоваться любая, в том числе оперативно-разыскная информация. Однако при переходе к доказыванию, процессу обоснования процессуально значимых выводов и решений должны неукоснительно соблюдаться предъявляемые законом требования к составу и качеству используемой информации. Это положение и должно рассматриваться как принципиальная основа использования непроцессуальных и процессуальных технологий в доказывании. Рассмотрим это принципиальное положение подробнее.

В составе непроцессуальной информации для доказывания релевантными являются сведения:

- 1) об обстоятельствах расследуемого события;
- 2) об источниках сведений об этих обстоятельствах.

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 133-ФЗ.

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник. М. : Новый Юрист, 1997. С. 154—156; Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация. М., 1991. С. 5—15; Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. М. : Инфра-М, 2000. С. 61; Хомколов В. П. Организация управлением оперативно-розыскной деятельностью. Системный подход. М. : Закон и право, ЮНИТИ, 1999. С. 53—54; Быховский И. Е. Производство следственных действий: учебное пособие. Л., 2007. С. 15; Зуев С. В. Использование оперативной информации в уголовном процессе : учебное пособие / С. В. Зуев ; под ред. В. И. Казакова. Челябинск : Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 11—29.

Эти сведения, наряду с использованием уже собранных по делу доказательств, могут использоваться для построения следственных версий и интегральной информационной модели расследуемого события.

Такая модель является информационной основой для организации и планирования расследования и принятия решений о производстве следственных действий и оперативно-тактических комбинаций (осмотров, обысков, допросов и др.).

Обнаруженные в ходе процессуальных действий и соответствующим образом процессуально оформленные источники и сведения будут формально включены в процесс доказывания.

Таким образом, основным способом использования в доказывании непроцессуальной информации является производство процессуальных действий, ведущих к обнаружению легальных источников доказательственной информации.

Обращаем внимание на то, что непроцессуальная информация используется в этом случае в процессе доказывания не непосредственно, а через информационную модель события, сформированную на основе всей установленной по делу информации. Ряд авторов считает возможным использование такой информации «в обоснование ею решений о проведении конкретных процессуальных (в том числе следственных действий — задержаний, обыска, допроса и др.; при принятии решений об обыске, выемке, наложении ареста на имущество, аресте корреспонденции и т. п.¹

Той же позиции придерживается С. В. Зуев, полагая, что непроцессуальная информация может служить достаточным основанием для принятия процессуальных решений².

Мы полагаем, что вопрос о непосредственном использовании непроцессуальной информации в доказывании и, особенно, для обоснования процессуальных решений, должен быть решен отрицательно в категорической форме. В противном случае, теряет смысл само различие процессуальной и непроцессуальной информации и роль доказательств как оснований принятия процессуальных решений.

Особые возражения вызывает обоснование непроцессуальной информацией процессуальных решений, связанных с ограничением гражданских прав и свобод³.

Отдельно следует сказать о более частных способах. Например, прямая легализация источника. Имеются в виду случаи допроса в качестве свидетеля, потерпевшего или подозреваемого секретного сотрудника правоохранительного органа, бывшего участником или свидетелем расследуемого события. Эти весьма сложные процедуры осуществля-

¹ Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999. С. 226—227.

² Зуев С. В. Указ. раб. С. 18.

³ Показательно в этом отношении резонансное дело Улюкаева, где результаты так называемого оперативного эксперимента были положены в обоснование судебного решения в отрыве от всех других доказательств по делу.

ются в форме специально подготавливаемых оперативно-тактических комбинаций, связанных со службами охраны свидетелей и др.

Весьма спорным в процессуальном отношении представляется способ введения в процесс оперативной информации, путем ее истребования следователем, дознавателем, прокурором (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Рапорт или сопроводительное письмо оперативного органа и даже постановление следователя об их приобщении к делу в качестве документов в порядке ст. 84 УПК РФ¹ вряд ли могут рассматриваться как допустимая процессуальная форма.

4.3. Доказательственные факты в структуре доказывания

В системе средств уголовно-процессуального доказывания доказательственные факты занимают промежуточное положение. С одной стороны, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан как адекватный действительности факт. Здесь доказательственный факт выступает в качестве тезиса и непосредственной цели доказывания. В качестве же аргументов, оснований выступают исходные фактические данные — доказательства. Так, при установлении факта недостачи ценностей у материально ответственного лица следователь анализирует акт ревизии, допрашивает ревизоров, осматривает не принятые ими документы, знакомится с объяснениями и личностью материально ответственного лица, заключением бухгалтера вышестоящей организации, выясняет условия хранения материальных ценностей и другие фактические данные, которые могут послужить в качестве исходных для вывода о наличии недостачи.

Установление доказательственного факта является во всех случаях результатом вывода, умозаключения, в основе которого лежат исходные фактические данные — доказательства: показания живых лиц, заключения экспертов, документальные данные, результаты осмотров, обысков, следственных экспериментов, опознаний и других процессуальных действий.

С другой стороны, доказательственные факты, будучи установленными, доказанными, но не имея уголовно-правового значения, выступают в качестве логических оснований, аргументов для выводов о главном факте, событии преступления. Так, факт недостачи ценностей у материально ответственного лица сам по себе может не иметь уголовно-правового значения, но в сочетании с фактами неоформленного надлежащими документами отпуска ценностей посторонним, фактами приобретения дорогих вещей, явно превышающих по стоимости легальные доходы этого лица, фактами обнаружения при его обыске крупных сумм денег и т. п., могут явиться достаточными логическими основаниями для вывода о совершении материально ответственным

¹ См. цит. выше работы А. Р. Белкина и С. В. Зуева.

лицом хищения путем растраты, т. е. преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Итак, доказательственные факты — это нейтральные в уголовно-правовом отношении факты, установленные путем исследования доказательств и служащие логическим основанием для вывода о подлежащем доказыванию событии преступления и всех его существенных в правовом отношении обстоятельствах.

Понятие доказательственного факта является одним из важнейших понятий теории судебных доказательств и его разработке традиционно уделяется серьезное внимание.

Особенно детальную разработку это понятие получило в теории улик (косвенных доказательств), которая, по справедливому замечанию М. С. Строговича: «в своей основе сводится к вопросу о доказательственных фактах, их связи с главным фактом»¹.

Признание опосредствованного характера доказывания уликами, отграничение улик, с одной стороны, от предмета доказывания, а, с другой — от исходных фактических данных, всегда рассматривались как исходные положения теории улик.

«Уликою, — как отмечал А. Жиряев, — должно быть признано всякое обстоятельство, которое по предполагаемой связи своей с одним из трех главных предметов уголовного исследования содержит в себе косвенное на действительность, или свойства их указание. Улики доказательны лишь тогда, когда сами они вполне доказаны»².

Особенно детально исследована структурная самостоятельность доказательственного факта М. М. Гродзинским. «Улики, — пишет он, — представляют собой установленные посредством различных источников доказательств факты, каждый из которых допускает предположение о причинной его связи с исследуемым преступлением и которые в совокупности своей служат косвенными доказательствами события преступления и виновности обвиняемого. Улики должны быть отличаемы от источников доказательств, с одной стороны, и от основных искомых фактов дела, — с другой. В отношении первых улики являются предметом доказывания; в отношении вторых улики сами служат доказательствами»³.

Указанная характеристика доказательственных фактов разделяется в основном и другими авторами.

Исследование доказательственных фактов в смысле средств доказывания требует:

2) выяснения соотношения доказательственных фактов с другими понятиями и средствами доказывания;

3) анализа содержания доказательственных фактов как элементов структуры процессуального доказывания;

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : АН СССР, 1955. С. 360.

² *Жиряев А.* Теория улик. Дерпт : тип. Г. Лаакманна, 1855. С. 34.

³ *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. М., 1944. С. 117.

4) определения содержания, способов получения и значения доказательственных фактов.

Понятие доказательственного факта в ряде случаев отождествляется с понятием обстоятельства дела.

«Обстоятельства уголовного дела, — пишет М. С. Строгович, — это тоже факты, а не что-либо иное, но только такие факты, которые как бы составляют части, отдельные черты и свойства того факта, который образует основное содержание обвинения или связан с ним. К нему присоединяется В. Д. Арсеньев. Той же позиции придерживается М. А. Чельцов¹.

Отождествление обстоятельств и фактов неправильно, по нашему мнению, в методологическом отношении.

В процессе доказывания необходимо ограничивать, с одной стороны, предметы и явления, существующие объективно, вне и независимо от сознания судьи и следователя, с другой стороны, — субъективные отображения этих предметов и явлений, психические образы их. Указанному разграничению в процессе доказывания соответствуют понятия обстоятельства и фактов.

Говоря об «обстоятельствах», уголовно-процессуальный закон во всех случаях имеет в виду обстоятельства, подлежащие «исследованию», «выявлению», «доказыванию», «установлению» (ст. 73, 74, 85, 90 и др.), т. е. объективно существующие явления, объекты познания в процессе уголовного судопроизводства.

Под доказательственными фактами имеют в виду факты, свойствами которых является соответствие действительности, доказанность т. е. результат исследования, познания объективных явлений, предметов.

Иными словами, понятие «обстоятельства дела» соответствует в гносеологическом плане понятию «объект исследования». Понятие же «доказательственного факта» — психическому отображению объекта его образу.

Разграничение объекта и образа, обстоятельств дела и отображающих их фактов имеет не только структурно-познавательное, но и непосредственное практическое значение.

В процессе судебного исследования доказательственные факты не есть нечто заранее данное, существующее априори. Доказательственные факты сами должны быть исследованы выявлены, установлены, доказаны. При этом само соответствие образа действительности, его адекватность также должны быть установлены, доказаны.

Смещение объекта и образа может привести к использованию в качестве доказательственных фактов образов, сведений, данных, истинность которых не установлена, но принимается как факт. Об этом правильно пишет М. С. Строгович: «В следственной и судебной прак-

¹ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : АН СССР, 1955. С. 349—356; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юрид. лит., 1964. С. 79; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 136 [и др.].

тике встречается иногда эта ошибка — использование в качестве доказательственных фактов таких фактов, которые сами не доказаны с достоверностью, но которые указывают некоторые источники (показания свидетелей и др.), нуждающиеся в проверке»¹.

Из числа существенных для правильного разрешения дела не подлежат доказыванию только общеизвестные факты, а также факты, установленные вступившими в законную силу приговорами, определениями о прекращении дела, решениями по гражданскому делу, а также неотмененными постановлениями о прекращении дела прокурорско-следственных органов (п. 4, 5 ст. 27, ст. 90 УПК РФ).

Таким образом, и слияние объекта и образа, их тождество, в смысле адекватности образа объекту, можно понимать лишь как задачу, цель доказывания. Сам же процесс познания связан с мысленным отделением и сопоставлением объекта и образа, в результате чего только и может быть достигнуто адекватное отражение действительности.

В юридической литературе доказательственные факты нередко отождествляются с исходными фактическими данными — доказательствами. «...Доказательствами, — пишет М. П. Шаламов, — могут быть лишь доказательственные факты, или <...> фактические данные»².

Некоторые авторы считают, что доказательственные факты входят в состав понятия судебного доказательства, составляют содержание судебного доказательства. «Доказательственным фактом как в прямом, так и в косвенном доказательстве будут определенные сведения о фактах, подлежащих разрешению по делу»³. Отождествление исходных фактических данных (доказательств) и доказательственных фактов ведет к смешению различных уровней доказывания, существенным теоретическим и практически ошибкам.

В другой своей работе тот же автор утверждает, что «доказательством может считаться только правдивая информация» и «достоверность сведений» необходимое свойство доказательств⁴. Данное утверждение основано на очевидном смешении доказательств, как исходных фактических данных, и доказательственных фактов, как оснований принятия судебных решений. Содержание доказательств составляют сведения, информация о подлежащих установлению обстоятельствах дела. Доказательственные же факты — это адекватно отраженные в сознании следователя и судьи обстоятельства дела.

Сведения, информация об обстоятельствах дела, содержащиеся в доказательствах, могут быть неполными, неточными, ошибочными, ложными. Это не означает, однако, что от этого доказательства перестают быть доказательствами. В этом случае нам придется исключить

¹ Строгович М. С. Указ. раб. С. 350.

² Шаламов М. П. Теория улик. М. : Госюриздат, 1960. С. 40.

³ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959. С. 16.

⁴ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М. : Городец, 2008. С. 92, 98.

из их числа большую часть показаний обвиняемых, потерпевших, многих свидетелей и даже некоторых экспертов. Доказательственные факты — это адекватное, соответствующее действительности отражение в сознании субъекта доказывания и процессуальных актах исследуемых обстоятельств дела. В этом заключается принципиальное различие доказательств и доказательственных фактов, которое необходимо учитывать как в теоретических построениях, так и при практическом оперировании указанными средствами доказывания.

Доказательства, как исходные фактические данные, также адекватно отражают действительность.

В протоколе соответствующего процессуального действия должно быть отражено только то, что объективно существует и было воспринято следователем и судьей в процессе допроса, осмотра, обыска, следственного эксперимента и т. д.

Однако адекватность (изоморфизм) доказательства не влечет адекватности соответствующего ему доказательственного факта. Так, показания свидетеля, обвиняемого, заключения экспертов признаки предметов и документов могут быть адекватно отражены сознанием следователя, зафиксированы в соответствующих процессуальных документах и признаны судебными доказательствами. Вместе с тем, они могут не отражать адекватно тех обстоятельств дела, о которых они содержат информацию: заключение эксперта может быть неточным или ошибочным, сведения, содержащиеся в показаниях и документах, — ложными. Указанное обстоятельство обуславливает сложный многоступенчатый, опосредствованный характер познания расследуемого события.

Обстоятельства расследуемого события, как факты прошлого, отображаются в предметах, документах, сознании живых лиц в преобразованном виде, в виде следов, признаков, информации, сведений.

Соответственно этому и познание, отражение расследуемого события не может быть зеркальным прямым, непосредственным. Вначале следователь и судья должны адекватно отразить в своем сознании информацию, сведения о расследуемом событии. Содержащие эту информацию предметы, следы, документы, показания живых лиц — суть непосредственно воспринимаемые явления объективной действительности, факты настоящего.

Переход от непосредственно воспринятых фактов настоящего к обстоятельствам расследуемого события, лежащим в прошлом, представляет сложное опосредствованное исследование. Оно предполагает анализ условий передачи хранения и преобразования информации в источниках, выявление наличия и характера действия помех, обратное преобразование сигналов, их дешифровку и т. д.

При этом факты настоящего, сигналы информации в виде материальных признаков вещей, знаков документов и сообщений живых лиц выступают как основа исследования. Обстоятельства же расследуемого события — как предмет, задача исследования.

Таким образом, непосредственно воспринимаемые факты настоящего — доказательства и выводные, опосредствованным путем устанавливаемые доказательственные факты образуют два разнородных слоя фактов, лежащих в основе процессуального доказывания.

Доказательственные факты, объективно установленные в процессе доказывания, необходимо отграничивать от информации об этих фактах, содержащейся в источниках. Смешение их с информацией об этих фактах представляет одну из распространенных ошибок практического использования доказательств. Вместо того чтобы критически оценить сведения, полученные от свидетелей, экспертов, извлеченные из документов или других источников, некоторые следователи и судьи принимают их на веру как установленные факты и кладут в основу приговора и судебного решения. Между тем, ошибка в основаниях может, как это известно из логики, привести к ошибке в выводе по существу дела.

В отличие от доказательства доказательный факт не может быть просто обнаружен и удостоверен. Он должен быть доказан, т. е. логическим путем выведен из других фактов, иными словами, должна быть доказана его необходимая связь с другими, ранее установленными фактами и доказательствами.

В процессе же доказывания необходимо четко отграничивать то, что доказывается, от того, чем доказывается. В противном случае не будет самого логического следования, доказывания.

Цикл получения и проверки информации замкнут в условиях непосредственного исследования на единичном источнике. При установлении доказательственного факта нельзя ограничиться единичным источником. Содержащаяся в нем информация может быть неполной, ложной и потому должна быть проверена с помощью других источников информации. В связи с этим процесс получения и проверки информации при установлении доказательственного факта касается не единичного источника, а охватывает всю совокупность источников, содержащих нужную информацию.

Проследим различие доказательств и доказываемых фактов на примере показаний свидетеля и заключения эксперта.

Сообщение свидетеля о пребывании обвиняемого на месте преступления есть, в первую очередь, непосредственно воспринимаемый следователем факт настоящего. Этот непосредственно воспринятый и зафиксированный в протоколе допроса факт и является судебным доказательством. От него необходимо четко отграничивать предмет показаний свидетеля — пребывание обвиняемого на месте преступления. Этот факт, как факт прошлого, не может быть воспринят непосредственно и подлежит доказыванию¹.

Доказывание этого факта осуществляется путем использования всей совокупности источников, содержащих нужную информацию: показа-

¹ Ставя свою подпись под протоколом допроса, следователь удостоверяет ею не предмет показаний свидетеля — пребывание обвиняемого на месте преступления, а только непосредственно воспринятое им сообщение свидетеля.

ний других свидетелей, видевших обвиняемого на месте преступления или вблизи него, показаний потерпевшего о нахождении обвиняемого, показаний самого обвиняемого о месте его пребывания в момент преступления, данных осмотра места преступления, заключения экспертизы об идентификации обуви обвиняемого по следам на месте преступления и других данных.

Вывод о соответствии или несоответствии показаний свидетеля действительности делается не путем оценки единичного источника, а на основе логической переработки всей совокупности данных, собранных в процессе расследования относительно этого факта.

Заключение эксперта о причинах смерти потерпевшего также представляет объективно существующий и непосредственно воспринимаемый следователем и судом факт — доказательство. Его необходимо четко отграничивать от факта прошлого — причины смерти, составляющей предмет экспертизы, и подлежащей доказыванию в процессе.

Вывод эксперта о доказываемом факте нельзя отождествлять с самим доказываемым фактом, а исследование, проведенное экспертом, с процессом судебного доказывания факта, бывшего предметом экспертизы. Вывод эксперта не является для следователя и суда обязательным. Он используется лишь как одно из средств установления доказываемого факта, наряду с ним в процессе доказывания факта, бывшего предметом экспертизы, следователь и суд используют фактические данные — доказательства, полученные из других источников. Так, для установления причин смерти следователь использует не только данные экспертизы, но и данные внешнего осмотра трупа и места его обнаружения, результаты судебно-медицинского вскрытия, осмотра найденных у умершего вещей и документов, показания родственников умершего, очевидцев преступления и др. При этом, как показывает практика, в выводы эксперта могут быть внесены существенные коррективы.

Возникает вопрос, может ли следователь и суд при отсутствии у них специальных познаний сформулировать свое умозаключение по поводу факта, бывшего предметом экспертизы?

Если следователь и суд будут при этом опираться только на те материалы «объекты исследования», которыми пользовался эксперт, эту задачу они разрешить не смогут. Необходимая связь исходных фактов и выводов в этом случае может быть установлена только при наличии специальных знаний. Из этой предпосылки следователь и суд исходили уже при назначении экспертизы. Иначе следует ответить на этот вопрос в случаях, когда для установления искомого факта следователь и суд пользуются дополнительными материалами, всей находящейся в их распоряжении информацией.

На такой базе умозаключение о доказываемом факте часто оказывается возможным и без специальных познаний. Так, оценка заключения эксперта — трасолога, установившего, что след пальца, найденный на месте преступления, оставлен обвиняемым, сама по себе недостаточна

для установления факта пребывания обвиняемого на месте преступления. Оценка совпадений признаков папиллярного узора пальца требует специальных знаний, которыми ни следователь, ни суд не располагают.

О доброкачественности или недоброкачественности проведенного экспертом исследования они могут судить лишь по формальным признакам.

Следователь и суд могут, однако, воспользоваться и другими средствами установления того же факта. Они могут получить показания обвиняемого о его местонахождении в момент совершения преступления и проверить их, выяснить бывал ли он вообще на месте преступления, опросить очевидцев и провести опознание обвиняемого, сравнить другие следы и предметы, найденные на месте преступления, с предметами обвиняемого и т. д.

В результате следователь и суд получают достаточные основания для надежной оценки заключения эксперта и вывода по существу доказываемого факта. Эксперт не может ограничиться констатацией искомого факта. Он должен доказать его, а это значит — доказать наличие исходных фактических данных и необходимую связь между ними и выводом — искомым фактом. Этот процесс особенно нагляден при доказывании экспертом своего заключения в ходе судебного заседания с участием сторон. В свою очередь, следователь и суд не могут ограничиться пассивным ознакомлением с заключением эксперта. Исследования специалистов и экспертов не освобождают следователя и других субъектов доказывания от активного доказывания фактов с помощью других процессуальных средств. Задача следователя и суда состоит в обнаружении и исследовании других источников, содержащих необходимую информацию о доказываемом факте, и правильной оценке этой информации наряду с заключением эксперта.

При этом информация, полученная от эксперта, будет проверяться данными осмотра места происшествия, сведениями, полученными из документов, свидетельских показаний и др. источников. В свою очередь эти последние данные должны быть оценены с учетом заключения эксперта. Только всестороннее использование всех доступных следователю и суду источников доказательств может обеспечить объективное установление доказательственного факта. Это положение особо важное значение приобретает в тех случаях, когда база экспертного исследования недостаточна и выводы эксперта по тем или иным причинам нуждаются в дополнительном обосновании и проверке.

Вывод эксперта имеет значение для следователя и суда лишь постольку, поскольку он основан на определенных исходных фактах. Если исходные факты, положенные в основу вывода недостаточны или противоречивы, даже категорическое заключение эксперта теряет свое значение. Напротив, если установленные экспертом фактические данные основательны, а вывод логически безупречен, и вероятное заключение эксперта приобретает значение в установлении наличия или отсутствия доказательственного факта.

В связи с изложенным нельзя согласиться с позицией авторов, рассматривающих заключение экспертизы не как средство обнаружения истины, средство установления доказательственных фактов, а как саму истину, объективно установленный факт. «Заключения экспертов, — пишет А. В. Дулов, — носят характер объективной истины, верно отражающей определенные обстоятельства данного дела»¹.

Такая характеристика заключения эксперта может способствовать распространению некритического подхода к выводам экспертов.

Таким образом, доказательственные факты — это выводные факты, полученные путем опосредствованного исследования.

В. Д. Арсеньев говорит о непосредственно воспринимаемых доказательственных фактах нестоящего, под которыми он понимает результаты опознания и следственного эксперимента².

Конструкция непосредственно воспринимаемого доказательственного факта в принципе противоречит общепризнанному понятию доказательственного факта. То, что нуждается в доказывании, нельзя воспринимать непосредственно. Как это было показано выше, существенным свойством доказательственного факта является его доказанность. Прежде чем стать основой последующих умозаключений о главном факте, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан. Этим он отличается и от главного факта и от исходных фактических данных — доказательств.

Конструкция непосредственно воспринимаемого доказательственного факта противоречит указанным, структурным представлениям и ведет к смешению доказательственных фактов с доказательствами. В действительности как при производстве опознания, так и при производстве следственного эксперимента непосредственно воспринимаются не доказательственные факты, а лишь показания живых лиц, результаты их действий, исследуемых предметов, помещений и т. д., т. е. то, что охватывается понятием источников и средств доказывания.

Так, путем предъявления подозреваемого для опознания очевидцу преступления следователь, стремится установить тождество (или различие) предъявляемого лица и преступника. Тождество (или различие) указанных лиц и есть подлежащий установлению доказательственный акт. Нетрудно убедиться, что ни в ходе опознания, ни после него следователь не может непосредственно воспринимать указанный факт. Непосредственно воспринимаются только даваемые же по поводу этого факта показания опознающего.

Переход от непосредственно воспринимаемых показаний к доказательственному факту связан с проверкой показаний. Он требует анализа условий восприятия, при которых очевидец наблюдал преступника, оценки признаков, на основе которых произведено опознание, вывода об обоснованности опознания, привлечения контрольных

¹ Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959. С. 7.

² Арсеньев В. Д. Указ. раб. С. 21.

и дополнительных данных из других источников, т. е. представляет цепь опосредствований, умозаключений.

Аналогично оцениваются и результаты следственного эксперимента. Здесь также результаты непосредственных восприятий необходимо строго отграничивать от логических выводов, умозаключений о подлежащих установлению фактах. Так, например, вывод о том, что, находясь в соответствующих условиях, свидетель мог (или не мог) воспринимать явления, о которых он дает показания, есть результат цепи умозаключений. Этот вывод предполагает исследование самих свидетельских показаний, условий восприятия события свидетелем, условий их воспроизведения в процессе следственного эксперимента, соответствия указанных двух групп условий, влияния на результаты эксперимента невоспроизведенных обстоятельств, количества опытов, влияния помех и т. д. и т. п.

Признание данных непосредственного восприятия доказательственными фактами может привести практически только к некритическому их использованию и ошибкам в процессе доказывания.

Различие непосредственного и опосредствованного исследования имеет принципиальное значение, так как характеризует качественный скачок в познании, высшую ступень доказывания.

Смешение непосредственного и опосредствованного исследования, принятие доказательств за доказательственные факты влечет существенные ошибки в доказывании. На практике такие ошибки встречаются довольно часто и состоят в непосредственном установлении доказательственных фактов. Так, например, бурые пятна на одежде подозреваемого принимаются за пятна крови, бухгалтерская ошибка рассматривается как факт недостачи, сходство сравниваемых следов принимается за тождество оставивших их объектов, наличие исправления в документе расценивается как факт его подделки и т. д.

Логическое исследование взаимосвязи фактов подменяется в этих случаях «непосредственным усмотрением» доказательственного факта. Понятно, что такого рода «усмотрение» ничего общего с действительным доказыванием не имеет.

Достоверность, доказанность устанавливаемых фактов могут быть обеспечены лишь при условии строгого разграничения результатов непосредственного восприятия и опосредствованного вывода, логического умозаключения.

Именно в этом и состоит логический и процессуальный смысл разграничения доказательств и доказательственных фактов.

Установленный законом порядок доказывания строго разграничивает процессуальное оформление, способ введения в процесс доказывания непосредственно установленных и доказательственных фактов.

Непосредственно устанавливаемые факты — доказательства процессуально оформляются протоколом того следственного или судебного действия, в ходе которого они были установлены.

Выводы и умозаключения лиц, осуществляющих доказывание, строго отграничиваются от доказательств и могут найти отражение

только в процессуальных документах иного типа — документах, отражающих решения уполномоченных государством органов: постановлениях, определениях, решениях, приговорах.

В соответствии с принципом непосредственности вся цепь умозаключений, приводящая к установлению предмета доказывания, должна вытекать и полностью основываться на непосредственно установленных источниками фактических данных.

Доказательственные факты представляют выводное, оценочное знание, необходимо вытекающее из непосредственно установленных источниками фактов. Факты-умозаключения представляют как бы логические опорные пункты процесса доказывания, ведущие к установлению предмета доказывания. Обязательность факта-умозаключения обуславливается не его процессуальной формой (такая форма в отдельных случаях уста наливается законодателем, например, для заключения эксперта), а необходимым характером тех реальных связей, на которые опирается умозаключение. Если такие связи отсутствуют или не имеют необходимого характера, умозаключение, сделанное одним участником доказывания, будет опровергнуто другим участником.

В связи с изложенным применительно к доказательственному факту нельзя признать точными часто встречающиеся в юридической литературе выражения и «факт, почерпнутый из источника» или «факт, содержащийся в источнике». В источниках содержатся не доказательственные факты, а информация о них. Можно поэтому говорить о том, что из источника получена информация, сведения, фактические данные, но не доказательственный факт. Установление доказательственного факта есть результат проверки доказательства. Последняя же требует привлечения комплекса познавательных средств и совокупности источников, достаточных для проверки информации, составляющей содержание проверяемого доказательства. О необходимости привлечения совокупности источников для установления главного факта правильно отмечалось в юридической литературе¹. Высказанные при этом соображения полностью относятся, по нашему мнению, к установлению доказательственных фактов.

Каждый доказательственный факт устанавливается с помощью определенной системы доказательств. Таковы, например, факты недостачи ценностей у материально ответственного лица, безвестного отсутствия потерпевшего, его насильственной смерти, враждебных отношений обвиняемого и потерпевшего. В связи с этим правомерно утверждать, что понятию доказательственного факта соответствует понятие частной системы доказательств, с помощью которой данный доказательственный факт устанавливается.

Формирование частой системы доказательств представляет существенный структурный и динамический элемент доказывания. Из опре-

¹ Шаламов М. П. Указ. раб. С. 41; Петрухин И. Л. Понятие, основные принципы и субъекты оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М. : Юрид. лит., 1966. С. 341.

деленной совокупности таких элементов складывается процесс доказывания. Вместе с тем из совокупности частных систем образуется общая система доказательств, устанавливающая все необходимые для правильного решения дела обстоятельства. Таким образом, в отличие от доказательств, которые устанавливаются и вводятся в процесс доказывания путем непосредственного исследования материальных источников информации, доказательственные факты устанавливаются опосредствованным путем.

Говоря о путях получения доказательственных фактов, нельзя не указать на существенное различие двух основных способов их установления.

1. Первый (основной) способ установления доказательственных фактов связан с исследованием конкретного источника и анализом содержащейся в нем информации. При этом информация, содержащаяся в других источниках, привлекается для восполнения и контроля информации, содержащейся в исходном источнике. Этот способ установления доказательственных фактов может быть назван информационным. Примеры установления доказательственных фактов указанным способом (проверка показаний свидетеля, оценка заключения эксперта и т. п.) были приведены выше.

2. Второй (дополнительный) способ установления доказательственных фактов основан на логическом анализе уже установленных фактов, т. е. предполагает наличие доказательственных фактов, установленных информационным путем. Так, исследуя способ совершения преступления, следователь в ряде случаев умозаключает об отдельных свойствах преступника, его взаимоотношениях с жертвой, отдельных обстоятельствах совершенного преступления.

Так, на основе сопоставления использованного преступником способа взлома, выбора места взлома, ведущего к внутренним запорам, и орудий взлома, удается судить о знании (или незнании) преступником устройства взламываемой преграды и его общей ориентировке на месте преступления. Эти обстоятельства, в свою очередь, используются для определения круга лиц, в числе которых следует искать преступника.

В. Д. Арсеньев различает информационный и гипотетический путь доказывания. «Доказательственные факты, — пишет он, — дают возможность установить обстоятельства дела гипотетическим путем, а средства доказывания дают возможность установить доказательственные факты, как правило, информационным путем»¹.

Разграничение информационных и логических способов доказывания нельзя понимать как их противопоставление.

Информационный способ также предполагает версии умозаключения и опирается на логические закономерности. Так, например, при проверке показаний обвиняемого (информационный путь доказыва-

¹ Арсеньев В. Д. Указ. раб.

ния) следует учитывать как версию обвиняемого, так и версии, вытекающие из осмотра места происшествия, и др. данных. Вывод о соответствии или несоответствии показаний обвиняемого действительности должен быть логически обоснованным.

Разграничение этих способов позволяет лучше уяснить их соотношение. Собственно, логические приемы доказывания не связаны с проверкой информации, полученной из конкретного источника. Они опираются на уже установленные, проверенные факты. Способ совершения и сокрытия следов убийства, например, обезображение лица трупа, уничтожение имеющихся на теле особых примет, уничтожение документов и одежды свидетельствует о намерении преступника всячески затруднить опознание трупа, а это, в свою очередь, указывает на близкую связь преступника и жертвы, которая может быть ключом к раскрытию преступления. Сопоставление объема использованного сырья и сумм, выплаченных рабочим за изготовление продукции, позволяет в ряде случаев умозаключить об объеме фактически изготовленной продукции, которая может значительно превышать объем продукции, сданной на склад по приемным актам. Сопоставление расхода тары на складе готовой продукции с транспортными расходами позволяет установить объем фактически вывезенной со склада продукции, который может быть значительно больше количества товаров, указанных в расходных накладных. Установление указанных фактов имеет существенное значение при расследовании хищений на промышленных предприятиях и складах.

Логический характер имеют выводы на основе анализа так называемых негативных обстоятельств. При осмотре пожарища был обнаружен обгоревший труп владельца сгоревшего дома. Расследование выясняло, погиб ли владелец дома в огне, или был убит еще до пожара. Лабораторное исследование крови, извлеченной из трупа, показало, что в ней отсутствует окись углерода, всегда обнаруживаемая в крови заживо сгоревших.

Исследование взаимосвязи указанных фактов позволило установить новый существенный для дела факт: смерть потерпевшего наступила до того, как он оказался в огне и не явилась следствием пожара. Из этого факта, в свою очередь, были сделаны получившие подтверждение в ходе дальнейшего расследования выводы об обстоятельствах преступления и преступниках. При освидетельствовании потерпевшего от разбойного нападения на отдельных частях его тела были обнаружены повреждения, нанесенные колюще-режущим оружием. Однако при сопоставлении этих повреждений с аналогичными повреждениями на одежде потерпевшего обнаружилось их несоответствие по расположению, которое обязательно имело бы место в случае, если одежда была в момент нанесения повреждений на потерпевшем. Последовал вывод о том, что повреждения, имеющиеся на представленной потерпевшим одежде, нанесены не одновременно с ранениями, имеющимися на теле потерпевшего. Это обстоятельство в совокупности с другими фак-

тами привело к установлению инсценировки разбойного нападения «потерпевшим»¹. Доказательственные факты, установленные на основе доказательств, являются выводными фактами первого порядка. В процессе исследования их логических связей устанавливаются факты, которые могут быть условно выделены как доказательственные факты второго, третьего и, возможно, более высокого порядка. Исследование продолжается до тех пор, пока установленные факты не заполняют все звенья логической взаимосвязи, ведущей от доказательств к главному факту.

Отдельного рассмотрения требует доказывание так называемыми прямыми доказательствами, под которыми понимаются источники, содержащие информацию об элементах главного факта. Таковы, например, показания группы очевидцев, потерпевшего и признательные показания задержанного с поличным, якобы прямо устанавливающие факт кражи.

Прямое доказывание главного факта источниками доказательств представляет грубую и широко распространенную на практике методологическую ошибку. Она основана на упрощенных представлениях об уровневой структуре доказывания и смешении уровне непосредственного и опосредствованного доказывания. Находящийся в прошлом главный факт не может восприниматься непосредственно и доказываться прямо, что доказано классическими работами по теории улик. Путь к главному факту во всех случаях ведет от системы предварительно установленных доказательственных фактов, а сложность процесса расследования и доказывания определяется только количеством опосредствующих звеньев, лежащих между исходными данными и главным фактом.

Различие информационного и логического пути установления доказательственных фактов имеет, на наш взгляд, немаловажное методическое значение. Такое разграничение ориентирует на углубленную теоретическую разработку указанных способов и дифференцирование их применения на практике. Следует отметить, что информационный способ установления доказательственных фактов уже получил серьезную разработку в уголовно-процессуальном и криминалистическом аспектах применительно к исследованию отдельных источников доказательств. В настоящее время можно говорить о технологиях производства отдельных следственных действия: допроса и оценки показаний свидетелей, обвиняемых, потерпевших, осмотра места происшествия, обыска, производства и оценки экспертизы, следственного эксперимента и др.

Этого нельзя сказать о логическом способе установления доказательственных фактов. Теоретическая разработка этого способа, требующая всестороннего применения развитого аппарата формальной и диалек-

¹ Случай приводится по: *Степичев С.* Расследование разбоев : метод. пособ. М. : Госюриздат, 1955. С. 86.

тической логики, находится пока в самом начале своего развития. Это начало положено работами А. А. Старченко и А. А. Эйсмана, и была продолжена в цикле работ В. Я. Колдина¹.

Из сказанного видно, что доказательства и доказательственные факты существенно различаются по способу получения, способу введения их в процесс доказывания. Наряду с этим, различается и функция, и значение рассматриваемых средств доказывания. Как было подробно показано выше, доказательства есть исходные фактические данные. На доказательствах должны быть основаны и к ним должны быть сведены любые выводы о подлежащих установлению обстоятельствах дела. Однако, поскольку сведения об этих обстоятельствах, образующие содержание доказательств, могут быть как истинными, так и ложными, доказательства не должны рассматриваться как логические основания судебного решения. Эту функцию могут принять на себя только проверенные доказательства, т. е. достоверно установленные обстоятельства дела — доказательственные факты.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и непроверенных данных. Обоснование приговора недостаточно исследованными данными и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела представляет основание к отмене приговора (см. ст. 297, 307, 339, 340, 348, 351 УПК РФ).

Указные принципиальные положения закона последовательно вводятся в судебной практике. Верховный суд РФ неоднократно в своих постановлениях и определениях указывал о том, что предположительно установленные факты не могут служить основанием для постановления приговора или принятия судебного решения. Так, Верховный суд отметил, что иногда суды без надлежащей оценки обстоятельств, предшествовавших преступлению, основывают свое решение на неправильном представлении о характере происшедшего события, не уточняя мотивов поведения осужденного, и зачастую принимают во внимание лишь тяжесть причиненного вреда, что приводит к неправильной квалификации действий виновных, а также допускают ошибки в применении материального закона из-за неполного исследования обстоятельств, имеющих значение для квалификации действий виновных².

При рассмотрении дел в отношении нескольких подсудимых, по которым подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, суд в приговоре должен дать анализ доказательств по каждому обвинению и в отношении каждого подсудимого³.

¹ Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М. : Госюриздат, 1958; Эйсман А. А. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. Вып. 12. М., 1964. С. 50—69; Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11; Колдин В. Я. Роль вероятного заключения эксперта // Советская юстиция. 1962. № 15—16; Он же. Судебная идентификация. С. 3—98.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II кв. 2000 г. С. 14.

Особое значение придает Верховный Суд обоснованности выводов суда по вопросам назначения вида и размера наказания¹.

Специфика исследования и оценки доказательств в суде присяжных и необходимость обоснования вердикта присяжных на объективно установленных обстоятельствах дела потребовали от законодателя более детальной регламентации этих процедур. К их числу относится, в частности, напутственное слово председательствующего, в котором специальное внимание присяжных обращается на принципы и правила оценки доказательств. Их выводы не могут основываться на предположениях, а также доказательствах, признанных судом недопустимыми.

Ст. 339 УПК РФ прямо указывает на обстоятельства, которые должны быть доказаны и положены в основу вердикта: наличие деяния, его совершение подсудным, его виновность.

Особое значение Верховный Суд РФ придает соблюдению принципа объективности при рассмотрении дел данной категории. Так, Пленум указал, что при нарушении Председательствующим принципа объективности, при изложении в напутственной речи позиций обвинения и защиты в оценке доказательств по делу, влечет за собой отмену приговора. При этом присяжным разъясняется, что доводы сторон, изложенные в их позициях, не являются доказательствами. Их собственные выводы должны основываться исключительно на тех доказательствах, которые исследованы в их присутствии по их внутреннему убеждению².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11 июня 1999 г. № 40.

² Комментарий к УПК РФ / под ред. В. И. Радченко. М., 2003. С. 732.

Термины

Специальные

Интегральная модель исследуемого события — рабочее предположение исследователя, опирающееся на все известные фактические данные об исследуемом событии и непротиворечиво объясняющая все обстоятельства этого события.

Интегральная следственная версия — предположение следователя о характере и обстоятельствах расследуемого события, опирающееся на все установленные фактические данные и все их непротиворечиво объясняющее.

Материальная обстановка — материальная среда развития события, подлежащего расследованию (исследованию).

Материальные комплексы — вещественные источники, представляющие сложные материальные системы, интегрированные ситуационной совокупностью пространственно-временных, причинно-следственных, функциональных, субстанциональных, генетических и иных связей.

Материальная обстановка — материальная среда развития события, подлежащего расследованию (исследованию).

Механизм расследуемого (исследуемого) события — целостная динамическая структура взаимодействия материальных объектов, рассматриваемая в общей системе расследуемого события.

Механизм следообразования — параметры взаимодействия следообразующего и следовоспринимающего объектов, приводящего к образованию следа.

Многостороннее взаимодействие — следовое взаимодействие объектов, связанное с образованием трех и более самостоятельных информационных полей.

Ситуалогический анализ (следственный, судебный) — исследование целостной структуры механизма расследуемого события на основе общей системы фактических данных о расследуемом событии.

Ситуалогический анализ (экспертный) — экспертное исследование целостной структуры расследуемого события на основе информации, содержащейся в материальной обстановке и следовой картине события, представленной как совокупный объект экспертизы.

Следовая картина — целостная система, отображающая в материально-фиксированной форме всю сумму относящихся к предмету доказывания обстоятельств исследуемого события и представляющая совокупный след этого события.

Следственно-экспертная ситуация — проблемная ситуация расследования, требующая для своего разрешения привлечения специальных знаний в форме экспертизы.

Суммирование информации — метод обоснования экспертного вывода и доказывания, основанный на совокупном использовании информации об объекте исследования и предмете доказывания, полученной из различных источников.

Факт контактного взаимодействия — частный случай многостороннего взаимодействия в ситуации: взаимодействия лиц, одежды и окружающей обстановки.

Базовые¹

Криминалистический анализ — криминалистическое исследование, направленное на обнаружение источников и декодирование релевантной информации, обеспечивающей решение криминалистических, процессуальных и материально-правовых задач.

Информационный канал — коммуникационная система, используемая для передачи данных от объекта А (расследуемое событие) объекту Б (субъект расследования).

Сигнал — физический процесс, используемый для передачи информации.

Носитель — материальный объект, выделенный в обстановке расследуемого события в качестве потенциального источника криминалистической информации.

Источник — выделенная в процессе фактологического анализа система свойств носителя, измененных под воздействием расследуемого события.

Информационное поле — выделенный в составе источника поток однородной информации об обстоятельстве, подлежащем установлению в соответствии с задачами фактологического исследования и доказывания.

Информационный уровень доказывания — обнаружение фиксации, исследование и оценка информации, полученной посредством непосредственного (сенсорного) контакта с источником информации.

Частная система доказательств — система фактических данных, используемая для установления конкретного доказательственного факта.

Доказательственный факт — обстоятельство расследуемого события, являющееся предметом доказывания и установленное соответствующей частной системой доказательств.

Логический уровень доказывания — установление и доказывание обстоятельств расследуемого события посредством анализа логических связей, предварительно установленных доказательственных фактов.

¹ Впервые полное рассмотрение указанного терминологического аппарата было дано в работе «Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания» М., 2002. С. 1—93.

Общая система доказательств — документированная система фактических данных, представляющая процессуальную информационную модель расследуемого события в конкретной ситуации и стадии процесса доказывания.

Фактологическая матрица события — замкнутая система установленных в результате доказывания доказательственных фактов, адекватная предмету доказывания и составу расследуемого преступления и используемая для обоснования процессуально-правового решения.

Верификация оснований правового решения — аутентификация фактологической матрицы и правовой модели расследуемого события путем сведения выводов к их обоснованию и тестирования надежности их информационных и логических связей.

Список литературы

Вещественные доказательства. Информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В. Я. Колдина. — М. : Норма, 2002.

Видонов, Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев / Л. Г. Видонов. — Горький, 1978.

Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. — М., 1908.

Жбанков, В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и практической деятельности органов внутренних дел при собирании, оценке и использовании доказательств / В. А. Жбанков. — М., 1977.

Зеленковский, С. П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство / С. П. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1982. Вып. 35.

Ищенко, Е. П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений : дис. ... д-р. юр. наук / Е. П. Ищенко. — Свердловск, 1989.

Колдин, А. В, Крестовников, О. А. Источники криминалистической информации / А. В. Колдин, О. А. Крестовников. — М. : Юрлитинформ, 2007.

Колдин, В. Я. Криминалистический анализ / В. Я. Колдин. — М. : Юрлитинформ, 2016.

Колдин, В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности. Функция моделирования / В. Я. Колдин // Советское государство и право. — № 2. — 1987.

Колдин, В. Я. Судебная идентификация / В. Я. Колдин. — М., 2002.

Колдин, В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания / В. Я. Колдин // Советское государство и право. — 1974. — № 11.

Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. — М., 1986.

Криминалистика. Информационные технологии доказывания : учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. — М. : Зерцало-М, 2007.

Самыгин, Л. Д. Расследование как система деятельности. М. : МГУ, 1989.

Сегай, М. Я. Методология судебной идентификации / М. Я. Сегай. — Киев, 1970.

Селиванов, Н. А. Вещественные доказательства / Н. А. Селиванов. — М. : Юрид. лит., 1971.

Селиванов, Н. А. Советская криминалистика: система понятий / Н. А. Селиванов. — М., 1982.

Старченко, А. А. Логика в судебном исследовании / А. А. Старченко. — М. : Госюриздат, 1958.

Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В. Я. Колдина. — М. : МГУ, 1989.

Шавер, Б. Предмет и метод советской криминалистики / Б. Шавер // Социалистическая законность, 1938. № 6.

Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А. Р. Шляхов. — М. : Юрид. лит., 1979.

Эйсман, А. А. Логика доказывания / А. А. Эйсман. — М., 1971.

Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. — М. : Наука, 1978.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

КРИМИНАЛИСТИКА. ПОЛНЫЙ КУРС

Том 2

МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры

Под общей редакцией *И. В. Александрова*
Ответственный редактор *В. Я. Колдин*

Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Charter». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 000.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru